947
A474

477 до 20/XI 46

НА ДОМ
НЕ ВЫДАЕТСЯ

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

до 17/XI
19 29

НА ДОМ
НЕ ВЫДАЕТСЯ

1351 до 22/VI 71

Колич. прод. выдач.

IX/21 of

Дубликат

Междубликатный абонемент
Московской обл. библиотеки

Екатерина Алеуѣевна

Великая Княгиня Всероссійская

CATHARINA ALEXEWNA

Magna Dux Russorum

Съ портрета пис. Гротомъ, грав. Штенглина, хранящ. въ Императорскомъ Эрмитажѣ.

Исполнено въ фототипіи Императорской Академіи Художествъ В. И. Штейна.

цена. СПб., 16 Января 1885 г.

НО
П 84 г.
ВЫДАЕТСЯ ЗА ПОЛЕЗНЫЕ ЗАНЯТИЯ
НА ДОМ НЕ ВЫДАЕТСЯ
№ 76295
126134
49
947
Д474

Великая Княгиня

Екатерина Алексѣевна

1729–1761 г.

Историческій очеркъ

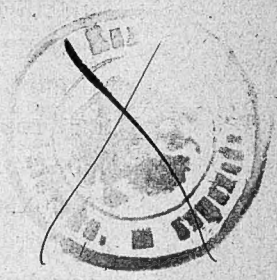
П. ДИРИНА.

[1 л. порт.]

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Эдуарда Гоппе,
Вознесенскій пр., № 53.
1884.

Межбиблиотечный абонемент
Московской обл. библиотеки

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 20 ноября 1884 г.



I.

Наша отечественная историческая литература изобилуетъ какъ спеціальными исторіями царствованія Императрицы Екатерины II, имени которой потомство недаромъ придало прилагательное Великой, такъ равно и отдѣльными изслѣдованіями нѣкоторыхъ выдающихся эпохъ ея царствованія. Но при этомъ можно почти безошибочно сказать, что литература, посвященная Екатеринѣ, исключительно занята временемъ ея самодержавія и только лишь изрѣдка, и то вскользь, упоминается о ея происхожденіи, пріѣздѣ въ Россію, жизни среди совершенно чуждаго для нея двора и о ея отношеніяхъ къ своей новой царственной семьѣ. Между тѣмъ нельзя не признать, что характеръ дѣятельности Императрицы, въ продолженіе всего ея царствованія, находится въ прямой зависимости отъ тридцати-двухълѣтняго подготовительнаго періода ея жизни, менѣе замѣтнаго, но не менѣе знаменательнаго, въ продолженіе котораго стали проявляться признаки будущей великой личности, получившей полное развитіе въ эпоху ея славнаго царствованія.

Рѣдкое имя пользовалось такою популярностью въ историческихъ судьбахъ народа, какъ имя Екатерины II

въ средѣ русскихъ. Тѣ тридцать-четыре года прошлаго столѣтія, въ продолженіе которыхъ Россія благоденствовала и была возведена на высшую степень величія, народный голосъ назвалъ Екатерининымъ Вѣкомъ. Современники благоговѣли передъ ея именемъ. Дошедшіе до насъ воспоминанія и мемуары той эпохи дышутъ самою горячею преданностью и какимъ-то поклоненіемъ передъ Монархиней. Съ другой стороны, одновременно съ похвалами, исходящими изъ сердецъ русскихъ, появляются самые ярые обвинители Екатерины въ лицѣ иностранныхъ писателей. Эти послѣдніе вызвали нѣкоторыхъ подражателей въ средѣ позднѣйшихъ русскихъ критиковъ, которые, задавшись цѣлью представить личность и дѣятельность Екатерины, старались доказать всю неприглядность ея царствованія, въ продолженіе котораго неурядицы и бѣдствія государства были почти всеобщи и скрывались только за внѣшнимъ блескомъ обстановки. Сопоставляя отзывы и сужденія современниковъ и послѣдующихъ критиковъ, невольно рождается вопросъ: которые изъ нихъ болѣе достойны довѣрія? Но вмѣстѣ съ тѣмъ является и сомнѣніе, дѣйствительно-ли Екатерина заслуживаетъ того ореола, какимъ русскіе привыкли ее окружать? Не кроется-ли подъ блескомъ ея побѣдъ и дѣяній другая сторона, разоблачающая побужденія и пріемы человѣка, въ которомъ честолюбіе и высокомѣріе берутъ верхъ надъ доблестями государственными, другими словами — человѣка, рискующаго, хотя и счастливо, благомъ государства въ видахъ личныхъ разсчетовъ?

Противорѣчія современниковъ понятны. Иностранцы судили Екатерину какъ дѣятеля политическаго, не щадившаго никого, чей образъ мыслей и дѣйствій не соотвѣтствовалъ ея видамъ, направленнымъ къ пользѣ Россіи, и поэтому они примѣшивали язвительные намеки

на частную жизнь Екатерины, забывая, что она, будучи Императрицею, въ то же время оставалась и человѣкомъ, а слѣдовательно ей, какъ всякому человѣку, были присущи и свои недостатки. Русскіе, напротивъ того, не могли не сознавать ея государственной мудрости, благодаря которой весь періодъ ея царствованія наполненъ полезными учрежденіями и реформами по внутреннему управленію, и наконецъ, благодаря которой, отечество наше было поставлено дѣйствительно на степень первенствующей державы. Строгая и непривѣтливая къ иностранцамъ, Екатерина являлась величественною и кроткою къ своимъ подданнымъ.

Какъ ни разнообразны отзывы о Екатеринѣ современниковъ и критика позднѣйшихъ писателей, тѣмъ не менѣе нѣтъ ни одного, который не отдавалъ бы должной справедливости ея уму, выработкѣ характера, силѣ воли и многосторонности познаній. Вникая въ личность Екатерины, невольно задаешься вопросомъ: какъ образовался подобный характеръ? какъ проявилась въ ней такая твердость воли, такое могущество духа? Тридцати-трехъ лѣтъ отъ роду, она принимаетъ правленіе Россійскою Имперіею и съ перваго же шага проявляетъ полную подготовку для выпавшаго на ея долю великаго призванія. Затѣмъ правитъ государствомъ обдуманно, сознательно и вмѣстѣ съ тѣмъ мудро и энергично. Конечно, отвѣтъ на эти вопросы заключается главнымъ образомъ въ необыкновенныхъ дарованіяхъ Екатерины и въ самомъ ходѣ событій ея жизни. Тѣмъ не менѣе характеръ человѣка, какъ бы онъ ни былъ самостоятеленъ и каковы бы ни были природные задатки, вырабатывается постепенно, подъ вліяніемъ условій воспитанія и жизни. Екатерина не могла составлять исключеніе изъ этихъ общечеловѣческихъ законовъ, и безспорно то, что и для нея имѣли значеніе воспитаніе въ дѣт-

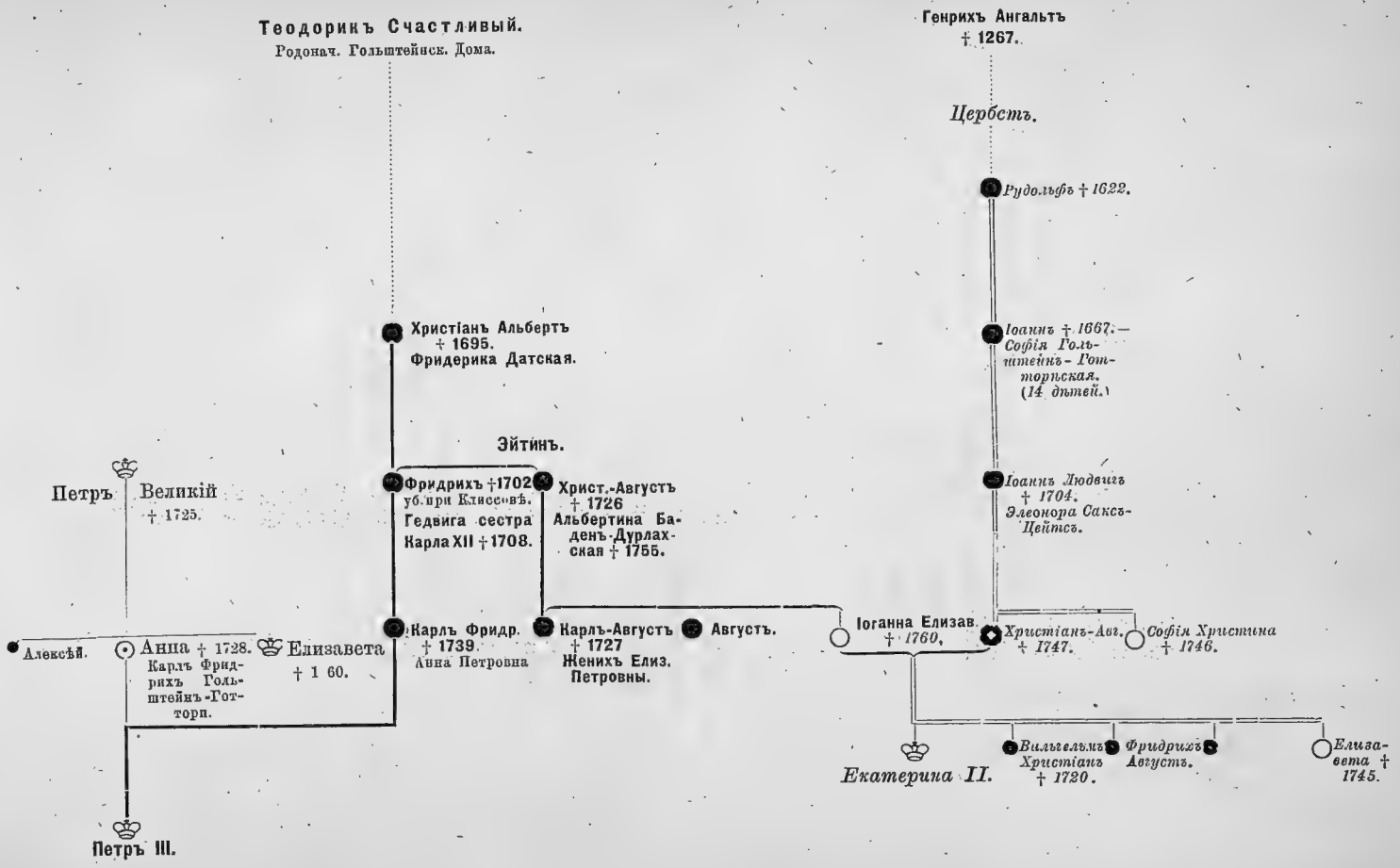
ствѣ, первоначальная обстановка въ родительскомъ домѣ, а затѣмъ при русскомъ дворѣ, куда она пріѣхала въ качествѣ невѣсты Великаго Князя Петра Ѳедоровича, и наконецъ тѣмъ занятіямъ, которыми она впослѣдствіи старалась восполнить свое образованіе, уже будучи Великою Княгинею.

Слѣдовательно, оцѣнить личность и узнать, какія обстоятельства и условія выработали подготовку будущей Самодержицы Всероссійской, возможно только прослѣдивъ ея жизнь съ дѣтства и познакомившись съ тою обстановкою, въ которой она находилась, и съ тѣми личностями, которыя ее окружали и могли имѣть вліяніе на ея характеръ.

Въ предлагаемомъ читателю трудѣ мы старались собрать и привести въ порядокъ появлявшіяся уже въ печати, но разсѣянныя въ разныхъ изданіяхъ извѣстія о молодости, образѣ и обстоятельствахъ жизни Екатерины Алексѣевны до ея самодержавнаго вступленія на престолъ.

Екатерина происходила отъ младшей линіи, слѣдовательно отъ князей невладѣтельныхъ, Гольштейнъ-Готторпскаго дома *). Родоначальникомъ старшей линіи былъ герцогъ Фридрихъ II, епископъ Любскій, убитый въ 1702 году при Клиссовѣ. Послѣ него остался сынъ Карлъ-Фридрихъ, который женился на старшей дочери Петра Великаго, Аннѣ Петровнѣ, и имѣлъ отъ этого брака сына, призваннаго впослѣдствіи своею теткою, Императрицею Елизаветою Петровною, въ Россію, женившагося на Екатеринѣ, а по смерти тетки вступившаго на престолъ подъ именемъ Петра III-го.

*) См. генеалогическую таблицу.


Теодорикъ Счастливый.
Родонач. Гольштейнск. Дома.
Христіанъ Альбертъ † 1695.
Фридерика Датская.
Эйтинъ.
Фридрихъ † 1702 уб. при Клиссовѣ.
Гедвига сестра Карла XII † 1708.
Христ.-Августъ † 1726
Альбертина Баденъ-Дурлахская † 1755.
Карлъ Фридр. † 1739.
Анна Петровна
Карлъ-Августъ † 1727
Женихъ Елиз. Петровны.
Августъ.
Петръ Великій † 1725.
Алексѣй.
Анна † 1728.
Карлъ Фридрихъ Гольштейнъ-Готторп.
Елизавета † 1 60.
Петръ III.
Домъ Императорскій Россійскій.
Домъ Гольштейнъ-Готторпскій.
Генрихъ Ангальтъ † 1267.
Цербстъ.
Рудольфъ † 1622.
Іоаннъ † 1667. — Софія Гольштейнъ-Готторпская. (14 дѣтей.)
Іоаннъ Людвигъ † 1704.
Элеонора Саксъ-Цейтсъ.
Іоганна Елизав. † 1760.
Христіанъ-Авг. † 1747.
Софія Христина † 1746.
Екатерина II.
Вильгельмъ Христіанъ † 1720.
Фридрихъ Августъ.
Елизавета † 1745.
Домъ Ангальтъ-Цербстскій.

Родоначальникъ младшей линіи—Христіанъ-Августъ, отъ брака съ Альбертиною-Фридерикою Баденъ-Дурлахскою, имѣлъ дочь Іоганну-Елизавету, которая, выйдя замужъ за Христіана же Августа Ангальтъ-Цербстскаго, сдѣлалась матерью Екатерины II-ой. Такимъ образомъ, будущіе супруги—Петръ III и Екатерина II, происходя отъ одного дома, но отъ двухъ разныхъ линій, — были между собою троюродными братомъ и сестрою.

Отецъ Екатерины II, князь Христіанъ-Августъ, родился 29-го ноября 1690 года, въ Дорнбургѣ-на-Эльбѣ и, будучи младшимъ изъ дома Дорнбургскаго, который въ свою очередь составлялъ младшую линію Ангальтъ-Цербстскаго, не принадлежалъ, равно какъ и его супруга Іоганна-Елизавета, къ владѣтельнымъ князьямъ.

Получивъ прекрасное воспитаніе въ Берлинѣ въ Рыцарской Академіи (Ritter-Academie), Христіанъ-Августъ, какъ большинство незначительныхъ князей того времени, искавшихъ покровительства владѣтельныхъ государей, поступилъ въ 1708 году на службу къ королю прусскому Фридриху II-му. Здѣсь онъ бо̀льшую часть времени проводилъ внѣ дома, сражаясь, въ войну за Испанское наслѣдство, подъ знаменами бранденбургскими противъ французовъ, участвовалъ въ сраженіи при Мальплакэ, въ 1710 году, въ осадахъ Монса въ осадахъ Дуэ, Бетюна, Санъ-Венана и Эра, а въ слѣдующемъ году сдѣлалъ Савойскій походъ. Во время перерывовъ боевой походной жизни бравому прусскому полковнику не сидѣлось дома, и онъ, въ качествѣ туриста, разъѣзжалъ по Нидерландамъ, Италіи, Тиролю и по средней Германіи.

Въ 1741 году, назначенный губернаторомъ города Штетина, Христіанъ-Августъ наконецъ водворяется на постоянное мѣстожительство и съ этихъ поръ раздѣляетъ время вмѣстѣ со своимъ молодымъ

семействомъ. Въ слѣдующемъ году, по случаю смерти владѣтельнаго князя Цербстскаго Іоганна-Августа, княжество перешло въ совмѣстное владѣніе младшей линіи, т. е. князя Іоганна-Августа и брата его — нашего Христіана-Августа. Поэтому родители Екатерины оставили Штетинъ и торжественно, какъ новыя владѣтельныя особы, переѣхали на жительство въ Цербстъ. Въ это же время завязались переговоры о бракѣ ея съ наслѣдникомъ россійскаго престола. Черезъ три года совмѣстнаго правленія братьевъ старшій изъ нихъ умеръ, и отецъ Екатерины сталъ единодержавнымъ княземъ, но не надолго: онъ скончался 16-го марта 1747 года въ своемъ новомъ княжествѣ, на 57-мъ году отъ роду *).

О личныхъ свойствахъ Христіана-Августа Ангальтъ-Цербстскаго мало сохранилось извѣстій. Безспорно то, что онъ, получивъ прекрасное образованіе, обладалъ отличными душевными качествами, былъ примѣрнымъ мужемъ и любящимъ отцомъ **). Судя по его образу жизни и наклонностямъ, онъ представлялъ типъ строгаго служаки стариннаго нѣмецкаго закала. По запискамъ же Фридриха II-го можно заключить, что Христіанъ-Августъ былъ человѣкъ набожный, ярый лютеранинъ и долго не могъ примириться съ мыслью, что дочь его перемѣнитъ вѣроисповѣданіе. Екатерина, уже будучи въ Россіи, оплакивала его кончину, о чемъ и упоминаетъ въ своихъ запискахъ. Несомнѣнно то, что Христіанъ-Августъ далеко уступалъ своей супругѣ въ живости ума и вообще находился въ сравненіи съ нею какъ бы на заднемъ планѣ ***).

---

*) Zedler. Universal-Lexicon. – Siebigk. «Katharina der Zweiten Brautreise nach Russland», 1–3. Бартеневъ, «Восемнадцатый Вѣкъ», кн. I. 1–4.

**) Siebigk. 3.

***) Бартеневъ. «XVIII Вѣкъ кн. I. 3.

Личностью гораздо болѣе значительною, по вліянію своему на Екатерину, является ея мать. Іоганна-Елизавета была четвертою дочерью герцога Гольштейнъ-Готторпскаго, вслѣдствіе чего находилась въ довольно близкомъ родствѣ съ русскимъ царственнымъ домомъ. Такъ что наслѣдница князя Ангальтъ-Цербстскаго-Дорнбургскаго пользовалась съ одной стороны, благодаря заслугамъ своего мужа, покровительствомъ Фридриха II-го, съ другой же, ради родственныхъ связей—расположеніемъ Императрицы Елизаветы Петровны.

Іоганна-Елизавета родилась въ 1712 году. Рано лишившись отца, она поступила подъ опеку Брауншвейгъ-Вольфенбюттльскаго герцога, а потому, при его же дворѣ, было совершено въ 1727 году бракосочетаніе ея съ Христіаномъ-Августомъ. Хотя событіе это не могло имѣть никакого значенія для иностранныхъ дворовъ и князь Ангальтъ не имѣлъ никакихъ правъ увѣдомлять великія державы о своемъ бракосочетаніи, тѣмъ не менѣе, польщенный родствомъ съ Русскимъ Императоромъ и пользуясь случаемъ вступить съ нимъ въ сношенія, князь Ангальтъ поспѣшилъ послать Петру II-му извѣстительную грамоту о своемъ бракѣ *). Черезъ два года послѣ брака, въ городѣ Штетинѣ, гдѣ Христіанъ-Августъ былъ комендантомъ, родилась дочь Софія-Августа-Фридерика.

При блестящихъ способностяхъ Іоганны-Елизаветы, ея наблюдательности и отчасти предусмотрительности, темныя стороны ея характера заставляютъ иногда забывать ея качества и выставляютъ болѣе, чѣмъ было въ ней въ дѣйствительности, склонность къ властолюбію, тщеславіе, неуживчивость и страсть къ интригѣ.

---

*) Хранится въ Главн. Госуд. Арх.—Бартеневъ. «XVIII Вѣкъ», кн. I. 4.

Выйдя замужъ шестнадцати лѣтъ и оставаясь почти постоянно въ одиночествѣ, Іоганна-Елизавета не съумѣла пристраститься къ домашнему очагу; ее тянуло, напротивъ того, подальше отъ домашнихъ мелочныхъ заботъ и поближе къ блеску европейскихъ дворовъ. Ей всюду было лучше, чѣмъ дома. Это объясняется отчасти тѣмъ, что положеніе принцессы у себя было далеко не завидно. Домашняя обстановка носила на себѣ характеръ совершенно ненормальный; принцесса крови по рожденію, она вмѣстѣ съ тѣмъ была не болѣе, какъ женою командира прусскаго полка или коменданта нѣмецкаго города. Денежныя средства не позволяли ей вести образъ жизни, который могъ бы удовлетворять ея вкусамъ и потребностямъ. Ей тѣсно казалось въ своемъ маленькомъ княжествѣ и неуютно въ большомъ чужомъ городѣ, въ которомъ ей приходилось играть второстепенную роль. Поэтому Іоганна-Елизавета пользуется каждымъ удобнымъ случаемъ путешествовать, а дѣтей своихъ сдать на время отсутствія на попеченіе бабушки, жившей безвыѣздно въ Гамбургѣ *).

Кстати здѣсь будетъ упомянутъ о братьяхъ и сестрахъ Екатерины. Отъ брака Христіана-Августа съ Іоганною-Елизаветою было пятеро дѣтей; изъ нихъ старшая дочь, Софія-Августа-Фридерика, какъ выше было упомянуто, впослѣдствіи возсѣла на россійскій престолъ. Слѣдующіе за нею дѣти были: Вильгельмъ-Христіанъ, который въ 1742 году умеръ двѣнадцати лѣтъ отъ роду; затѣмъ слѣдовалъ Фридрихъ-Августъ, унаслѣдовавшій, по смерти отца, княжество Ангальтъ-Цербстское. Онъ родился въ 1734 году. Послѣ сыновей слѣдовали двѣ принцессы, изъ которыхъ одна умерла на

*) Гротъ. «Воспитаніе Екатерины II». «Древн. и Нов. Россія» 1875. Т. I, стр. 114.

двѣнадцатый день послѣ рожденія, а вторая, Елизавета, не достигла и трехлѣтняго возраста и скончалась во время пребыванія матери въ Россіи, въ 1745 году *). Сношенія Екатерины съ братьями продолжались только до тѣхъ поръ, пока она не оставила Германіи; со времени же переѣзда ея въ Россію, всякая связь съ ними прерывается сама собою, и только изрѣдка Екатерина получаетъ о нихъ извѣстія изъ писемъ отца или черезъ пріѣзжихъ изъ Цербста курьеровъ.

Екатерина II родилась 2-го мая (21-го апрѣля) 1729 г. въ большомъ приморскомъ городѣ Штетинѣ, въ Помераніи, судя по ея позднѣйшимъ письмамъ къ энциклопедисту Гримму, въ угловомъ домѣ, принадлежавшемъ Грейфенгейму, на Большой Соборной улицѣ, въ Маріинской церковной оградѣ. Домъ этотъ занималъ ея отецъ, по должности коменданта города. Здѣсь же ей пришлось провести первые годы жизни. День рожденія Екатерины совпадалъ съ какимъ-то праздникомъ, по случаю котораго Штетинъ съ утра оглашался звономъ церковныхъ колоколовъ. Родители новорожденной радовались этому событію и считали благимъ предзнаменованіемъ совпаденіе его съ праздничнымъ днемъ. Домашняя обстановка вполнѣ соотвѣтствовала простотѣ образа жизни семейства штетинскаго коменданта. Екатерина занимала въ родительскомъ домѣ три комнаты со сводами въ одномъ изъ флигелей такъ называемаго дворца, противуположнымъ комнатамъ матери; рядомъ съ ея спальнею возвышалась колокольня церкви. Жизнь въ Штетинѣ, равно какъ впослѣдствіи въ Цербстѣ, отличалась полною простотою. Дѣти князя Христіана росли, проникнутые чувствомъ глубокаго уваженія къ отцу, строгость котораго нѣсколько парализовывалась мяг-

*) Siebigk. 4—5.

костью матери. Родители старались приложить, насколько было возможно, старанія къ тому, чтобы дать двумъ старшимъ дѣтямъ хорошее воспитаніе, въ особенности-же укрѣпить въ нихъ основы лютеранской вѣры. Принцесса Софія, которой мать присвоила въ семейномъ быту названіе Фигхенъ, или по ея правописанію— Фиггенъ, была въ этомъ отношеніи главнымъ лицомъ, привлекавшимъ на себя вниманіе родителей, такъ какъ братъ ея, принцъ Фридрихъ-Августъ, былъ ребенокъ чрезвычайно слабаго сложенія и здоровья, и его болѣзненное состояніе требовало постояннаго тщательнаго ухода и бережливости.

Іоганна-Елизавета, имѣя страсть къ путешествіямъ, на время своихъ отлучекъ отправляла дѣтей на попеченіе ихъ бабушки (по матери) въ Гамбургъ. Но, помимо этихъ переѣздовъ, Екатеринѣ въ первыя четырнадцать лѣтъ жизни, проведенныхъ въ Германіи, приходилось нѣсколько разъ перемѣнять мѣстопребываніе, сопровождая иногда мать въ ея поѣздкахъ въ Брауншвейгъ, Киль и Берлинъ.

Уже по этому одному легко себѣ представить, что Екатерина не могла получить послѣдовательнаго воспитанія. Но за то эти самые переѣзды служили ей своего рода средствомъ къ образованію, доставляя случаи къ наблюденію нравовъ, знакомя ее съ разными дворами, развивая въ ней общительность характера, знаніе свѣта и людей. При всѣхъ дворахъ Екатерина съ равнымъ успѣхомъ производила одинаково благопріятное для нея впечатлѣніе *).

Не смотря на любовь добраго, честнаго и богобоязненнаго Христіана-Августа къ дѣтямъ, онъ не могъ

*) Гротъ, 114. Siebigk, 5.

имѣть большаго вліянія на ихъ воспитаніе, такъ какъ почти всю жизнь исключительно посвятилъ строгой военной службѣ, вначалѣ сопряженной съ частыми походами, а потомъ занятый укрѣпленіемъ и управленіемъ города Штетина. Все же воспитаніе дѣтей естественно перешло въ руки матери; но и мать—трудно предположить, чтобы серьезно относилась къ своимъ обязанностямъ, такъ какъ, во-первыхъ, систематичныя и строгія занятія были не по лѣтамъ молодой женщинѣ, а во-вторыхъ, самый характеръ Іоганны-Елизаветы, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, былъ совершенно неподходящій къ подобнаго рода занятіямъ. Поэтому, хотя намъ весьма мало извѣстны подробности младенчества и ребячества Екатерины, тѣмъ не менѣе можно почти безошибочно сказать, что Екатериною и ея братомъ занимались весьма поверхностно. Это предположеніе подтверждается еще тѣмъ, что впослѣдствіи, уже будучи Императрицею, Екатерина писала весьма своеобразно не только по-русски и по-французски, но и на нѣмецкомъ языкѣ, бывшемъ ей природнымъ до четырнадцатилѣтняго возраста, такъ что она иногда, напримѣръ, въ нѣмецкихъ своихъ письмахъ смѣшивала mir и mich. При этомъ любопытно замѣтить, что Государыня не столько дѣлала ошибокъ противъ произношенія и правописанія, сколько противъ согласованія и управленія словъ въ рѣчи. Она сама впрочемъ не скрывала своихъ слабостей по части научной подготовки и смѣялась надъ собою въ своихъ шутливыхъ статейкахъ. Такъ напримѣръ, въ одной изъ нихъ, подъ заглавіемъ „Были и Небылицы“, она говоритъ: „свѣтъ мой (такъ я всегда себя называю, когда самъ съ собою говорю...) пишешь ты много, не учась ничему и не зная ниже правилъ грамматики“... Въ другой разъ она сама сознается и говоритъ: „увѣряю, что ни единаго языка правильно не

знаю, грамматикѣ не учился и орѳографію отнюдь не знаю“ *).

Родина Екатерины—Штетинъ—только незадолго до ея рожденія перешелъ въ прусское владѣніе и еще полонъ былъ слѣдами шведскаго владычества. Живя здѣсь, а равно находясь въ гостяхъ у своихъ родственниковъ въ Брауншвейгѣ и Гамбургѣ, Екатерина должна была съ ранняго младенчества слышать разсказы о недавнемъ пребываніи русскихъ въ томъ краю, о чудесномъ Императорѣ, вызывавшемъ удивленіе и страхъ во всей Европѣ. Извѣстно, что ничто такъ не поражаетъ дѣтскаго воображенія, какъ подвиги великихъ людей, и должно полагать, что необъятность Россіи, ея могучія силы, ея величіе, эти люди, отправляющіеся на штетинскихъ корабляхъ искать счастія въ таинственной Московіи—все это принадлежало къ дѣтскимъ впечатлѣніямъ будущей Русской Государыни. Въ семейномъ кругу штетинскаго губернатора не прекращались толки о Россіи. Мать Екатерины, женщина съ живымъ воображеніемъ, принимала горячее участіе въ судьбѣ своихъ голштинскихъ братьевъ, которые изъ Петербурга ждали себѣ счастія **).

Объ учителяхъ Екатерины можно сказать весьма немного. Повидимому память о нихъ изгладилась вмѣстѣ съ временемъ. Объясняется это отчасти тѣмъ, что въ молодые годы Екатерины не было никого, кто могъ бы интересоваться незначительною по положенію принцессою Цербстскою и стараться оставить памятники ея жизни; никто и думать не могъ о той будущности, которая ей предстояла. Тѣмъ болѣе не представлялось никакого интереса заниматься лицами, окружавшими ее. Сами наставники Екатерины были люди далеко не выдающіеся

*) «Сборникъ Русскаго Историческаго Общества». Т. VII, стр. VII.
**) «Восемнадцатый Вѣкъ», кн. 1. 5—6.

своими познаніями и способностями и набирались большею частью изъ числа эмигрантовъ, наводнявшихъ въ срединѣ прошлаго столѣтія Германію. Свѣденія, какія имѣются о наставникахъ Екатерины, почерпнуты изъ ея же собственноручныхъ замѣтокъ и изъ позднѣйшей переписки ея съ Гриммомъ.

Ближайшимъ лицомъ къ Екатеринѣ была ея воспитательница — M-lle Кардель, которая вмѣстѣ съ тѣмъ исправляла при ней должность гофмейстерины. M-lle Кардель была—по словамъ Екатерины—„старосвѣтская француженка", которая „знала все, ничему не учившись—почти такъ же, какъ и ея воспитанница"; тѣмъ не менѣе она—по мнѣнію Екатерины—„была дѣвица съ большимъ умомъ" и „умудряла" ее такъ, что „не худо приготовила для замужества въ сосѣдствѣ" *). Другомъ и совѣтникомъ г-жи Кардель былъ придворный проповѣдникъ въ Штетинѣ—Моклеръ, часто ее посѣщавшій, особенно по воскресеньямъ. Этотъ Моклеръ былъ женатъ на дочери историка Рапена Тойраса. Братъ ея былъ регирунгсратомъ въ томъ же городѣ. „Все это—говоритъ Екатерина — жило рука объ руку съ г-жею Кардель и очень интересовалось ея воспитанницею" **). Кромѣ г-жи Кардель, у Екатерины были учителями: французскаго языка Лоранъ, нѣмецкаго—Вагнеръ и музыки—Беллигъ. Лоранъ, бывшій школьный учитель, былъ ярый кальвинистъ, вовсе не зная нѣмецкаго языка, и презиралъ Лютера. Онъ былъ очень простъ и глупъ и по выраженію Екатерины — за то, что „училъ царапать по французски", хорошо заслужилъ деньги, которыя ему платили за уроки. За то другой, по ея словамъ — „почтенный пасторъ Вагнеръ перевернулся бы въ гробу, еслибъ узналъ, что кого-нибудь другаго, кромѣ его

*) Записки Грибовскаго.

**) Подлинныя письма Екатерины II къ Гримму. — Гротъ.

подозрѣваютъ въ обученіи меня нѣмецкому языку". Не смотря на то, что Вагнеръ наставлялъ Екатерину своими Prüfungen, онъ, по ея мнѣнію, недалеко ушелъ отъ Лорана и смѣло могъ быть причисленъ къ тому же разряду глупцовъ. Что же касается учителя Беллига, то о немъ Екатерина писала Гримму: „Вамъ извѣстно, какъ плодотворны были его уроки; съ нимъ былъ всегда человѣкъ, который вылъ басомъ; онъ заставлялъ его пѣть въ моей комнатѣ; я слушала его и говорила про себя: онъ реветъ какъ волъ; но г. Беллигъ приходилъ въ восторгъ, только что горло его баса зашевелится" *).

Изъ этихъ замѣтокъ и характеристики каждаго своего наставника юной, бойкой и воспріимчивой воспитанницы, можно себѣ представить, на сколько ученье ихъ и наставленія могли быть плодотворны. Только врожденный тактъ и сдержанность заставляли ее съ почтительностью повиноваться старшимъ и быть сдержанною въ своихъ рѣчахъ передъ наставниками. Это положеніе Екатерина сознавала вполнѣ и впослѣдствіи высказала его Гримму: „Не всегда знаютъ, что думаютъ дѣти, — писала она, — и трудно узнать дѣтей, особливо когда доброе воспитаніе пріучило ихъ слушать съ покорностью. Не слѣдуетъ слишкомъ бранить дѣтей, но надо внушать имъ довѣріе, чтобъ они отъ васъ не скрывали своихъ неловкостей; впрочемъ, конечно, для школьныхъ учителей гораздо удобнѣе выказывать свое властолюбіе, чтобы заправлять цѣлымъ домомъ".

Въ позднѣйшихъ своихъ запискахъ Екатерина пишетъ: „Самымъ унизительнымъ положеніемъ мнѣ всегда казалось быть обманутою: бывши ребенкомъ, я горько плакала, когда меня обманывали, а между тѣмъ я поспѣшно исполняла все, что отъ меня требовали и даже

*) Гротъ, 115.

Московской обл. библиотека

ненравившееся мнѣ, когда мнѣ объясняли настоящія причины“ *). Изъ этого признанія видно, какъ рано въ Екатеринѣ развилось чувство собственнаго достоинства и гордости; къ этимъ качествамъ нужно еще прибавить то, что Екатерина сама сознавала въ себѣ „умъ отъ природы философскій“ **). Это мнѣніе было подтверждено графомъ Гюлленборгомъ еще въ то время, когда Екатерина была ребенкомъ и находилась въ Гамбургѣ. Онъ не могъ воздержаться, чтобы не замѣтить, что мать Екатерины мало ее цѣнитъ и несправедлива къ ней, потому что ребенокъ не по лѣтамъ развитъ; тогда же отъ вниманія его не укрылось, что у нея философскій умъ.

Чтобы пополнить свѣденія о малолѣтствѣ Екатерины, надо замѣтить, что какъ бы ни казалась несбыточною въ то время мысль — незначительной принцессѣ Цербстской сдѣлаться Императрицею Всероссійскою, тѣмъ не менѣе предчувствіе будущаго величія, еще въ дѣтскіе годы, было пробуждено въ Екатеринѣ. Вотъ разсказъ, собственноручно составленный ею по русски и уцѣлѣвшій случайно въ бумагахъ князя Безбородко ***): „Въ 1742 или 3-мъ году я была съ матерью моей въ Брауншвейгѣ, у вдовствующей герцогини, у которой мать моя была воспитана, и та герцогиня и мать моя была дома Голштинскаго. Тутъ случилось быть епископу католицкому Корвенскому (l'évêque de Corbri) и съ нимъ было нѣсколько его канониковъ. Между каноническими былъ одинъ дома Менгдена. Сей упражнялся предсказаніями и хиромантіей. Бывъ вопрошенъ матерью моей о принцессѣ Маріаннѣ Бевернской, съ которой я

*) Собственноручныя замѣтки Велик. Княг. Екатерины Алексѣевны. — Сборникъ Русскаго Историч. Общества, т. VII, стр. 89, п. 23.

**) Тамъ же, стр. 83, п. 5.

***) «Восемнадцатый Вѣкъ», кн. 1, стр. 6.

была весьма дружна и которая по нраву и красотѣ своей была весьма всѣми любима, не получитъ-ли она по своимъ достоинствамъ корону, онъ не захотѣлъ объ ней сказать ничего. Наконецъ сказалъ матери моей: „на лбу вашей дочери вижу короны, по крайней мѣрѣ, три“. Мать моя приняла то за шутку. Онъ же сказалъ ей, чтобъ она никакъ о томъ не сумнѣвалась, и отвелъ ее къ окошку, и она послѣ уже съ прекрайнимъ удивленіемъ сказала, что онъ ей чудеса насказалъ, о чемъ она ему и говорить воспретила; а мнѣ сказала уже здѣсь, что Менгдена предсказанія выполняются. А болѣе отъ нея узнать не могла“.

II.

Пока принцесса Софія-Августа Цербстская росла въ Германіи, въ Россіи предстояло рѣшить вопросъ самой настоятельной необходимости, а именно обезпечить престолонаслѣдіе въ случаѣ смерти Императрицы Елизаветы Петровны. Еще свѣжо было въ памяти одно изъ золъ царствованія Анны Іоанновны — неувѣренность, что̀ будетъ съ Россіею послѣ нея? Вопросъ этотъ тѣмъ болѣе усложнялся теперь, что на плечахъ оставалась цѣлая свергнутая семья — старшая вѣтвь дома Романовыхъ. Императрица Елизавета Петровна, послѣ того что потеряла своего жениха, принца Карла Голштинскаго, епископа Любскаго, скончавшагося въ 1727-мъ году, приняла твердое рѣшеніе не выходить замужъ. Для того же, чтобы обезпечить за собою престолъ, она вызвала изъ Голштиніи своего племянника, герцога Карла-Петра-Ульриха. Тринадцатилѣтній герцогъ прибылъ въ Петербургъ 5-го февраля 1742 года, а 7-го ноября, послѣ принятія имъ православія, Императрица дала ему титулъ Великаго Князя Россійскаго и объявила его своимъ наслѣдникомъ. Но и этого было недостаточно; обезпокоенная сочувствіемъ нѣкоторыхъ политическихъ партій къ Брауншвейгской фамиліи, Императрица хотѣла какъ можно скорѣе устроить бракъ наслѣдника престола, не взирая на его молодость, и тѣмъ обезпечить престолонаслѣдіе.

Вопросъ предстоялъ немалый — выборъ невѣсты находился въ зависимости отъ всевозможныхъ соображеній чисто политическихъ. Только что намѣреніе Императрицы сдѣлалось извѣстнымъ, какъ при дворѣ пошла въ ходъ цѣлая система политическихъ интригъ. Начиная съ канцлера Бестужева, каждый изъ представителей иностранныхъ державъ старался выдвинуть свою кандидатку съ такимъ разсчетомъ, чтобы молодая великая княгиня, ея родственники и приближенные, которые съ нею пріѣдутъ въ Россію, не пошли на-перекоръ ихъ вліянію и видамъ. Бестужевъ выставлялъ саксонскую принцессу Маріанну, дочь польскаго короля Августа III *), ибо этотъ бракъ вполнѣ соотвѣтствовалъ его политической системѣ — союзу между морскими державами для противодѣйствія Франціи и Пруссіи. Бестужева поддерживалъ саксонскій резидентъ Герсдорфъ, не щадившій ни средствъ ни денегъ, чтобы задобрить канцлера. Сильная партія дѣйствовала въ пользу принцессы Ангальтъ-Цербстской; Императрицѣ же болѣе другихъ нравилась сестра короля Прусскаго, Луиза-Ульрика. Но подобный выборъ не соотвѣтствовалъ намѣреніямъ короля Фридриха. Узнавъ о видахъ Императрицы на его сестру, онъ писалъ своему резиденту въ Петербургѣ, Мардефельду, 2-го ноября 1743 года: „Что касается моихъ сестеръ, вамъ уже достаточно извѣстны мои намѣренія и то, что я ни одну изъ нихъ не выдамъ замужъ въ Россіи. Поэтому вы должны стараться ловко устроить такъ, чтобы мнѣ объ этомъ болѣе никогда не говорили“. Императрица не только не оскорбилась отказомъ Фридриха, но напротивъ, благодаря почти неограниченному довѣрію, которое въ то время она къ нему

*) Въ 1787 году вышла замужъ за баварскаго курфюрста Максимиліана-Іосифа.

питала, заискивала въ немъ и просила самому указать на одну изъ нѣмецкихъ принцессъ, которую онъ нашелъ бы болѣе подходящею для наслѣдника русскаго престола *).

Король Фридрихъ обратился за совѣтомъ къ своему министру Подевильсу. Подевильсъ, перебравъ нѣсколько невѣстъ изъ дома Дармштатскаго, Гессенъ-Филипстальскаго и Виртембергскаго, остановилъ выборъ преимущественно на принцессѣ Цербстской, которая, по его мнѣнію, была хотя нѣсколько молода, но велика ростомъ, красива и очень развита; къ тому же она была въ родствѣ съ домомъ Голштинскимъ.

Фридрихъ II вполнѣ одобрилъ выборъ Подевильса и тотчасъ же предписалъ Мардефельду представить его предложеніе Императрицѣ. Отвѣтъ Мардефельда не замедлилъ послѣдовать; 16-го ноября онъ уже доносилъ королю, что представленіе его принято благосклонно. Онъ объяснялъ между прочимъ, что такому счастливому результату обязанъ главнымъ образомъ Лестоку и обергофмаршалу Брюммеру, которые тоже высказывались за принцессу Цербстскую. Трудно съ достовѣрностью сказать, кому принадлежала иниціатива предложить Елизаветѣ Петровнѣ принцессу Цербстскую въ невѣсты Великому Князю — Мардефельду или Брюммеру, какъ этотъ послѣдній старался позже доказать; во всякомъ случаѣ главнымъ сватомъ явился король Прусскій, и, по его внушенію, выборъ былъ сдѣланъ. Впослѣдствіи Императрица, передавая Бестужеву поводы, которые побудили ее остановиться на принцессѣ Цербстской, говорила: „Много наслышалась я о Французской принцессѣ **); приходила мнѣ на мысли и Саксонская; но

*) Siebigk, 10.

**) Предложенный французскимъ посланникомъ маркизомъ де-ля Шетарди.

я за лучшее сочла взять принцессу протестантской вѣры, и при томъ изъ дома, хотя и знатнаго, но небольшаго, такъ чтобы въ русскомъ народѣ не произвели шуму и не возбудили зависти ни ея иноземныя связи, ни ея провожатые, которыхъ она привезетъ съ собою. Поэтому всѣхъ пригоднѣе принцесса Цербстская, тѣмъ болѣе, что она уже въ родствѣ съ Голштинскимъ домомъ“ *).

Надо замѣтить, что хотя всѣ дворскія партіи были возбуждены и заняты вопросомъ о выборѣ невѣсты для Петра Ѳедоровича, никто не могъ предполагать, что онъ разрѣшится такъ скоро и что Императрица не дастъ ему никакой огласки, а рѣшитъ сама келейнымъ образомъ. Всѣ приготовленія къ задуманному браку были обставлены такою глубокою тайною, что даже канцлеръ Бестужевъ, отъ котораго можно было ожидать самаго серьезнаго противодѣйствія, ничего не зналъ о происходившемъ, до самаго пріѣзда невѣсты въ Петербургъ. Единственно кто были посвящены въ тайну, кромѣ Императрицы—Брюммеръ, Лестокъ, графъ Алексѣй Разумовскій и Мардефельдъ — въ Петербургѣ, король и Подевильсъ—въ Берлинѣ.

Сохраненіе такой тайны тѣмъ болѣе было удивительно, что, передъ принятіемъ окончательнаго рѣшенія, слѣдовало устранить одно затрудненіе первостепенной важности, а именно: заручиться разрѣшеніемъ синода на совершеніе брака, не смотря на существующее между женихомъ и невѣстою родство. Однако и это затрудненіе было устранено. Не называя членамъ синода имени невѣсты, а лишь только степень родства, ему было предложено рѣшить: возможенъ ли подобный бракъ? Синодъ высказалъ мнѣніе, что пре-

*) Herrmann. — «Geschichte des russ. Staats». V.

пятствій встрѣтиться не можетъ, такъ какъ въ данномъ случаѣ родство происходитъ по женской линіи *).

Лишь только Императрица убѣдилась, что съ этой стороны препятствій не встрѣчается, она тотчасъ же поспѣшила дать Брюммеру инструкцію съ тѣмъ, чтобы тотъ увѣдомилъ принцессу-мать и вызвалъ ее вмѣстѣ съ дочерью въ Россію. Содержаніе инструкціи видно изъ письма Брюммера отъ 17-го декабря новаго стиля къ Іоганнѣ-Елизаветѣ, въ которомъ онъ писалъ слѣдующее:

„Надѣюсь, ваша свѣтлость вполнѣ увѣрены, что съ самаго пріѣзда моего въ Россію я не перестаю трудиться для счастія и величія наияснѣйшаго герцогскаго дома (Голштинскаго). Успѣлъ ли я въ этомъ, или нѣтъ, пусть судятъ другіе. Питая давнее глубокопочитаніе къ особѣ вашей свѣтлости и всегда желая увѣрить ее въ моемъ уваженіи на дѣлѣ болѣе, чѣмъ пустыми словами, я думалъ дни и ночи, нельзя-ли сдѣлать что-нибудь блистательное въ пользу вашей свѣтлости и вашей знаменитой фамиліи. Зная великодушіе вашего сердца и благородство вашихъ чувствъ, я не колеблюсь ни минуты открыть вашей свѣтлости дѣло, которое прошу содержать въ глубочайшей тайнѣ, по крайней мѣрѣ на первое время. Въ продолженіе двухъ лѣтъ, какъ я нахожусь при этомъ дворѣ, я имѣлъ часто случай говорить ея императорскому величеству о вашей свѣтлости и о вашихъ достоинствахъ. Я долго ходилъ около сосуда и употреблялъ разные каналы, чтобы довести дѣло до желаннаго конца. Послѣ долгихъ трудовъ, наконецъ, думаю, я успѣлъ, нашелъ именно то, что пополнитъ и закрѣпитъ совершенное счастіе герцогскаго дома. Теперь надобно, чтобъ ваша свѣтлость завершили дѣло, счастливо мною начатое. По приказанію ея им-

*) Siebigk, 13.

ператорскаго величества, я долженъ вамъ внушить, чтобъ ваша свѣтлость, въ сопровожденіи старшей дочери, немедленно пріѣхали въ Россію. Ваша свѣтлость, конечно, поймете, почему ея величество такъ сильно желаетъ видѣть васъ здѣсь какъ можно скорѣе, равно какъ и принцессу, вашу дочь, о которой расказывается такъ много хорошаго. Бываютъ случаи, когда гласъ народа есть именно гласъ Божій. Въ то же время наша несравненная Монархиня прямо приказала мнѣ увѣдомить вашу свѣтлость, чтобъ принцъ супругъ вашъ ни подъ какимъ видомъ не пріѣжалъ вмѣстѣ съ вами. Чтобъ ваша свѣтлость не были ничѣмъ затруднены, чтобъ вы могли сдѣлать для себя и для принцессы вашей дочери нѣсколько платьевъ, чтобъ могли предпринять путешествіе безъ потери времени, я имѣю честь присоединить къ своему письму и вексель. Правда, сумма умѣренна; но надобно сказать вашей свѣтлости, что это сдѣлано нарочно, чтобъ выдача большой суммы не кидалась въ глаза людямъ, наблюдающимъ за нашими дѣйствіями. Чтобъ ваша свѣтлость не нуждались въ необходимомъ по пріѣздѣ сюда въ Петербургъ, я распорядился, чтобъ купецъ, именемъ Іоганъ-Людольфъ-Домъ, выплатилъ вашей свѣтлости двѣ тысячи рублей въ случаѣ надобности. Я ручаюсь, что, по счастливомъ прибытіи къ намъ, ваша свѣтлость не будетъ ни въ чемъ нуждаться.

Чтобы ускорить путешествіе, которое не терпитъ задержки, ваша свѣтлость хорошо сдѣлали бы, если бы взяли съ собою только одну штатсъ-даму, двѣ горничныхъ, повара (мебель, необходимую въ этой странѣ, по выраженію Брюммера) одного офицера для распоряженія почтою и троихъ или четверыхъ лакеевъ“.

Далѣе Брюммеръ училъ принцессу, какъ она должна объяснять причину своего отъѣзда въ Россію:

„Вашей свѣтлости стоитъ только сказать, что долгъ и учтивость требуютъ отъ васъ съѣздить въ Россію, какъ для того, чтобы поблагодарить Императрицу за необыкновенную благосклонность, оказанную герцогскому дому, такъ и для того, чтобъ видѣть совершеннѣйшую изъ государынь и лично поручить себя ея милостямъ. Чтобъ ваша свѣтлость знали всѣ обстоятельства, имѣющія отношенія къ этому дѣлу, имѣю честь сообщить, что король Прусскій знаетъ секретъ; въ волѣ вашей свѣтлости говорить съ нимъ объ этомъ или не говорить; что же касается меня, то я почтительнѣйше совѣтовалъ бы вашей свѣтлости поговорить съ королемъ, ибо въ свое время и въ своемъ мѣстѣ вы почувствуете слѣдствія, какія естественно отъ того проистекутъ. Г-нъ Лестокъ, который, конечно, работалъ вмѣстѣ со мною и который очень преданъ интересамъ герцогскаго дома, просилъ меня засвидѣтельствовать вашей свѣтлости глубочайшее уваженіе. Я долженъ отдать ему справедливость, что онъ относительно интересовъ вашей свѣтлости велъ себя какъ честный человѣкъ и ревностный слуга“.

Въ припискѣ къ письму Брюммеръ предлагаетъ: „Чтобы лучше скрыть цѣль путешествія, ваша свѣтлость могли бы направиться сначала на Штетинъ и оттуда уже проѣхать сюда. Если ваша свѣтлость найдетъ нужнымъ сохранить инкогнито, то могла бы принять фамилію графини Рейнбекъ до пріѣзда въ Ригу, гдѣ нужно будетъ открыться, для того чтобы принять отъ губернатора охрану, которая ей предназначена (для сопровожденія до мѣста пребыванія Императрицы)“.

Въ то время когда въ Петербургѣ занимались пріисканіемъ невѣсты для великаго Князя Петра Ѳедоровича, родители Екатерины собирались переѣхать изъ Штетина въ Цербстъ съ тѣмъ, чтобы провести наступающіе праздники Рождества Христова и канунъ

Сильвестрова дня (Silwesterabend) въ тихомъ семейномъ кругу. Они не подозрѣвали въ то время, чтобы политика могла быть занята будущностью ихъ любезной дочери. 1-го января 1744 года, послѣ окончанія богослуженія въ дворцовой капеллѣ, княгинѣ Іоганнѣ-Елизаветѣ доложили о прибытіи изъ Берлина эстафеты съ письмомъ на ея имя отъ обергофмаршала Брюммера. Можно себѣ представить удивленіе Іоганны-Елизаветы, когда она познакомилась съ содержаніемъ вышеприведеннаго письма. Но этому дню суждено было составить эпоху въ жизни Цербстскаго княжескаго семейства; вслѣдъ за полученіемъ письма Брюммера, черезъ нѣсколько часовъ, было получено другое, отъ короля Фридриха II-го, въ которомъ уже совершенно ясно и категорично высказывалось, что рѣчь идетъ о бракѣ наслѣдника русскаго престола съ ихъ дочерью Софіею *). Король писалъ изъ Берлина 30-го декабря 1743 г.

„Государыня кузина!

По письмамъ, которыя получены вами изъ Петербурга, вы, конечно, уже знаете о горячемъ желаніи ея величества Императрицы Всероссійской, чтобы вы и принцесса дочь ваша поѣхали повидаться съ нею. Вамъ извѣстны также распоряженія ея величества относительно доставленія вамъ средствъ для таковаго путешествія.

Отличное уваженіе къ вамъ и участіе во всемъ, что до васъ касается, обязываетъ меня сказать вамъ, какая цѣль этого приглашенія. Увѣренъ, что вы оцѣните мою полную къ вамъ довѣренность въ дѣлѣ, коего успѣхъ зависитъ исключительно отъ соблюденія его въ строжайшей тайнѣ. И такъ, въ силу этой довѣренности, не стану больше скрывать отъ васъ, что, цѣня васъ и прин-

*) Siebigk.

цессу любезную вашу дочь, я пожелалъ, чтобы сей последней достался жребій отмѣнный, и сталъ обдумывать, нѣтъ-ли возможности сочетать ее съ ея кузеномъ, нынѣ Русскимъ Великимъ Княземъ.

Я дѣйствовалъ въ этомъ смыслѣ, разумѣется, въ величайшей тайнѣ, что, надѣюсь, не будетъ вамъ непріятно; и хотя, конечно, не обошлось безъ нѣкоторыхъ затрудненій, особливо по отношенію къ кровной близости между принцессою и великимъ княземъ, тѣмъ не менѣе нашлись средства устранить препятствія. До сихъ поръ дѣло идетъ такъ, что я надѣюсь на счастливый исходъ его, лишь бы вы изъявили на то согласіе и рѣшились ѣхать по приглашенію ея величества. Весьма немногія лица знаютъ о настоящей цѣли этого путешествія; крайне нужно соблюсти тайну, и потому я полагаю, что ея императорскому величеству будетъ пріятно, если вы отправитесь изъ Германіи безо всякой огласки, и такъ, чтобы въ особенности не провѣдалъ о томъ самъ графъ Чернышевъ, ея министръ въ Берлинѣ. Мнѣ кажется, согласнѣе будетъ съ волею ея величества, если и князь супругъ вашъ покамѣстъ останется въ невѣденіи этой тайны, и если вы начнете путешествіе поѣздкою въ Штетинъ и уже оттуда направитесь въ Петербургъ, ничего не оглашая въ Германіи. За симъ я получилъ увѣдомленіе, что ея величество отдала точный приказъ переслать вамъ, изъ находящейся въ Петербургѣ прусской конторы, десять тысячъ рублей на экипажи и на путевыя издержки; а по пріѣздѣ въ Петербургъ вамъ будетъ выдана еще отсчитанная тысяча червонцевъ для дальнѣйшаго слѣдованія въ Москву. Но Императрица желаетъ, чтобы, прибывъ на мѣсто, вы объявили, что таковое затруднительное путешествіе предпринято вами единственно изъ желанія лично выразить ея величеству признательность за чрезвычайныя милости, оказанныя

вашему брату *) и вообще всему вашему семейству. Вотъ все, что я имѣю пока сообщить вамъ. Увѣренъ, что вы воспользуетесь этими сообщеніями, наблюдая наивозможную скромность. Мнѣ чрезвычайно будетъ лестно, если на все это послѣдуетъ ваше согласіе, и если вы меня о томъ увѣдомите въ нѣсколькихъ словахъ. Впрочемъ прошу васъ вѣрить, что я не перестану оказывать полезное для васъ участіе въ дѣлѣ, о которомъ идетъ рѣчь, и съ чувствомъ уваженія пребуду, государыня-кузина, вашъ доброжелательный братъ

„Фридрихъ".

При полученіи этихъ извѣщеній, рѣшеніе Іоганны-Елизаветы не замедлило выразиться. Передъ легкомысленною и жаждущею удовольствій матерью сразу обрисовались картины самой блестящей будущности. Императрица Всероссійская дѣлалась ея ближайшею родственницею; во многихъ вліятельныхъ лицахъ при русскомъ дворѣ, которыхъ она раньше знала, она ждала найти себѣ преданныхъ приверженцевъ. Заманчивый кругъ дѣятельности представлялся ея склонности къ интригамъ и честолюбію; что же касалось до ея дочери, то тутъ и рѣчи быть не могло—перспектива сдѣлаться женою наслѣдника русскаго престола казалась слишкомъ блистательною и говорила сама за себя. Одно, что еще немного останавливало Іоганну, — это мысль перемѣны ея дочерью вѣроисповѣданія; религіозное вліяніе Христіана-Августа отражалось нѣсколько и на его супругѣ; но и тутъ, одумавшись, она припомнила, что въ ихъ роднѣ въ этой перемѣнѣ новаго ничего не представлялось и что подобные примѣры уже встрѣчались. Поэтому она съ радостью и благодарностью ухва-

*) Т. е. принцу Адольфу, выбранному по настоянію Россіи наслѣдникомъ шведскаго престола и получившему отъ Елизаветы 50 тыс. руб.

тилась за этотъ проэктъ брака, и на третій же день послала Фридриху отвѣтное письмо, въ которомъ, съ изъявленіемъ чувства самой почтительной преданности и благодарности, даетъ свое согласіе и между прочимъ, въ формѣ извиненія, прибавляетъ, что „по многимъ и многимъ причинамъ сочла необходимымъ посвятить въ эту тайну князя-супруга“. Кромѣ того, она пишетъ: „Путешествіе, особливо въ теперешнее время года, естественно страшитъ насъ, женщинъ. Но этотъ страхъ меня не остановитъ. Мое рѣшеніе твердо: я вполнѣ убѣждена, что все это дѣлается по волѣ Провидѣнія и что оно, конечно, поможетъ мнѣ преодолѣть тѣ опасныя трудности, на которыя немногіе бы отважились“.

Соображенія совершенно иныя заставляли не на шутку призадуматься отца Софіи. Сердце почтеннаго Христіана-Августа не могло не сжаться при столь неожиданномъ извѣстіи, слѣдствіемъ котораго неизбѣжно должна была наступить близкая, а можетъ быть и вѣчная разлука съ любимою дочерью. Но рядомъ съ этимъ пробуждалось другое чувство, которое богобоязненный Христіанъ не могъ скрыть: его страшила перемѣна вѣроисповѣданія дочери; онъ не могъ допустить, чтобы она могла исповѣдовать другую вѣру, кромѣ лютеранской. Согласіе на предлагаемый бракъ съ его стороны могла вызвать только одна надежда на возможность для дочери сохранить прежнее вѣроисповѣданіе. Его укрѣпляло въ этомъ то, что относительно принцессы Софіи поступятъ по примѣру невѣсты несчастнаго царевича Алексѣя Петровича, принцессы Шарлоты-Христины Брауншвейгской,— т. е., что ей предоставятъ свободу вѣроисповѣданія. На сколько обстоятельно князь Цербстскій передумалъ то положеніе, въ которомъ предстояло стать принцессѣ при русскомъ дворѣ и среди новаго семейства, и какъ онъ понималъ будущее положеніе дочери, лучше всего вид-

но изъ собственноручно имъ написаннаго наставленія, которое онъ далъ передъ отъѣздомъ своей женѣ, съ тѣмъ, чтобы она сообразно ему руководила принцессою въ образѣ поведенія и дѣйствій и по временамъ присылала ему отчетъ *).

Обратимся теперь къ самой принцессѣ Софіи. Родители естественно не могли оставить ее въ невѣденіи настоящей цѣли предстоящаго путешествія. Хотя четырнадцатилѣтняя Софія-Августа была не по лѣтамъ развита, тѣмъ не менѣе составить себѣ съ перваго же раза ясное представленіе ожидавшей ее участи она не могла. По разсказамъ матери, петербургскій дворъ былъ ей нѣсколько знакомъ; даже нареченнаго ей жениха она уже имѣла случай видѣть въ бытность его въ Голштиніи, въ 1739 году, въ городѣ Килѣ; кромѣ того, она знала, что первое время ей не придется испытывать полную разлуку съ родителями, такъ какъ мать останется при ней; помимо этого, ей открывалась блестящая будущность какъ супруги наслѣдника Россійскаго престола. Что-же касается вопроса о вѣроисповѣданіи, то въ этомъ отношеніи Софія раздѣляла надежды отца, разсчитывая на то, что ей самой будетъ предоставленъ выборъ **). Однимъ словомъ, будущее представлялось ей въ самомъ розовомъ цвѣтѣ.

Возникнувшія сношенія между Русскимъ царственнымъ домомъ и членами Голштинскаго дома были въ описываемое время уже не первыми. Интересы голштинской семьи въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ были связаны съ петербургскимъ дворомъ; а Іоганна-Елизавета была занята имъ въ особенности. Съ русскими людьми княгиня Цербстская вела знакомство вслѣдствіе пріязни, которая соединяла ее съ молодымъ

*) Наставленіе приведено ниже.

**) Siebigk.

русскимъ путешественникомъ, впослѣдствіи знаменитымъ Иваномъ Ивановичемъ Бецкимъ (въ годъ рожденія Екатерины II-й ему было 25 лѣтъ отъ роду). Для членовъ Голштинскаго дома надежды на Россію совсѣмъ исчезали въ десятилѣтнее царствованіе Анны Ивановны, которая ревниво препятствовала всякимъ сношеніямъ зятя и внука Петра Великаго съ Петербургомъ и съ русскими людьми. Надежды эти внезапно ожили съ восшествіемъ на престолъ той самой царевны, которая была невѣстою епископа Любскаго Карла, брата Іоганны-Елизаветы. Въ Голштиніи знали, какъ любила царевна своего жениха; знали также, что Голштинія была дорога ей по воспоминаніямъ о старшей сестрѣ; что она даже собиралась ѣхать туда, но ее не допустили до того. Сохранились письма къ Елизаветѣ Петровнѣ изъ Киля отъ Мавры Егоровны Шепелевой (впослѣдствіи графини Шуваловой), которая жила тамъ при принцессѣ Аннѣ Петровнѣ и сообщала сестрѣ ея въ Россію подробности тамошней жизни. По всему вѣроятію, члены Голштинскаго дома, какъ ближайшіе родственники, были извѣстны Елизаветѣ Петровнѣ наперечетъ. Мать Екатерины II-й не замедлила въ 1742 году привѣтствовать новую Императрицу съ восшествіемъ ея на престолъ и со днемъ рожденія (16 января)*) и въ отвѣтъ получила чрезвычайно дружественную грамоту, въ которой Елизавета Петровна между прочимъ просила Іоганну прислать ей портретъ покойной своей сестры, герцогини Анны Петровны. Портретъ, конечно, былъ присланъ, и въ томъ же 1742 году, по случаю дня своихъ именинъ — 5 (16) сентября, Императрица посылаетъ Іоганнѣ-Елизаветѣ свой собственный портретъ, осыпанный бриллiантами, цѣною въ 18 тысячъ рублей.

---

*) «XVIII Вѣкъ» Бартенева, кн. 1—8.

Послѣ отправленія Брюммеромъ письма въ Цербстъ, нетерпѣніе Елизаветы Петровны не знало границъ; любопытство видѣть ту, чья жизнь должна была быть связана съ жизнью ея пріемыша и наслѣдника, росло съ каждымъ днемъ. Черезъ четыре дня послѣ отправленія письма, Брюммеръ долженъ былъ, по настоянію Императрицы, послать второе, въ которомъ убѣждалъ принцессу Іоганну по возможности ускорить отъѣздъ. Съ другой стороны, баронъ Мардефельдъ долженъ былъ просить короля Фридриха содѣйствовать Императрицѣ въ исполненіи ея завѣтнаго желанія. „Императрица убѣдительно проситъ ваше величество—доносилъ посолъ въ своей депешѣ—быть столь обязательнымъ и приказать принцессѣ Цербстской ускорить свой отъѣздъ и торопиться на сколько возможно во время путешествія“. Убѣждая Іоганну-Елизавету какъ можно скорѣе пріѣхать, Елизавета Петровна, съ своей стороны, занялась приготовленіями для встрѣчи принцессы и ея дочери въ предѣлахъ своего государства и въ Петербургѣ*).

Фридрихъ II поторопился исполнить желаніе Елизаветы Петровны; для него предполагавшійся брачный союзъ былъ очень важенъ: въ тогдашней борьбѣ его съ Австріею имѣло чрезвычайную важность то положеніе, какое приметъ Россія, побѣдоносно окончившая войну со Швеціею и снова получившая свободу къ дѣятельному участію въ дѣлахъ германскихъ. Для Фридриха было великимъ счастіемъ воцареніе Елизаветы и такъ называемый заговоръ австрійскаго посла въ Петербургѣ — маркиза Ботты и Лопухиной (точно также какъ въ 1761 году спасеніемъ его державы послужила кончина той же Елизаветы)**). Теперь

*) Siebigk, 28.

**) «Осмнадцатый Вѣкъ», кн. I, 22.

Фридрихъ гордился устройствомъ этого брака, какъ большимъ успѣхомъ, и въ немъ считалъ залогъ безопасности Пруссіи. „Россійская великая княгиня, говорилъ онъ, выросшая и вскормленная на прусской землѣ, обязанная своимъ счастіемъ королю, не могла не служить ему безъ благодарности". Нѣтъ ничего удивительнаго, что Фридрихъ придавалъ такое значеніе предстоящему союзу съ Елизаветою, хотя онъ былъ только косвенный, если вспомнить, какого Фридрихъ былъ мнѣнія по этому поводу: „Изъ всѣхъ сосѣдей Пруссіи,—пишетъ онъ,—Русская Имперія заслуживаетъ наибольшее вниманіе, какъ сосѣдка самая опасная: она сильна, она близка. Будущіе правители Пруссіи также должны будутъ искать дружбы этихъ варваровъ" *).

Обольщая Русскую Императрицу своимъ усердіемъ къ ея утвержденію на престолѣ, посылая ей предостерегательныя письма**), онъ торопилъ отъѣздомъ и безъ того пылкую княгиню Ангальтъ-Цербстскую, какъ видно изъ слѣдующаго письма:

„Берлинъ 6-го января 1744.

„Государыня-кузина.

„Я вполнѣ увѣренъ, что письмо мое отъ 30-го прошедшаго декабря исправно дошло до васъ. Принимая искреннее участіе во всемъ, что можетъ споспѣшествовать выгодамъ вашего дома, я долженъ васъ увѣдомить, что дѣло, о которомъ идетъ у насъ рѣчь, судя по извѣстіямъ, съ тѣхъ поръ мною полученнымъ изъ Петербурга, находится въ отличномъ положеніи, такъ что слѣдуетъ разсчитывать на успѣшный исходъ его лишь бы въ настоящую минуту не послѣдовало никакой огласки. Не упускайте столь благопріятнаго случая и торопитесь, сколько возможно, вашимъ отпра-

*) «La cour de Russie il y a cent ans». 112.

**) «Correspondance», X, 586.

вленіемъ въ Москву. Прошу вѣрить чувствамъ уваженія и проч.“.

Черезъ четыре дня король опять пишетъ Іоганнѣ-Елизаветѣ письмо, въ которомъ опять подтверждаетъ, что „дѣло это продолжаетъ идти очень хорошо“; причемъ прибавляетъ: „принимаю смѣлость просить васъ, чтобы вы какъ можно скорѣе назначили день вашего отъѣзда. Черезъ это вы можете лучше воспользоваться теперешними обстоятельствами и тѣмъ горячимъ желаніемъ видѣть васъ у себя, которое выражаетъ Всероссійская Императрица“.

Можно судить, въ какой счастливой озабоченности очутилась недавняя штетинская губернаторша, собираясь въ эту таинственную поѣздку, получивъ въ свое распоряженіе богатыя деньги для путевыхъ издержекъ и ожидая еще богатѣйшихъ впереди. Въ ея головѣ созидались самые завлекательные планы. Ей представлялись подарки, почести, празднества, будущее величіе дочери, свиданіе съ И. И. Бецкимъ... Неизвѣстно, былъ ли посвященъ въ тайну путешествія владѣтельный князь Цербстскій Іоганнъ Людвигъ, но онъ подарилъ отъѣзжавшей изъ Дорнбурга племянницѣ голубую съ серебромъ матерію на платье*). Девятилѣтній сынъ Фридрихъ-Августъ и тринадцатимѣсячная дочь отвезены въ Гамбургъ къ бабушкѣ, и во второй половинѣ января 1744 княгиня Іоганна-Елизавета съ невѣстою-дочерью (которая потомъ уже никогда болѣе не бывала на родинѣ) и дѣвицею Шенкъ отправилась въ Россію. Она повезла съ собою слѣдующее рекомендательное письмо отъ короля прусскаго къ Россійской Императрицѣ, заготовленное еще съ мѣсяцъ тому назадъ**).

*) «Mémoires» de l'Impératrice Catherine II». — Londres 1859. — стр. 13.

**) «Осмнадцатый Вѣкъ», кн. 1—19.

„Берлинъ, 30 декабря 1743 г.

„Государыня-сестра!

„Пользуюсь отъѣздомъ принцессы Цербстской и ея любезной дочери, дабы еще разъ выразить вашему императорскому величеству чувства совершенной преданности моей. Я пріемлю смѣлость поручить вашему вниманію мать и дочь: обѣ онѣ суть особы по истинѣ дорогія для меня, и я могу поручиться вашему императорскому величеству въ ихъ достоинствахъ. Молодая принцесса, при всей живости и веселонравіи, которыя свойственны ея возрасту, одарена отличными качествами ума и сердца. Я ласкаю себя надеждою, что ваше императорское величество останетесь довольны вашимъ выборомъ и не лишите вашей милости сихъ двухъ принцессъ, которыя навѣрное окажутъ себя достойными оной.

„Со всѣми чувствами совершеннѣйшаго почитанія, государыня-сестра, вашего императорскаго величества добрый братъ и вѣрный союзникъ Фридрихъ-король“.

Другой документъ, переданный Іоганнѣ-Елизаветѣ передъ отъѣздомъ, было наставленіе Христіана-Августа, о которомъ мы уже имѣли случай упоминать. Онъ долженъ былъ служить руководствомъ въ жизни молодой великой княгинѣ и исходилъ изъ безхитростнаго, любящаго сердца отца. Поэтому уже можно судить, на сколько оно должно было быть дорого принцессѣ. Наставленіе носило въ видѣ заголовка надпись князя: „Промеморія, которую я далъ съ собою своей супругѣ“ и состояло изъ ряда совѣтовъ:

„Относительно греческой вѣры слѣдовало-бы стараться, не будетъ-ли дозволено сохранить лютеранскую, по примѣру цесаревны изъ Брауншвейгскаго дома, или она могла-бы остаться при своей (Baurglauben) съ тѣмъ, чтобы низшій классъ не зналъ объ этомъ.

„Если къ этому встрѣтятся большія затрудненія, то было-бы желательно предварительно ознакомить мою дочь, въ чемъ состоитъ различіе, на основаніи изданнаго въ Галлѣ профессоромъ Гейнеціусомъ трактата, въ которомъ объяснено, въ чемъ греческая вѣра различествуетъ отъ лютеранской.

„Моя дочь на столько основательно подготовлена въ своей религіи, что она знаетъ начала настоящей душеспасительной вѣры и убѣждена, что никто, ни собственными дѣяніями, ни обѣтами, ни черезъ предстательство святыхъ, ничего ни получить, ни достичь не можетъ, но что все достигается только ради заслугъ Христа Сына Божьяго.

„То, что согласно съ этимъ вѣрованіемъ, моя дочь можетъ сама провѣрить и принять, иное же нѣтъ. — Она должна сохранить право пользоваться лютеранскою библіею, молитвенникомъ и другими книгами, призывая Бога, чтобы Онъ сохранилъ ее въ вѣрѣ до конца.

„Заставлять или совѣтовать моей дочери принять религію, въ которой она усматриваетъ заблужденія, нежелательно, такъ какъ каждый долженъ жить въ своей вѣрѣ; надо предоставить ея собственной молитвѣ, ея усердію, убѣжденію и желанію испытать, на сколько греческая религія ей не претитъ? Лучше подвергнуть себя произвольному рѣшенію правительства, нежели добровольно выдерживать духовную борьбу.

„Такъ какъ въ чужой сторонѣ, въ особенности при монархѣ съ неограниченною властію, очень трудно пребывать, не имѣя при себѣ лица, которому бы можно было довѣриться, то приходится настоятельно совѣтовать, кромѣ всегдашняго обращенія съ молитвою къ Богу, выражать нижайшую (fussfällig) покорность, уваженіе и услужливость ея императорскому величеству, какъ ради ея неограниченной власти, также и изъ бла-

годарности; съ полною готовностью жертвовать собою за оказанныя благодѣянія, памятуя о томъ правилѣ, которое гласитъ: поступай съ другими такъ, какъ-бы ты желалъ, чтобы впредь съ тобою поступали.

„Послѣ ея величества дочь моя должна стараться всевозможною нѣжностію и заботою заслужить довѣріе и любовь великаго князя, какъ своего господина, отца и монарха. Цѣнить его и его волю выше всего на свѣтѣ и не предпринимать ничего такого, что могло-бы причинить ему малѣйшее неудовольствіе, а еще менѣе настаивать на своемъ личномъ желаніи.

„Не вызывать (другихъ) къ шуткѣ и фамиліарному обращенію; но, напротивъ того, постоянно стараться внушать къ себѣ уваженіе.

„Прислугу и любимцевъ господина (супруга) допускать до себя съ ласковою привѣтливостію, отнюдь не прибѣгая къ ихъ покровительству и не награждая ихъ, но лишь - отвѣчая имъ соотвѣтственною милостію и любовію.

„Ни съ кѣмъ въ аудіенцъ-залѣ наединѣ не говорить и соблюдать тамошній этикетъ.

„Большую игру, въ которой могли-бы обнаружиться алчность и корысть, избѣгать и не пристращаться къ ней.

„Карманныя деньги, которыя будутъ отпускаться, брать къ себѣ, хранить ихъ, и по мѣрѣ надобности отпускать тому слугѣ, который долженъ отдавать въ нихъ отчетъ и тѣмъ избавиться отъ попечительства гофмейстерины и прислуги и сохранить свободу распоряжаться ими для своихъ нуждъ и удовольствій; изъ нихъ же благодѣтельствовать, дабы самой пріобрѣсть любовь и привязанность приближенныхъ, а не предоставлять другимъ пользоваться таковымъ на счетъ себя.

„Тѣмъ не менѣе заботиться о нѣкоторомъ сбереженіи, не прибѣгая къ скупости и на столько, на сколько позволяетъ приличіе.

„Ни въ чемъ не принимать особеннаго участія, когда нельзя ознакомиться самой съ самимъ поступкомъ и обстоятельствами дѣла и не вѣрить односторонности сообщенія о дѣлѣ, потому что тогда пострадавшій обратится въ неудовлетвореннаго врага, а тотъ, которому содѣйствовали, забываетъ благодѣяніе и впредь провинится еще хуже.

„Въ особенности не входить ни въ какія правительственныя распоряженія и не раздражать сената.

„Ни отъ какой дамы, либо кого другаго, не принимать сообщеній, а стараться заслужить довѣріе ея императорскаго величества и великаго князя; съ остальными быть всегда сдержанною. Всякая исключительность въ глазахъ народа можетъ быть опасна“.

III.

Познакомимся, хотя поверхностно, съ нареченнымъ женихомъ принцессы Цербстской.

Нѣсколько мѣсяцевъ до переговоровъ о бракѣ Софіи-Августы, въ Россію былъ привезенъ круглый сирота герцогъ Голштинскій Карлъ-Петръ-Ульрихъ, родной племянникъ Императрицы Елизаветы и двоюродный племянникъ Іоганны-Елизаветы Цербстской. Положеніе его было довольно странное, и странность эта проистекала отъ избытка царственныхъ правъ. Будучи владѣтельнымъ государемъ, хотя и незначительной, но вполнѣ самостоятельной страны, онъ могъ соединить на головѣ своей три короны: ибо, кромѣ голштинской, имѣлъ всѣ права на шведскую (какъ родной по отцу внукъ старшей сестры Карла XII) и на русскую, будучи по матери единственнымъ внукомъ Петра Великаго.

Отношенія къ племяннику и наслѣднику составляютъ одинъ изъ главныхъ узло въ дворской, а отчасти и иностранной политики за многіе годы царствованія Елизаветы Петровны: внукъ Петра Великаго, сынъ его старшей дочери, имѣлъ болѣе правъ на россійскій престолъ, нежели сама Елизавета Петровна. Этимъ, можетъ быть, объ-

ясняется та глубокая тайна, въ которой совершился перевозъ его изъ Киля въ Россію *).

Мать Петра Өедоровича умерла на второмъ мѣсяцѣ послѣ его рожденія въ городѣ Килѣ. Карлъ-Фридрихъ, герцогъ Голштинскій, племянникъ Карла XII-го, короля Шведскаго, отецъ Петра III, скончался въ 1739-мъ году, оставивъ своего одиннадцатилѣтняго сына на попеченіе Адольфа-Фридриха, епископа Любскаго. Столько правъ, столько наслѣдства не только матеріальнаго, но и духовнаго, столько славы легло тяжелымъ бременемъ на существо слабое физически и духовно, человѣка, остановившагося рано въ своемъ развитіи, оставшагося ребенкомъ, когда дѣтскій возрастъ давно уже минулъ. Къ слабости физической и духовной присоединилось раннее сиротство и воспитаніе самое безпорядочное подъ руководствомъ оберъ-гофмаршала Брюммера, человѣка совершенно неспособнаго **). Кромѣ Брюммера, при молодомъ герцогѣ состояли камеръ-юнкеры Берхгольцъ, Адлерфельдъ, Вахмейстеръ, Вольфъ и Мадфельдъ. Только послѣдніе двое были голштинцы, остальные— шведы. Вообще воспитатели молодаго герцога имѣли задачею приготовить его для шведскаго престола. Голштинскій дворъ, не смотря на свой незначительный составъ, состоялъ изъ нѣсколькихъ партій, которыя всѣ другъ друга ненавидѣли и наперерывъ старались завладѣть княземъ, чтобы его воспитать и, слѣдовательно, внушить отвращеніе ко всѣмъ сторонникамъ противныхъ партій. Слѣдствіемъ этого было то, что молодой Петръ Өедоровичъ не только отъ всей души ненавидѣлъ Брюммера, но вообще не любилъ никого изъ окружавшихъ его. Съ десятилѣтняго возраста Петръ Өедоровичъ обнаруживалъ склонность къ вину. Его принуждали не по-

*) «Осмнадцатый Вѣкъ», кн. 1—12.
**) Соловьевъ. Исторія, т. XXIV.—49.

лѣтамъ къ представительству и вмѣстѣ съ тѣмъ наставники не спускали съ него глазъ ни днемъ, ни ночью*).

Если природа не вложила въ ребенка охоты къ пріобрѣтенію познаній, то люди сдѣлали все, чтобы внушить ему отвращеніе къ ученію. Неспособный учитель внушилъ маленькому Петру такое отвращеніе къ латинскому языку, что послѣ, когда уже Петръ былъ императоромъ, онъ запретилъ библіотекарю помѣщать хотя одну латинскую книгу въ библіотекѣ, устраиваемой въ новомъ зимнемъ дворцѣ. Когда, при императрицѣ Аннѣ, надежда быть русскимъ императоромъ, казалось, совершенно исчезла для Петра, ребенка начали учить шведскому языку и лютеранскому катихизису **).

Екатерина II впослѣдствіи такъ описывала свою первую встрѣчу съ Петромъ Ѳедоровичемъ и впечатлѣніе, произведенное имъ на нее: „Я видѣла Петра III,— пишетъ она,—въ первый разъ, когда ему было одиннадцать лѣтъ въ Эйтинѣ, у его опекуна—князя епископа Любскаго, нѣсколько мѣсяцевъ спустя по смерти Карла-Фридриха, его отца. Князь епископъ собралъ у себя все свое семейство въ 1739 году въ Эйтинѣ съ тѣмъ, чтобы познакомить его со своимъ питомцемъ. Моя бабушка, мать князя-епископа, моя мать, сестра этого-же князя, пріѣхали изъ Гамбурга вмѣстѣ со мною. Мнѣ было тогда десять лѣтъ. Были еще князь Августъ и княгиня Анна, братъ и сестра князя-опекуна, владѣтеля Голштиніи; въ этотъ разъ я слышала, что въ семейномъ кругу говорили, будто молодой герцогъ имѣлъ склонность къ вину и что приближенные могли съ трудомъ сдерживать его за столомъ; что онъ строптивъ и вспыльчивъ; не любитъ состоящихъ при немъ и въ особенности Брюммера; что впрочемъ онъ не лишенъ бойкости, но

* «Mémoires». II.—9.

**) Соловьевъ. XXIV.—49.

что онъ сложенія слабаго и болѣзненнаго. Дѣйствительно, цвѣтъ его лица былъ блѣдный, и онъ казался худощавъ и нѣжнаго тѣлосложенія. Этому ребенку окружающіе желали придать видъ сформированнаго человѣка и по этому случаю его постоянно стѣсняли, заставляли держаться въ напряженномъ состояніи, которое должно было вселить въ немъ фальшь во всемъ, начиная съ манеры держаться и кончая характеромъ" *).

Мы уже видѣли, какія причины заставили Елизавету Петровну выписать изъ Голштиніи молодаго герцога. Лишь только императрица выразила желаніе князю-опекуну видѣть принца въ Россіи, какъ герцогъ Голштиніи обрадовался случаю сбыть съ рукъ своего племянника и поспѣшилъ выслать его вмѣстѣ съ Брюммеромъ, Берхгольцомъ и еще камеръ-юнкеромъ Деккеномъ. Императрица очень обрадовалась пріѣзду племянника; она приняла рѣшеніе объявить его наслѣдникомъ престола, но для этого его раньше слѣдовало подготовить, а главное — перекрестить въ православную вѣру.

Благодаря своему голштинскому воспитанію, Петръ, по пріѣздѣ въ Россію, удивилъ Императрицу Елизавету совершеннымъ невѣжествомъ, не смотря на то, что сама Елизавета не могла экзаменовать его очень взыскательно. Надобно было пополнить пробѣлы воспитанія какъ можно скорѣе, и эта трудная обязанность была возложена на академика Штелина. Штелинъ тотчасъ узналъ, съ какою природою имѣетъ дѣло, и поэтому приложилъ все зависящее отъ него стараніе, чтобы оправдать довѣріе Императрицы. Все сколько нибудь отвлеченное, все, требовавшее соображенія, нѣкотораго напряженія мысли и живаго представленія связныхъ явленій,—все это было недоступно и возбуждало отвращеніе; доступно было только

*) «Mémoires». 4—5.

наглядное, мелкое, отдѣльное, и Штелинъ употребляетъ наглядный способъ для успѣха своего преподаванія; онъ приносилъ въ классъ книги съ картинками; приносилъ старинныя русскія монеты и по нимъ разсказывалъ древнюю русскую исторію; приносилъ медали Петра Великаго и по нимъ разсказывалъ его исторію; два раза въ недѣлю Штелинъ читалъ Петру газеты и при этомъ проходилъ всеобщую исторію, „амюзируя“ ландкартами и глобусомъ; потомъ исторія сосѣднихъ государствъ была „трактована прагматически“, текущія государственныя дѣла изложены по бумагамъ, сообщеннымъ канцлеромъ. Память у Петра была отличная: онъ пересчитывалъ по пальцамъ всѣхъ русскихъ владѣтелей отъ Рюрика до Петра Великаго; но этимъ все и ограничивалось; несмотря на наглядность преподаванія и „амюзированіе“, Петръ неохотно занимался исторіею, моралью, статистикою; охотнѣе занимался онъ тѣмъ, что было осязательнѣе, фортификаціею, основаніями артиллеріи. Еще большія затрудненія въ дѣлѣ преподаванія встрѣчалъ іеромонахъ, приставленный къ великому князю для занятій съ нимъ православнымъ катихизисомъ—Симонъ Теодорскій. Не смотря на то, что Петръ Ѳедоровичъ росъ въ самой строгой лютеранской средѣ, онъ съ ранняго дѣтства выказывалъ сильное пренебреженіе не только къ изученію Закона Божія, но и къ выполненію религіозныхъ обрядовъ: съ большимъ трудомъ удавалось, еще въ Килѣ, заставлять его ходить по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ въ церковь. Относительно Теодорскаго великій князь велъ себя самымъ непристойнымъ образомъ: постоянно возражалъ ему во время уроковъ, надсмѣхался надъ нимъ и иногда даже оскорблялъ. Наконецъ, послѣ многихъ непріятностей, онъ долженъ былъ подчиниться волѣ Императрицы, сдерживать свои вы-

ходки, но за то онъ часто, не стѣсняясь, высказывалъ, что предпочиталъ бы вернуться въ Швецію, чѣмъ оставаться въ Россіи.

Четыре раза въ недѣлю назначены были уроки по русскому языку; но преподаватель Исаакъ Веселовскій, видя что занятія ни къ чему не ведутъ, вначалѣ приходилъ очень рѣдко, а потомъ совсѣмъ пересталъ ходить. Изъ всѣхъ преподавателей наиболѣе приходился по вкусу великому князю учитель танцевъ Лоде, съ которымъ Петръ Ѳедоровичъ занимался охотно и старательно. Что же касается главнаго воспитателя гофмаршала Брюммера, то вліяніе его на воспитанника было самое пагубное. Брюммеръ не только вовсе не заботился о воспитаніи Петра Ѳедоровича, но думалъ лишь объ одномъ, какъ-бы пріобрѣсти наибольшее вліяніе въ дѣлахъ политики и проводить своекорыстные планы. Обращеніе его съ Петромъ было какъ нельзя болѣе худо, презрительно, деспотично; онъ то бранилъ его неприличными словами, то выходилъ изъ себя, то низко ласкался. Однажды онъ до того забылся, что подбѣжалъ съ кулаками къ Петру; Штелинъ едва успѣлъ броситься между ними; тогда Петръ вскочилъ на окно и хотѣлъ позвать часоваго на помощь, но Штелинъ удержалъ его, представивъ, какія будутъ отъ того послѣдствія. Тогда Петръ побѣжалъ въ спальню, выхватилъ шпагу и сказалъ Брюммеру: „Если ты еще разъ посмѣешь броситься на меня, то я проколю тебя шпагою“. Защищаясь противъ несправедливыхъ и преувеличенныхъ упрековъ Брюммера, Петръ привыкалъ къ спору и къ сильнымъ выходкамъ, отъ которыхъ худѣлъ. Такимъ образомъ дурное воспитаніе дѣйствовало разрушительно на здоровье Петра, и безъ того слабое *).

---

*) Соловьевъ, т. XXIV—50.

Петръ обнаруживалъ всѣ признаки остановившагося духовнаго развитія, являлся взрослымъ ребенкомъ. Дѣтскость высказывалась въ страсти къ мелочамъ, къ игрушкамъ; отъ дѣла серіознаго бралась одна внѣшняя сторона, сама по себѣ вовсе не серіозная; дѣло обширное было не по немъ, онъ стремился дать ему маленькіе размѣры, низвести до дѣтской игрушки; всякій серіозный вопросъ, требованіе подумать — были ему тяжки и непріятны; онъ подчинялся первому чувственному побужденію, подчинялся первой чужой мысли; но эти увлеченія, необдуманности, какъ обыкновенно бываетъ въ дѣтяхъ, уживались съ капризами и упрямствомъ, которое не имѣло ничего общаго съ мужескою твердостью; дѣтская говорливость и крикливость были ясными признаками остановившагося развитія. Отъ такого человѣка нельзя было требовать, чтобы онъ понялъ свое положеніе, понялъ, что наслѣдникъ русскаго престола долженъ быть прежде всего русскимъ человѣкомъ, приладиться къ народу и странѣ, гдѣ ему суждено царствовать. Чтобы найтись въ новой сферѣ, болѣе широкой, опредѣлить свой образъ дѣйствій согласно съ новымъ положеніемъ, болѣе высшимъ, дорости до этого положенія, требовалась большая сила, большая способность къ развитію, какой именно и не было у Петра. Онъ сросся съ узенькою обстановкой мелкаго нѣмецкаго владѣльца, она пришлась ему по природѣ, и тяжело, тоскливо было ему въ другой, болѣе широкой сферѣ, куда перенесла его судьба. Здѣсь дѣло идетъ не о любви къ родинѣ, къ своему, но о косности, мелкости природы, которыя не позволяютъ отрѣшиться отъ извѣстныхъ привычекъ и взглядовъ. Та же косность и мелкость природы, которыя не позволяли сыну Петра Великаго, царевичу Алексѣю сдѣлаться достойнымъ наслѣдникомъ Россійской имперіи, царевичемъ

новой Россіи, заставляли его упираться противъ новой дѣятельности и оставаться русскимъ царевичемъ XVII вѣка,—та же косность и мелкость природы заставили внука Петра Великаго остаться голштинскимъ герцогомъ на императорскомъ русскомъ престолѣ, со всѣми привычками и взглядами мелкаго германскаго князька *).

Не взирая на всю свою непривлекательность и несостоятельность, Петръ Ѳедоровичъ тѣмъ не менѣе одно время сдѣлался предметомъ домогательства русскаго и шведскаго дворовъ. Вскорѣ по пріѣздѣ его въ Россію, сюда прибыло шведское посольство съ тѣмъ, чтобы просить Императрицу уступить Швеціи ея племянника для возведенія на престолъ. Но Елизавета Петровна, которая уже высказала свои намѣренія въ условіяхъ Абоскаго мирнаго договора, объявила Швеціи, что она предназначаетъ своего племянника на россійскій престолъ и что наслѣдникомъ шведскаго престола она постановила быть владѣтельному князю Голштиніи—Адольфу. Отклонивъ такимъ образомъ домогательства Швеціи, Елизавета Петровна объявила Петра Ѳедоровича Россійскимъ Великимъ Княземъ и Наслѣдникомъ престола, а вслѣдъ затѣмъ приступила къ устройству его брака.

*) Тамъ-же, 51.

IV.

Княгиня Цербстская торопилась какъ можно скорѣе окончить приготовленія къ предстоявшему путешествію. Эта поспѣшность сборовъ княжескаго семейства и частые пріѣзды эстафетъ естественно не могли не возбудить вниманія мирныхъ жителей маленькаго нѣмецкаго города. Они чуяли, что происходитъ что-то необыкновенное, но тайна настоящей причины отъѣзда оставалась для нихъ неразгаданною. 12-го января 1744 года принцессы тронулись въ путь. Іоганна-Елизавета оставила послѣ себя, воспоминанія о путешествіи частью въ письмахъ, которыя она писала по-нѣмецки довольно аккуратно мужу и матери, частью въ своей довольно пространной реляціи на французскомъ языкѣ*).

Свиту принцессы составляли только управляющій дворомъ Іоганнъ-Вильгельмъ фонъ Латорфъ, фрейлина Каинъ и нѣсколько человѣкъ прислуги. Составъ свиты соотвѣтствовалъ совѣтамъ Брюммера. Въ началѣ путешествія принцессъ сопровождалъ князь Христіанъ-Августъ, который нарочно старался распространить слухъ, будто ѣдетъ по дѣламъ службы въ Штетинъ и поэтому не хочетъ разставаться со своимъ семействомъ. Въ Цербстѣ существуетъ преданіе, будто магистратъ и

*) Реляція Іоганны-Елизаветы была напечатана въ VII-мъ томѣ «Сборника Русскаго Историческаго Общества» и частью у Зибика («Brautreise»).

бюргеры устроили принцессамъ передъ отѣздомъ торжественные проводы на плацу, впереди дворца и что принцесса осушила за благоденствіе города бокалъ, который хранится въ тамошней ратушѣ. Но врядъ-ли этотъ разсказъ заслуживаетъ довѣрія, потому что, какъ мы уже видѣли, въ городѣ не знали настоящей цѣли путешествія, а обыкновенный отъѣздъ княжеской семьи въ Штетинъ повторялся слишкомъ часто, чтобы могъ на этотъ разъ вызвать особенныя демонстраціи *).

На третій день путешественницы пріѣхали въ Берлинъ, но здѣсь остановились на самое короткое время, необходимое лишь для того, чтобы представиться королю, свидѣться съ министромъ Подевильсомъ и нѣсколько пополнить туалетъ. На слѣдующій день, 16-го, они уже продолжали дорогу. Слѣдующая остановка была въ мѣстечкѣ Шведтъ. Здѣсь принцессѣ Софіи пришлось разлучиться съ отцомъ съ тѣмъ, чтобы болѣе уже никогда съ нимъ не свидѣться. Христіанъ-Августъ отсюда направился прямо на Штетинъ, а принцесса Іоганна съ дочерью взяли прямое направленіе въ Россію; съ этого же времени княгиня-мать путешествуетъ подъ фамиліею графини Рейнбекъ. На сколько разставанье съ Христіаномъ-Августомъ было тяжело, служитъ доказательствомъ огромная переписка, которая началась со слѣдующаго же дня и продолжалась въ теченіе двухъ лѣтъ съ самыми незначительными перерывами **).

Путешествіе предстояло тяжелое и утомительное; время года настало суровое, дороги были плохія, по-

---

*) Siebigk, 20.

**) Тамъ же.

Письма Іоганны-Елизаветы сохранились почти всѣ; они занумерованы по порядку, такъ что въ 1744 г. ихъ было 47, а въ 1745—39. Почти во всѣхъ письмахъ находятся приписки на французскомъ языкѣ, сдѣланныя рукою принцессы Софіи. — Siebigk.

стоялые дворы—въ самомъ плачевномъ состояніи, а путь дальній и продолжительный; къ тому же, не смотря на всѣ эти неудобства, принцессы должны были торопиться. Король Фридрихъ старался облегчить путешественницамъ дорогу. Онъ приказалъ президентамъ провинцій Помераніи и Пруссіи, черезъ которыя лежалъ путь, оказывать графинѣ Рейнбекъ и ея спутникамъ всевозможное содѣйствіе, а въ особенности стараться, чтобы не было остановокъ и задержекъ на станціяхъ изъ за почтовыхъ лошадей. Но это распоряженіе повело къ тому, что представители высшей мѣстной власти и начальники гарнизоновъ, предупрежденные о высокой посѣтительницѣ, которою интересовался самъ король, старались на каждомъ шагу свидѣтельствовать свое уваженіе и представлять графинѣ подвѣдомственныхъ имъ чиновниковъ и представителей сословій,—чѣмъ только замедляли путешествіе.

Къ сожалѣнію графини, не было достаточно снѣга, чтобы можно было ѣхать на саняхъ, тогда какъ морозъ былъ на столько силенъ, что дамы принуждены были защищать свое лицо отъ стужи масками (?). Въ тѣхъ случаяхъ, когда путешественницамъ удавалось ночевать въ городахъ, онѣ находили довольно сносныя квартиры; за то въ мѣстечкахъ и деревняхъ ночлеги были изъ рукъ вонъ неудобны. Такъ напримѣръ княгиня описываетъ свою ночевку въ Керлинѣ: „Комнаты на постояломъ дворѣ — оказалось — не топлены, вслѣдствіе чего поневолѣ пришлось искать убѣжище въ помѣщеніи хозяина и хозяйки, которое скорѣе походило на свинятникъ (honetter Schweinestall), чѣмъ на жилое помѣщеніе; мужъ, жена, дворовая собака, пѣтухъ, нѣкоторыя дѣти въ колыбеляхъ, нѣкоторыя на кроватяхъ, другія за печкой, на перинахъ — все валялось въ перемежку. Такъ какъ больныхъ между ними не было, то я приказала

поставить посреди комнаты деревянную скамейку и сѣла на нее“, и т. д.

20-го января достигли Козлина. Отсюда Іоганна-Елизавета посылаетъ мужу письмо, въ которомъ между прочимъ сообщаетъ о томъ, что до нея дошли слухи, будто въ Шведтѣ догадались объ ея поѣздкѣ въ Россію, и что поэтому она предлагаетъ мужу напечатать въ газетахъ о ея путешествіи, мотивируя поѣздку тѣмъ, что Русская Императрица пригласила ее къ себѣ, или „что ты нашелъ нужнымъ меня послать въ Россію, для того, чтобы поблагодарить Государыню за всѣ благодѣянія, которыя она оказывала нашему семейству“. „Во всякомъ случаѣ,—продолжаетъ княгиня,—опубликуй эти свѣденія только тогда, когда получишь извѣстіе, что я уже проѣхала Мемель, и тогда пришли мнѣ одинъ экземпляръ этой статьи“. Изъ Козлина маршрутъ лежалъ на Шлаву, Стольпе и черезъ окрестности—въ то время еще польскаго города—Данцига, минуя послѣдній. Вислу переѣхали у Маріенвердера 24-го, а 27-го прибыли въ Кенигсбергъ, въ которомъ провели слѣдующій день, такъ какъ все общество сильно нуждалось въ отдыхѣ.

Этою остановкою принцесса Софія воспользовалась, чтобы написать свое первое письмо отцу, которое между тѣмъ свидѣтельствуетъ, на сколько мало она отдавала себѣ отчетъ въ предстоящихъ ей затрудненіяхъ и каково было ея душевное настроеніе.

Приводимъ здѣсь письмо полностью съ соблюденіемъ оригинальной его орѳографіи.

„Monseigneur. J'ai reçue avec toute le Respect et la Joye imaginable le Billets par le quel Votre Altesse me fais l'honneur de m'assurer de Sa Santé de Son Souvenir et de Ses bontés. Je la Supplie d'êtres assurer que ces exhortations et ces Conseils resteront Eternellement gravee dans mon coeur ainsi que les Semen-

ces de notre Sainte Religion le Seront dans mon Ame à la quelle je demande a Dieu de prester toutes les forces dont elle aura besoin pour soutenir les tentations, au quelle je me prepare de me voir exposée, il accordera au priere de Votre Altesse et de Cher Mama cette grace que ma jeunesse et mon impuissance n'auseraient me promettre. Sans cet heureux Secours je m'y recommande et Souhaite d'avoir la Consolation de m'en être rendu digne, ainsi que celle de recevoir toujours de bonne nouvelles de Cher papa et suis toujours toutes ma vie et d'un Respect inviolable.

Sophie Af. Princesse de A.-Z."

à Koenigsberg en Prusse, ce 29 Janvier 1744 *).

29-го принцессы продолжали путь на Мемель. За ночь выпалъ снѣгъ болѣе чѣмъ на аршинъ, что заставило ихъ пересѣсть въ сани. Для сокращенія пути имъ посовѣтовали ѣхать напрямки по льду, черезъ Куришъ-гафъ; для чего президентъ фонъ Лешкованъ былъ настолько предупредителенъ, что выслалъ впередъ цѣлую

---

*) Переводъ: (Сборн. Русск. Историч. Общ., VII. 2.)

«Милостивый Государь. Я получила со всякимъ почтеніемъ и радостью, какую только можете вообразить, письмо, въ которомъ ваша свѣтлость удостоили меня увѣдомленіемъ о здоровьѣ, о памяти обо мнѣ и о своихъ благодѣяніяхъ. Умоляю васъ быть увѣреннымъ, что ваши увѣщанія и совѣты вѣчно останутся запечатлѣнными въ моемъ сердцѣ, такъ-же какъ и сѣмена нашей святой религіи останутся въ моей душѣ. Я прошу у Господа ниспослать ей силъ, необходимыхъ, чтобы удержаться отъ искушеній, которымъ готовлюсь подвергнуться. Во вниманіе къ молитвамъ вашей свѣтлости и любезной родительницы моей, Господь окажетъ эту милость, на которую не смѣли бы надѣяться моя молодость и моя слабость. Не имѣя такого счастливаго содѣйствія, я предаю себя ему и желаю имѣть утѣшеніе сдѣлаться достойною такой милости, а также получать извѣстія отъ моего любезнаго родителя, оставаясь всю мою жизнь съ неизмѣннымъ почтеніемъ, всемилостивѣйшій государь, вашей свѣтлости всенижайшая, всепокорнѣйшая и вѣрнѣйшая дочь и услужница

Софія-Августа, принцесса Ангальтъ-Цербстская».

Кенигсбергъ, въ Пруссіи, 20-го января 1744 года.

партію рыбаковъ въ саняхъ, чтобы они проложили колею для графскаго поѣзда и вмѣстѣ съ тѣмъ убѣдились въ прочности льда.

Не смотря на то что княгиня, при пріѣздѣ въ Мемель, была чрезвычайно утомлена и что, по ея словамъ, она едва была въ состояніи держать въ рукахъ перо, она тѣмъ не менѣе и здѣсь пользуется случаемъ описать мужу подробности переѣзда. Въ особенности распространяется она въ письмѣ, какъ истая прусская генеральша, насчетъ положенія крѣпости, командировъ расположенныхъ тамъ частей войскъ, вооруженія крѣпости и даже описываетъ форму обмундированія гарнизона. Вообще надо отдать справедливость любознательности и вниманію Іоганны-Елизаветы; всюду, гдѣ только время и обстоятельства позволяютъ, она старается подмѣчать и узнавать мѣстность, жителей и ихъ образъ жизни и обычаи. Помимо письма къ мужу, она находитъ еще возможнымъ писать изъ Мемеля къ королю Фридриху, Брюммеру, и Мардефельду. Первому она считаетъ долгомъ, на границѣ его владѣній, выразить свою признательность за то содѣйствіе и предупредительность, которыя она встрѣчала, благодаря ему, на всемъ пути: „Президенты Помераніи и Пруссіи — пишетъ она — приняли такія прекрасныя мѣры, что, только благодаря имъ, я могла такъ удобно и быстро совершить переѣздъ; безъ ихъ содѣйствія я подверглась бы тысячи опасностямъ и не могла бы выдержать ужаснаго мороза, который держится въ продолженіе всего нашего путешествія; мы настолько счастливы, я и моя дочь, что переносимъ усталость въ полномъ здравіи“. Затѣмъ она пишетъ о дочери: „Разставаясь съ отцомъ, она (дочь) догадалась, куда направлялся путь; разлука ее чрезвычайно растрогала“. Повидимому это мѣсто письма противорѣчитъ тому, что принцесса Софія была

предупреждена о цѣли поѣздки въ Россію еще въ Цербстѣ, какъ мы имѣли случай говорить. Противорѣчіе это объясняется тѣмъ, что, какъ видно изъ другаго письма Іоганны-Елизаветы, изъ Мемеля же, къ мужу, отъ Фридриха было скрыто, что принцесса Софія посвящена въ тайну. Іоганна-Елизавета категорично заявляетъ мужу, что королю „въ Берлинѣ было сказано, что она (Софія) не знаетъ, куда лежитъ нашъ путь“. Далѣе княгиня продолжаетъ въ письмѣ: „Молодость ея (дочери) взяла верхъ надъ первымъ нравственнымъ потрясеніемъ, которое въ эти годы нельзя иначе назвать, какъ нѣжностью. Онъ (князь), со своей стороны, былъ не менѣе потрясенъ, и, зная его взглядъ на величіе въ жизни, я убѣждена въ томъ, что ничто не будетъ въ состояніи утѣшить его въ разлукѣ съ ребенкомъ, который составлялъ всю его радость, кромѣ благоволенія вашего величества, которое я у васъ прошу, равно какъ и всѣмъ намъ“.

Переѣздъ изъ Мемеля въ Митаву былъ крайне непріятенъ; почтовый трактъ кончился, пришлось нанимать лошадей; кромѣ того, при полномъ отсутствіи снѣга, морозъ увеличился, и шубы могли едва оберегать отъ стужи. Сани были замѣнены колесными экипажами и, въ ожиданіи новой снѣжной дороги, привязаны къ послѣднимъ, что̀ представляло довольно комичное зрѣлище. Въ Митавѣ путешественницы должны были остановиться, такъ какъ до Риги оставалось всего только 7 миль, и прежде чѣмъ въѣзжать туда надлежало предупредить губернатора, дабы онъ успѣлъ приготовить подобающую принцессамъ встрѣчу. Отдыхъ въ Митавѣ оказался нелишнимъ; утомленіе заставляло себя чувствовать не на шутку, хотя здоровье принцессъ продолжало быть въ прекрасномъ состояніи. Здѣсь опять Іоганна-Елизавета пользуется случаемъ, чтобы отпра-

вить своему супругу самый обстоятельный отчетъ последней части путешествія; она распространяется въ письмѣ насчетъ отведеннаго имъ помѣщенія, вблизи строящагося замка Бирона, описываетъ погоду, жителей, ихъ образъ жизни, причемъ особенное удивленіе возбуждаютъ въ ней избы и устройство русскихъ печей.

До сихъ поръ Іоганна-Елизавета строго соблюдала инкогнито; въ Митавѣ же къ ней явился полковникъ Вожаковъ и привѣтствовалъ ее настоящимъ именемъ; онъ былъ командированъ сюда съ отрядомъ почетнаго конвоя, чтобы сопутствовать принцессамъ до Риги. 6-го числа путешественницы направились въ Ригу, въ сопровожденіи почетнаго конвоя. Въ назначенномъ для остановки и обѣда мѣстѣ, къ Іоганнѣ-Елизаветѣ явился камергеръ Нарышкинъ, посланный Императрицею на встрѣчу принцессъ. Нарышкинъ привѣтствовалъ ихъ отъ имени Елизаветы Петровны, передалъ имъ нѣкоторыя порученія отъ имени Ея Величества и между прочимъ то, что дворъ переѣхалъ уже въ Москву и что принцессамъ предоставлялось остановиться въ Петербургѣ только на два дня. Въ концѣ аудіенціи Нарышкинъ вручилъ принцессѣ-матери письмо отъ Брюммера и нѣкоторыхъ другихъ ея знакомыхъ съ необходимыми для нея инструкціями *). Брюммеръ писалъ: „Императрица ежедневно освѣдомляется, не имѣю ли я извѣстій о васъ, проѣхали ли вы Данцигъ и когда можете пріѣхать въ Москву; я отвѣчаю, что еслибы ваша свѣтлость имѣли крылья, то воспользовались бы ими, чтобы не терять ни минуты“. Брюммеръ умолялъ принцессу принять его совѣты и при первомъ свиданіи съ Императрицею оказать ей чрезвычайное и болѣе чѣмъ совершенное уваженіе (une déference extraordinaire et plus que par-

*) Путешествіе по Зибику.

faite), а именно поцѣловать у нея руку. Брюммеръ извѣщалъ также, что великій князь ничего не знаетъ о пріѣздѣ тетушки и сестрицы.

Въ Ригѣ принцессъ ожидала чрезвычайно торжественная встрѣча. За два часа до ихъ пріѣзда, отсюда былъ вывезенъ и препровожденъ въ Раненбургъ несчастный Іоаннъ Антоновичъ. Ребенокъ-императоръ какъ бы уступалъ мѣсто будущей монархинѣ. Іоганна-Елизавета въ своихъ запискахъ дѣлаетъ самыя подробныя описанія почестей, которыя ей расточаютъ въ Ригѣ, и великолѣпія, какимъ ее здѣсь окружаютъ. Она даже не опускаетъ подробностей о разныхъ фурьерахъ, экипажахъ, трубахъ и литаврахъ. Она восхищается, какъ знатокъ своего дѣла, выправкою русскихъ военныхъ и заставляетъ себѣ показывать отряды войскъ различныхъ родовъ оружія. Затѣмъ она даетъ полный просторъ своему честолюбію; ее тѣшатъ и льстятъ нескончаемыя представленія разныхъ сановниковъ и дамъ, и она счастлива тѣмъ, что „принуждена давать всѣмъ цѣловать руки“.

Въ краткихъ словахъ изложимъ ея пріѣздъ и пребываніе въ Ригѣ. При въѣздѣ въ городъ высокихъ путешественницъ встрѣтилъ вице-губернаторъ князь Долгорукій (губернаторъ графъ Ласси былъ отозванъ въ Москву) со всѣми офицерами гарнизона, комендантомъ, всѣми носящими званіе военныхъ, императорскими присутственными мѣстами, депутатами отъ магистрата, дворянства и всѣхъ горожанъ. Нарышкинъ представлялъ всѣхъ, послѣ чего княгиня съ дочерью сѣли въ карету и—по заранѣе составленному церемоніалу—торжественно направились къ городу. Лишь только поѣздъ переѣхалъ Двину, раздался салютъ изъ всѣхъ орудій, почетный караулъ со знаменемъ, трубами и литаврами отдалъ честь; другіе почетные караулы были разставлены въ нѣсколькихъ мѣстахъ города и при домѣ,

который былъ предназначенъ принцессамъ. Внутри дома, въ каждой комнатѣ, стояли парные часовые; безчисленная толпа народа окаймляла улицы и затрудняла шествіе. Въ домѣ, въ столовой комнатѣ, принцессъ ожидало все отборное рижское общество; опять начались представленія и поздравленія по случаю благополучнаго пріѣзда. Послѣ этой первой сумятицы Нарышкинъ и князь Долгорукій передали принцессамъ двѣ великолѣпныя собольи, покрытыя парчею, шубы — подарокъ Императрицы — одну для Іоганны-Елизаветы, другую — для Софіи-Августы; кромѣ того — палатины изъ того-же мѣха и мѣховую же полость, покрытую богатою тканью по золотому фону, для того чтобы путешественницы закрывались ими въ саняхъ. Затѣмъ былъ опять представленъ цѣлый поѣздъ, присланный въ ихъ распоряженіе Императрицею*). День закончился параднымъ ужиномъ.

Слѣдующій день, сверхъ ожиданія, принцессамъ пришлось провести еще въ Ригѣ; но описаніе ихъ времяпрепровожденія всего характернѣе и краснорѣчивѣе передаетъ выписка изъ записокъ Іоганны-Елизаветы, тѣмъ болѣе, что помимо фактической стороны описанія можно судить и о впечатлѣніяхъ княгини, переданныхъ ею же самою.

„Шталмейстеръ Ея Императорскаго Величества — пишетъ княгиня — объявилъ мнѣ черезъ переводчика, что невозможно ѣхать ранѣе послѣ-завтра (9-го). Я

*) Небезъинтереснымъ можетъ показаться составъ поѣзда: 1) Отрядъ при офицерѣ кирасирскаго Его Императорскаго Высочества Голштинскаго полка. 2) Шталмейстеръ. 3) Офицеръ л.-г. Измайловскаго полка въ должности камеръ-юнкера. 4) Метръ д'отель. 5) Кондитеръ. 6) Нѣсколько поваровъ и поваренковъ. 7) Дворецкій съ помощникомъ. 8) Кофешенкъ. 9) Восемь лакеевъ. 10) Два гренадера л.-г. Измайловскаго полка. 11) Два фурьера. 12) Нѣсколько саней и кучеровъ. Между санями однѣ, предназначавшіяся для принцессъ, называемыя линея, красныя, выложенныя серебрянымъ галуномъ; внутри обиты соболями, съ матрасами и полостями изъ шелка.

ему велѣла отвѣтить, что онъ властенъ въ томъ, и я покоряюсь невозможности, какъ ни велика поспѣшность моя быть у ногъ его государыни. Около полудня вице-губернаторъ, комендантъ, всѣ офицеры, дворянство и депутаты магистрата, представлявшіеся мнѣ вчера и приглашенные мною къ обѣду, собрались въ моей пріемной. Я снова ихъ всѣхъ благодарила за вчерашнія ихъ заботы и угожденія мнѣ. Потомъ мнѣ представляли офицеровъ, начальствующихъ въ крѣпости и въ войскахъ при крѣпости Динамюнде; между ними были: полковникъ Штейнъ, потерявшій ногу въ сраженіи при Вильманстрандѣ, и маіоръ Корфъ, конно-гвардеецъ, братъ нашего пріятеля въ Стокгольмѣ, находящійся при караулѣ у государственныхъ преступниковъ съ первыхъ минутъ ихъ задержанія. Прежде еще прибыли генералъ-аншефъ Салтыковъ, тоже находящійся при этомъ важномъ караулѣ *), супруга фельдмаршала Ласси съ двумя дочерьми. Онѣ обѣдали съ нами и со всѣми, кто могъ помѣститься за столомъ.

„За обѣдомъ говорили о войскахъ. Я очень хвалила видѣнныя мною и въ особенности кирасирскій полкъ, который дѣйствительно чрезвычайно красивъ. Генералъ-аншефъ предложилъ мнѣ показать два взвода лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка, которые всегда при немъ. Я его просила о томъ и была удивлена ихъ красотою. Въ свою очередь Корфъ предложилъ показать своихъ. Я ихъ видѣла, и они нисколько не уступали первымъ. У тѣхъ были гренадерскія шапки, что̀ еще лучше. Послѣ обѣда, всѣ городскія дамы пріѣзжали ко мнѣ. При появленіи, о нихъ докладывается кирасирскому офицеру,

*) Какъ Корфъ, такъ и Салтыковъ были во главѣ отрядовъ, караулившихъ семейство лишеннаго престола Императора Іоанна VI Антоновича, временно находившагося въ Динамюнде. — «Сборн. Русск. Ист. Общ.», т. VII.

который на караулѣ; онъ передаетъ о томъ мнѣ, а дѣвица Каинъ ихъ принимаетъ.

„Когда я иду къ столу, то въ комнатахъ играютъ трубы, а снаружи при караулѣ — флейты и гобои. Мнѣ все кажется, что я состою при свитѣ Ея Императорскаго Величества или какой-нибудь великой государыни. Мнѣ въ мысль не приходитъ, чтобы все это дѣлалось для меня, бѣдной, для которой въ другихъ мѣстахъ едва били въ барабанъ, а въ другихъ и того не дѣлаютъ.

„Подъ вечеръ Нарышкинъ сказалъ мнѣ, что меня довольно тормошили въ продолженіе дня и что онъ убѣдительно проситъ меня, именемъ Ея Императорскаго Величества, которая поручила ему наше здоровье и жизнь, — успокоиться. Я нуждалась въ такомъ добромъ совѣтѣ и охотно приняла его“.

Послѣ столь богатаго всевозможными впечатлѣніями дня Іоганна-Елизавета не могла не подѣлиться хотя частью изъ нихъ съ своимъ супругомъ. Описывая встрѣчу въ Ригѣ, она совѣтуетъ ему напечатать описаніе ея въ газетахъ и между прочимъ сообщаетъ: „Что касается нашей дочери и меня, то первая такъ здорова и весела, что мнѣ остается только удивляться; я нѣсколько утомлена, но благодаря Бога ни на что жаловаться не могу“.

9-го числа принцессы, сопровождаемыя большою свитою, выѣхали изъ Риги и, прослѣдовавъ черезъ Дерптъ и Нарву, 3-го февраля стараго стиля достигли Петербурга. Подъ громъ орудій съ адмиралтейства встрѣтилъ высокихъ гостей вице-губернаторъ князь Репнинъ и статсъ-дамы, назначенныя Императрицею для сопровожденія ихъ въ Москву. Принцессамъ отвели покои въ Зимнемъ дворцѣ. Не смотря на холодъ и голодъ, прежде чѣмъ отдохнуть и подкрѣпиться, пришлось опять выслушивать и отвѣчать на привѣтствія тысячи пред-

ставляющихся. Только поздній вечеръ положилъ предѣлъ нескончаемымъ пріемамъ; но на слѣдующій день повторилось то-же самое. Хотя утомленіе доводитъ Іоганну-Елизавету почти до дурноты, тѣмъ не менѣе впечатлѣнія ея самыя благопріятныя; она въ запискахъ своихъ пишетъ: „Должна сказать въ похвалу русскихъ, что это умные люди. Я встрѣчаю старинныхъ генераловъ, которые видали Петра Великаго, слѣдовали за нимъ и помогали ему. Не чувствую усталости слушать ихъ разсказы объ ихъ творцѣ, какъ они называютъ его". На слѣдующій день принцессы осматриваютъ городъ; вниманіе ихъ привлекаетъ преимущественно то мѣсто, откуда Ея Величество отправилась „для осуществленія своего намѣренія (для овладѣнія престоломъ), весь путь, сдѣланный ею, и знаменитую казарму преображенцевъ, откуда она взяла первыхъ солдатъ". „Непонятно, — замѣчаетъ княгиня, — какъ Ея Величество могла выдержать такой длинный переходъ, и какъ не измѣнили ей".

Въ Петербургѣ пріѣздъ княгини Цербстской съ дочерью съ нѣкотораго времени не былъ уже тайною; знали даже о цѣли ея пріѣзда. Посылка Нарышкина на встрѣчу путешественницамъ возбудила между придворными всевозможныя предположенія; поэтому Императрица, за два дня до отъѣзда въ Москву, сочла нужнымъ объявить о предстоящемъ пріѣздѣ, объясняя вызовъ ихъ желаніемъ лично познакомиться съ княгинею, о прекрасныхъ качествахъ которой она такъ много наслышалась. Нѣкоторымъ, въ томъ числѣ и Бестужеву, она сообщила конфиденціально о своихъ намѣреніяхъ. Это откровеніе приходилось Бестужеву и его партіи совершенно не по сердцу; но въ особенности былъ озадаченъ саксонскій посланникъ Герсдорфъ, который до послѣдней минуты не терялъ надежды на

успѣхъ своего плана. „Саксонцы были поражены, какъ громомъ, — пишетъ Мардефельдъ, — при извѣстіи о бракосочетаніи великаго князя съ принцессою Цербстскою. Вице-канцлеръ Бестужевъ, задѣтый за живое и оскорбленный пріѣздомъ принцессы, на-дняхъ такъ выразился: «Великаго князя хотятъ женить такъ, чтобы мы, русскіе, этого не знали; но дѣло это еще не такъ вѣрно; раньше нужно будетъ еще поговорить съ духовенствомъ». „Но ему неизвѣстно, — продолжаетъ Мардефельдъ, — что съ этой стороны дѣло уже улажено“.

Іоганна-Елизавета была уже частью предупреждена королемъ Фридрихомъ и Подевильсомъ о затрудненіяхъ, которыя ей предстоитъ встрѣтить при русскомъ дворѣ. Поэтому тѣмъ болѣе ей было непріятно, что она не застала въ Петербургѣ Императрицы, и по мѣрѣ приближенія къ царской резиденціи увѣренность въ себя начала нѣсколько ослабѣвать въ ней. Ея сторонники—Мардефельдъ и Шетарди не замедлили обрисовать ей яркими красками положеніе дѣлъ, политическія интриги касательно брака великаго князя и происки ея враговъ—и тѣмъ убѣдили въ необходимости стараться какъ можно скорѣе свидѣться съ Императрицею и Наслѣдникомъ. Настроеніе духа при этихъ обстоятельствахъ обрисовывается лучше всего въ письмѣ Іоганны къ Фридриху II-му, въ которомъ она пишетъ. „Я живу во дворцѣ Императрицы, гдѣ я нашла многочисленный дворъ, и мнѣ угождаютъ такъ, какъ могли бы угождать самой Государынѣ. Императрица оставила четыре статсъ-дамы, чтобы меня принять. Наконецъ, Государь, я вполнѣ сознаю, что я введена сюда любимымъ и уважаемымъ союзникомъ. Впрочемъ, Государь, я конечно сознаю, что въ этой странѣ я новичокъ и чувствую себя не дома (neuve et empruntée), что̀ меня заставляетъ думать, что я буду сознавать себя таковою еще гораздо больше

въ томъ мѣстѣ, гдѣ находится дворъ. Прибавьте къ этому утомленіе въ такое время года, послѣ путешествія и перемѣны воздуха—окажется, что мнѣ будетъ потребенъ желѣзный темпераментъ, чтобы устоять". Далѣе она продолжаетъ: „Моя дочь болѣе счастлива. Ея молодость поддерживаетъ здоровье, и, подобно молодымъ солдатамъ, которые идутъ на встрѣчу опасности, потому что они ея не знаютъ, она тѣшится величіемъ, которое ее окружаетъ".

6-го февраля былъ назначенъ отъѣздъ въ Москву. Хотя все было готово къ отъѣзду, тѣмъ не менѣе недоброжелатели принцессъ старались изо всѣхъ силъ помѣшать отъѣзду, въ разсчетѣ, что этимъ прибытіе ихъ запоздаетъ и не поспѣетъ ко дню рожденія великаго князя, и тѣмъ самымъ повредитъ имъ во мнѣніи Императрицы. Только твердость княгини избавила ее отъ этой западни. Предупрежденная во-время объ интригѣ, она настояла, чтобы отъѣздъ послѣдовалъ въ назначенный день. День и ночь мчался княжескій поѣздъ почти безъ остановокъ, дѣлая до десяти нѣмецкихъ льё въ три часа. Благодаря предусмотрительнымъ распоряженіямъ Елизаветы Петровны, всюду ждали готовыя почтовыя лошади, удобныя квартиры, кофе, обѣды и ужины; не забыты были даже почетные караулы. Одинъ только былъ случай, едва не стоившій жизни княгинѣ. Сильный толчокъ саней на раскатѣ объ избу переломалъ двѣ желѣзныя санныя полосы, которыя упали на спящихъ принцессъ. Полосы ударили Іоганну въ голову и разбудили ее; она сдѣлала усиліе, чтобы высвободиться изъ подъ шубы, но обѣ полосы очутились на горловой кости и на рукахъ; отъ страха и боли у нея занялось дыханіе. Въ первую минуту она могла только дернуть спавшую дочь, чтобы разбудить ее. Съ принцессою Софіею ничего не случилось. По

счастію ударъ черезъ шубу не могъ быть силенъ, и принцесса отдѣлалась одними синяками и страхомъ. Не обошлось однако безъ несчастій. Два преображенскихъ гренадера, сидѣвшіе въ саняхъ, были выброшены одинъ къ противуположной избѣ, а другой—объ уголъ избы, и такъ сильно, что у послѣдняго оказались изломанными носъ и подбородокъ.

Въ четырехъ часахъ разстоянія отъ Москвы путешественницы были привѣтствованны—отъ имени Императрицы и великаго князя—камеръ-юнкеромъ Сиверсомъ, а курьеръ вручилъ собственноручное наставленіе Елизаветы Петровны о порядкѣ въѣзда. И такъ цѣль путешествія была достигнута.

V.

9-го февраля сани въѣхали въ кремлевскія ворота, и весь поѣздъ вытянулся подъ окнами Елизаветы Петровны. Императрица, въ нетерпѣніи увидѣть путешественницъ, проникла въ небольшой проходъ, гдѣ, будучи окружена офицерами, такъ что снаружи ее нельзя было замѣтить, разсматривала пріѣзжихъ. Принцесса съ дочерью, по выходѣ изъ саней, прямо прошла въ приготовленную для нея уборную; но она не успѣла еще сбросить шубу и снять капоръ, какъ внезапно вошелъ великій князь съ принцемъ гессенъ-гомбургскимъ и нѣкоторыми другими придворными. Великій князь тотчасъ расцѣловалъ принцессъ, какъ близкихъ родственницъ, съ большою нѣжностью и любезными фразами. Вслѣдъ за тѣмъ явился оберъ-гофмейстеръ и пригласилъ ихъ къ Императрицѣ. Исполняя совѣты Брюммера, принцесса поцѣловала руку Елизаветы Петровны и сказала: „Повергаю къ стопамъ вашего величества чувство глубочайшей признательности за благодѣянія, оказанныя моему дому“. Императрица отвѣтила: „Я сдѣлала малость въ сравненіи съ тѣмъ, что хотѣла бы сдѣлать для моей семьи; моя кровь мнѣ не дороже вашей“. Завязался оживленный разговоръ, который Императрица вдругъ прервала и вышла въ другую комнату; потомъ прин-

цессѣ сказали, что Елизавета, найдя въ ней необыкновенное сходство съ братомъ ея, не могла удержаться отъ слезъ, и вышла, чтобы скрыть ихъ.

Такъ состоялось первое свиданіе родственниковъ, по выраженію Іоганны-Елизаветы—„съ большою задушевностью“. Утомленнымъ принцессамъ много времени для отдыха не дали. На слѣдующее утро, едва онѣ успѣли одѣться, какъ имъ были представлены всѣ лица, назначенныя состоять при нихъ: два камергера, два камеръ-юнкера, четыре камеръ-пажа и множество низшихъ чиновъ, а затѣмъ началась цѣлая серія празднествъ.

Въ день рожденія Петра Ѳедоровича, Императрица возложила на принцессу Іоганну и на ея дочь орденскіе знаки св. великомученицы Екатерины, которые она собственноручно надѣла и прикрѣпила; затѣмъ она отправилась, по случаю говѣнья, къ исповѣди.

„Вотъ какъ мы будемъ жить цѣлый постъ, — пишетъ княгиня: — утромъ, когда одѣваюсь, приходятъ часто три, четыре и болѣе дамъ. Около полудня, я выхожу; являются мужчины; изъ нихъ удерживаютъ тѣхъ, которыхъ можно оставить. Послѣ кофе, расходятся до шести часовъ вечера. Тогда мы идемъ или къ Ея Величеству, или къ Его Императорскому Высочеству, или же мы остаемся у себя и къ намъ приходятъ Ея Величество съ Его Императорскимъ Высочествомъ.

„Я и моя дочь живемъ какъ королевы. Все въ галунахъ, выложено золотомъ, великолѣпно. Когда мы выѣзжаемъ, то выѣздъ удивительный. Болѣе блестящимъ дѣлаетъ его господствующая здѣсь мода, что всѣ выѣздные лакеи верхами. Если ѣдутъ въ саняхъ, то камергеры, которые въ другихъ случаяхъ отправляются въ каретахъ, становятся на запяткахъ и держатъ концы полости, покрывающей колѣни и ноги“.

Всѣ придворные на-перерывъ старались угодить принцессамъ; но это стараніе не было лишено извѣстной доли любопытства; а любопытство не всегда бываетъ доброжелательно. „Невообразимо было—пишетъ Іоганна-Елизавета—любопытство всѣхъ, какъ осматривали нѣмокъ съ ногъ до головы и съ головы до ногъ“.

Обратимся къ принцессѣ Софіи и посмотримъ, каковы были ея первыя впечатлѣнія по пріѣздѣ въ новое отечество. Она была поражена блескомъ и великолѣпіемъ внѣшности; окружающихъ она еще узнать не могла, но изъ разговоровъ матери успѣла нѣсколько познакомиться съ русскимъ дворомъ. Понятное дѣло, что пятнадцатилѣтнюю дѣвочку, какъ-бы она ни была умна и развита, дворскія партіи и интриги особенно занимать не могли. Гораздо болѣе занимала ее личность будущаго жениха, и въ этомъ отношеніи она ищетъ знакомства съ нимъ, внимательно вслушивается въ каждое его слово, дѣлаетъ выводы изъ характера его разговора, но, къ сожалѣнію, впечатлѣнія выноситъ неблагопріятныя. Она такъ описываетъ первое знакомство съ нимъ въ своихъ воспоминаніяхъ: „Великій князь, казалось, обрадовался нашему пріѣзду. Мнѣ шелъ пятнадцатый годъ. Въ первые дни онъ высказалъ большую предупредительность относительно меня. Но съ этого времени, и затѣмъ въ очень короткій промежутокъ, я увидѣла и поняла, что онъ мало цѣнитъ націю, надъ которой предназначался царствовать; болѣе дорожитъ лютеранствомъ; не любитъ окружающихъ его, и что вообще онъ еще ребенокъ. Я молчала и слушала, чѣмъ пріобрѣла его довѣріе. Я помню, что онъ мнѣ между прочимъ сказалъ, что во мнѣ ему всего болѣе нравится то, что я ему прихожусь двоюродною сестрою и что, въ качествѣ родственницы, онъ можетъ со мною говорить откровенно; вслѣдствіе чего онъ мнѣ сообщилъ, что влюб-

ленъ въ одну изъ фрейлинъ Императрицы, которая была удалена отъ двора, что онъ очень желалъ-бы на ней жениться, но что рѣшился жениться на мнѣ, вслѣдствіе желанія тетушки. Я, краснѣя, слушала эти родственныя признанія и благодарила его за преждевременную откровенность, но въ душѣ только удивлялась его неосторожности и отсутствію здраваго смысла въ сужденіяхъ относительно многихъ вопросовъ“ *).

Вотъ первыя впечатлѣнія, которыя вынесла принцесса Софія изъ знакомства съ тѣмъ, съ которымъ ей суждено было дѣлить жизнь и судьбу.

Первое время, жизнь въ новомъ семействѣ потекла своимъ порядкомъ. Не смотря на постъ, который очень строго соблюдался при дворѣ, образъ жизни былъ довольно оживленный. Принцессы принимали гостей, обѣдали постоянно съ великимъ княземъ, пользовались милостями Императрицы и тѣми развлеченіями и удовольствіями, которыя были допущены церковью во время поста **).

Вскорѣ по прибытіи въ Москву, къ принцессѣ Софіи были назначены три преподавателя: Симонъ Тодорскій, для наставленія ея въ законѣ Божіемъ (онъ же былъ прежде наставникомъ Петра Ѳедоровича), Василій Ададуровъ, для обученія русскому языку, и Лоде, для уроковъ танцованія. Въ занятіяхъ съ ними, уже съ самаго начала, замѣчается первый успѣхъ будущей Императрицы въ стараніи, которое она такъ постоянно обнаруживала, сдѣлаться истинною дочерью своего новаго отечества. Надобно отдать справедливость Елизаветѣ Петровнѣ, что она вполнѣ понимала необходимость поскорѣе обрусить новоприбывшую. Еще до пріѣзда

---

*) Mémoires de l'Impératrice Catherine II.—9.
**) Siebigk, 66—67.

Екатерины. Императрица заботилась объ образованіи въ этомъ смыслѣ ея придворнаго штата. Мардефельдъ, въ январѣ 1744 года, доносилъ Фридриху, что Императрица рѣшилась устроить для принцессы дворъ, составленный исключительно изъ лицъ русской національности, говорящихъ по-нѣмецки и по-французски. Дѣйствительно, по прибытіи принцессы, къ ней назначены были между прочимъ русскія камеръ-юнгферы. „Это — замѣчаетъ сама Софія — было мнѣ очень по душѣ: старшей изъ этихъ молодыхъ дѣвушекъ не было и 20 лѣтъ; всѣ онѣ были очень веселаго нрава, и я съ этой минуты во весь день только и дѣлала, что пѣла, плясала, рѣзвилась“.

Съ пріѣзда въ Россію, съ четырнадцатилѣтняго своего возраста, Екатерина никогда болѣе не видала Германіи, и связь ея съ родиною мало-по-малу совершенно порвалась: скромный Цербстъ, тихій Штетинъ, по замѣчанію Шлецера *), навсегда скрылись отъ взоровъ молодой принцессы, для которой на чужбинѣ должны были осуществиться мечты величія, пышности и славы; о путешествіи въ Германію она, ни великою княгинею, ни еще менѣе императрицею, не могла уже думать. Такъ Россія должна была, въ близкомъ будущемъ, замѣнить для Екатерины все — и родину, и семейство.

Екатерина усердно принялась заниматься русскимъ языкомъ, вставая рано и читая русскія книги еще въ постели. Успѣхъ былъ такъ блистателенъ, что черезъ годъ послѣ назначенія къ ней учителей, именно при празднованіи дня рожденія будущаго ея супруга (10-го февраля 1745 года), Императрица выразила ей удовольствіе за русскія письма, которыя она ей писала, и за

*) K. v. Schlözer. — «Friedrich der Gr. und Katharina II». Berlin.— 1859. — 41.

ея стараніе выучиться русскому языку. При этомъ Елизавета Петровна заговорила по-русски, просила отвѣчать на томъ же языкѣ и хвалила хорошее ея произношеніе *).

Изъ всего, что Екатерина писала по-русски, видно, что она дѣйствительно усвоила себѣ духъ языка, знала его идіотизмы и кстати пользовалась простонародными поговорками: но ея орѳографія и вся грамматическая часть не говорятъ въ пользу ея учителя. Впрочемъ не надобно, конечно, забывать, что даже роднаго, т. е. нѣмецкаго языка, ей не преподавали теоретически, что, слѣдовательно, основанія общей грамматики остались ей совершенно неизвѣстны и что при такомъ условіи невозможно было научиться правильному употребленію труднаго и—по своимъ формамъ—совершенно новаго для нея чужеземнаго языка **). Екатерина сама очень хорошо чувствововала этотъ пробѣлъ въ своемъ образованіи: „Ты не смѣйся—говорила однажды Императрица состоявшему при ея кабинетѣ Грибовскому—надъ моею русскою орѳографіею. Я тебѣ скажу, почему я не успѣла ее хорошенько узнать: по пріѣздѣ моемъ сюда, я съ большимъ прилежаніемъ начала учиться русскому языку. Тетка Елизавета Петровна, узнавъ объ этомъ, сказала моей гофмейстеринѣ: „полно ее учить,—она и безъ того умна“! Такимъ образомъ могла я учиться русскому языку только изъ книгъ, безъ-учителя, и это есть причина, что я плохо знаю правописаніе“. „Впрочемъ,—замѣчаетъ притомъ Грибовскій, —Государыня говорила по-русски довольно чисто и любила употреблять простыя и коренныя слова, которыхъ она множество знала“... ***). Черезъ Ададурова великая княгиня иногда требовала

*) Гротъ,—11.
**) Тамъ-же.
***) Сборн. Русск. Ист. Общ., т. VII.

книги изъ академіи наукъ. Такъ, въ февралѣ 1745 года, Шумахеръ, вслѣдствіе ея приказанія, при письмѣ къ Ададурову, прислалъ къ ней каталоги академической библіотеки и книжнаго магазина. Сама Екатерина свидѣтельствуетъ, что по возвращеніи изъ Москвы въ Петербургъ, въ концѣ 1744 года, она вела жизнь уединенную и для своихъ пятнадцати лѣтъ была довольно прилежна, занимаясь особенно русскимъ языкомъ и покупая себѣ книги.

Съ первыхъ же дней по пріѣздѣ въ Москву, Іоганна-Елизавета съ увлеченіемъ предалась политикѣ въ сообщничествѣ своихъ друзей. Легко понять, какъ пріѣздъ цербстскихъ принцессъ непріятно поразилъ Бестужева. Принцесса мать естественно обратилась къ людямъ, въ которыхъ видѣла своихъ друзей, покровителей — къ Брюммеру, Лестоку, Мардефельду, Шетарди, — а эти люди указали ей въ Бестужевѣ злаго врага, котораго она больше всѣхъ должна бояться. Такъ, съ самаго начала, княгиня невольно сдѣлалась сообщницею интригъ и примкнула къ одной изъ враждующихъ дворскихъ партій, что̀ въ скоромъ времени послужило къ ея погибели.

Въ то время какъ Брюммеръ и Шетарди съ компаніею такъ усердно подкапывались подъ Бестужева, въ надеждѣ на помощь, которую имъ окажетъ принцесса Цербстская, вдругъ, въ половинѣ марта, они были поражены страшнымъ безпокойствомъ: молодая принцесса опасно занемогла. О причинахъ болѣзни и ходѣ ея пусть раскажетъ она сама, потому что въ этомъ разсказѣ мы впервые можемъ познакомиться съ будущею Екатериною Великою; въ пятнадцатилѣтней дѣвочкѣ можемъ увидать проблески той сильной воли и яснаго пониманія, которыми впослѣдствіи отличалась знаменитая Императрица.

„Въ десятый день послѣ моего пріѣзда въ Москву, Императрица уѣхала въ Троицкій монастырь. Мнѣ уже дали троихъ учителей: Симона Теодорскаго для наставленія въ греческой религіи, Василья Ададурова — въ русскомъ языкѣ и Лоде — для обученія танцамъ. Чтобы скорѣе успѣть въ русскомъ языкѣ, я вставала ночью, и когда всѣ спали мертвымъ сномъ, я заучивала тетрадки, оставленныя мнѣ Ададуровымъ. Такъ какъ въ комнатѣ было тепло и я недостаточно хорошо знала здѣшній климатъ, то я занималась, какъ была въ постелѣ, босикомъ. И вотъ, на пятнадцатый день, я схватила болѣзнь, отъ которой чуть было не отправилась на тотъ свѣтъ. Въ то время какъ я одѣвалась, чтобы идти съ матерью обѣдать къ великому князю, меня стало знобить. Съ трудомъ упросила я мать позволить мнѣ лечь въ постель. Когда послѣ обѣда она возвратилась, то нашла меня почти безъ чувствъ, въ страшномъ жару и съ нестерпимою болью въ боку. Она вообразила, что у меня оспа, послала за лѣкарями и хотѣла, чтобъ они лѣчили меня отъ оспы. Лѣкаря утверждали, что надобно мнѣ пустить кровь. Она не хотѣла объ этомъ слышать, говоря, что кровопусканіемъ, въ Россіи, уморили ея брата, тогда какъ у него была оспа, и она не хочетъ, чтобъ и со мною то же случилось. Мать и лѣкаря спорили, я лежала безъ чувствъ, въ жару, стоная отъ страшной боли въ боку, а мать бранила меня за то, что я такъ нетерпѣлива. Наконецъ, на пятый день моей болѣзни, пріѣзжаетъ Императрица отъ Троицы; прямо изъ кареты входитъ въ мою комнату и застаетъ меня безъ чувствъ; съ нею былъ Лестокъ и еще другой лѣкарь. Выслушавъ ихъ мнѣнія, она велѣла пустить мнѣ кровь. Какъ только кровь пошла, я очнулась и, открывъ глаза, увидала, что Императрица держитъ меня въ своихъ объятіяхъ. Двадцать семь дней я была между жизнью и смертью,

наконецъ нарывъ въ правомъ боку прорвался, и я стала выздоравливать. Я тотчасъ замѣтила, что поведеніе матери во время мой болѣзни произвело на всѣхъ очень дурное впечатлѣніе. Увидавши, что мнѣ дурно, она хотѣла послать за лютеранскимъ пасторомъ; когда мнѣ объ этомъ сказали, я отвѣчала: „Это зачѣмъ? позовите лучше Симона Теодорскаго, я охотно буду съ нимъ говорить". Призвали его, и онъ говорилъ со мною въ присутствіи всѣхъ, и всѣ были очень довольны нашимъ разговоромъ. Это очень расположило ко мнѣ Императрицу и весъ дворъ*). Еще было другое маленькое обстоятельство, повредившее моей матери. Около Пасхи, моя мать въ одно утро позволила себѣ послать ко мнѣ горничную передать мнѣ, чтобы я ей уступила голубую матерію съ серебромъ, которую мнѣ подарилъ дядя передъ отъѣздомъ въ Россію, такъ какъ она мнѣ очень нравилась. Я велѣла ей отвѣтить, что въ ея власти было взять, хотя, правда, я ее очень люблю, и что потому-то именно дядя мнѣ ее и подарилъ. Окружавшіе меня, видя, что я отдаю матерію неохотно и что я такъ давно нахожусь между жизнью и смертью, и только съ нѣкоторыхъ поръ чувствую себя немного лучше, стали говорить, насколько неблагоразумно со стороны матери, причинять малѣйшую непріятность умирающему ребенку, и гораздо было бы съ ея стороны лучше вовсе умалчивать о матеріи, чѣмъ желать ее себѣ присвоить. Это дошло до свѣденія Императрицы, которая тотчасъ же послала мнѣ нѣсколько кусковъ богатыхъ матерій и между прочимъ одну голубую съ серебромъ; но это обстоятельство повредило моей матери въ ея глазахъ. Мою мать обвиняли въ отсутствіи нѣжности и вниманія ко мнѣ**)".

*) «Mémoires», 11. — Соловьевъ, XXI. 317. — Siebigk, 48—52.
**) «Mémoires», 11.

Не смотря на безтактность принцессы-матери во время болѣзни дочери, Елизавета Петровна продолжала принимать въ нихъ обѣихъ самое горячее участіе и пользовалась каждымъ случаемъ, чтобы доказать имъ свое благоволеніе и ласку. Вниманіе ея къ Іоганнѣ-Елизаветѣ доходило до того, что, тотчасъ по пріѣздѣ ея въ Москву, она приказала изготовить ей особое мѣсто въ лютеранской церкви, гдѣ бы ей можно было удобно присутствовать при богослуженіи, по случаю праздника Пасхи; кромѣ того она осыпала обѣихъ принцесъ драгоцѣнными подарками и брилліантами. То-же самое можно сказать относительно Петра Ѳедоровича: „Великій князь былъ въ отчаяніи въ продолженіе всей болѣзни молодой дѣвушки“, пишетъ Іоганна-Елизавета*); „онъ каждый вечеръ проводилъ въ комнатахъ моей матери, которыя были и моими,—дабавляетъ сама Екатерина,—и онъ, и всѣ, казалось, принимали во мнѣ большое участіе. Императрица часто плакала“. Наконецъ, 21-го апрѣля, больной позволили въ первый разъ выйти и показаться въ публикѣ. „Я похудѣла какъ скелетъ, — продолжаетъ принцесса, — я выросла, лицо вытянулось, волосы падали, и я была блѣдна какъ смерть. Я сама себя находила такою некрасивою, что было страшно смотрѣть, и я не могла себя узнать. Императрица въ этотъ день прислала банку румянъ и приказала мнѣ нарумяниться“ **).

Не смотря на общее сочувствіе къ Екатеринѣ во время ея болѣзни, нашлись люди, которые въ душѣ желали смерти принцессы. Къ числу послѣднихъ принадлежали приверженцы Бестужева и саксонской партіи. Это злорадство привело въ негодованіе Елизавету Петровну. Король Фридрихъ тоже доказалъ въ настоящемъ случаѣ свою безсердечность и привычную ему политику:

*) Siebigk, 52.
**) Mémoires, 13.

часоваго, убитаго на посту, замѣняютъ другимъ—и дѣло сдѣлано. Принцесса Цербстская будучи при смерти, онъ уже началъ подготовлять другую невѣсту для великаго князя — принцессу Виртембергскую *).

Послѣ выздоровленія принцессы, въ день ея рожденія, начались обѣды, вечера, балы и маскарады, въ которыхъ впрочемъ больная принимала участіе, по совѣту докторовъ, очень осторожно.

Пытливый, изобрѣтательный и небезхитростный умъ Екатерины вездѣ умѣлъ находить новые источники для расширенія своего кругозора. Во время опасной болѣзни, постигшей ее уже въ первые дни пребыванія въ Россіи,—„я привыкла—говоритъ она—лежать съ закрытыми глазами; меня считали спящею; тогда графиня Румянцева и другія женщины высказывали все, что у нихъ было на сердцѣ, и я узнавала очень многое“.

Удивительно-ли, что, соединяя со своимъ проницательнымъ умомъ величайшій тактъ и необычайное благоразуміе, Екатерина поражала своимъ существомъ всѣхъ пріѣзжавшихъ ко двору Елизаветы Петровны иностранцевъ? Въ 1755 году англійскій посланникъ Вильямсъ писалъ: „Съ самаго прибытія въ эту страну, она всѣми зависящими отъ нея средствами старалась пріобрѣсти любовь русскихъ. Она прилежно училась ихъ языку и теперь говоритъ на немъ, какъ меня увѣряютъ, превосходно. Ей также въ высшей степени удалось снискать общую любовь и уваженіе. Она обладаетъ обширными познаніями объ этомъ государствѣ и пристально его изучаетъ“ **).

Дѣйствительно, съ самаго появленія своего при русскомъ дворѣ, Екатерина, не смотря на свою моло-

---

*) Rambaud. «L'impératrice Catherine II dans sa famille».

**) Raumer. «Beiträge. — «La cour de Russie il y a cent ans», 125. — Гротъ, 11.

дость, вела себя чрезвычайно обдуманно. Вѣрность наблюденій Вильямса подтверждается собственными ея словами, доказывающими, какъ послѣдовательны были всѣ ея поступки. „Я со всѣми обращалась — говоритъ она — какъ можно лучше, и тщательно изучала средства пріобрѣсти дружбу или по крайней мѣрѣ уменьшить вражду тѣхъ, кого могла подозрѣвать въ недоброжелательствѣ къ себѣ. Я не обнаруживала предпочтенія ни въ какую сторону, ни во что не вмѣшивалась, показывала всегда ясный видъ, много предупредительности, вниманія и учтивости ко всѣмъ, и такъ какъ я отъ природы была очень веселаго нрава, то съ удовольствіемъ видѣла, что день ото дня пріобрѣтала болѣе привязанности въ публикѣ, которая смотрѣла на меня какъ на интересную и неглупую молодую особу. Я оказывала большое почтеніе моей матери, безпредѣльную покорность Императрицѣ, глубокое уваженіе къ великому князю и прилагала величайшее стараніе снискать любовь публики“.

Съ этимъ отчетомъ Екатерины въ своемъ поведеніи любопытно сравнить тѣ правила, которыя она впослѣдствіи, будучи Императрицею, высказала и предначертала въ отношеніи первой невѣсты великаго князя передъ пріѣздомъ ея въ Россію. Они изложены въ собственноручныхъ инструкціяхъ Государыни, данныхъ генералу Ребиндеру и барону Черкасову, для пріема Гессенъ-Дармштатской ландграфини съ ея дочерьми. Тамъ Екатерина съ особенною настойчивостью повелѣваетъ первому: „Давать почувствовать какъ имъ, такъ и разумнѣйшимъ изъ ихъ свиты: что *нѣтъ въ свѣтѣ двора, при которомъ бы всѣ были одинаковаго мнѣнія*, и потому — прибавляетъ она — мнѣ было-бы необыкновенно пріятно, если-бы ландграфиня, при своемъ прибытіи, всячески старалась вообще со всѣми и каж-

дымъ имѣть равное обращеніе и чтобы она, благосклонностью къ однимъ, не отняла надежды у другихъ снискать ея расположеніе, ибо я всегда была того убѣжденія, что лучше обладать сердцами всѣхъ, нежели немногихъ, и этому обдуманному образу дѣйствій я сама обязана достиженіемъ той ступени, на которой вся Европа стала видѣть меня *).

Столь же замѣчательны, какъ плодъ собственныхъ воспоминаній и долговременнаго опыта, написанныя по тому-же поводу: „Наставленія Екатерины II, данныя Великимъ Княгинямъ Россійскимъ". Здѣсь она касается какъ отношеній своей невѣстки къ царскому семейству, двору, къ публикѣ и націи, къ представителямъ иностранныхъ державъ, такъ и занятій и даже домоводства принцессы. Между прочимъ Государыня ставитъ ей въ обязанность чтить націю, къ которой она будетъ принадлежать, никогда не говорить о ней худо, какъ въ цѣлости, такъ и по отношенію къ отдѣльнымъ лицамъ; далѣе: „соображаться съ обычаями націи и имѣть рѣшительную охоту говорить на языкѣ этой обширной монархіи, что̀ должно составлять для принцессы предметъ изученія, и съ самой минуты прибытія своего въ Петербургъ она непременно должна учиться говорить по-русски".

Далѣе слѣдуютъ совѣты о занятіяхъ принцессы: „Чтеніе образуетъ вкусъ, сердце и умъ; если принцесса съумѣетъ найти въ немъ интересъ, то это будетъ, конечно, всего лучше, но она можетъ попеременно заниматься также музыкой или всякаго рода рукодѣліями: разнообразя свой досугъ, она никогда не будетъ чувствовать пустоты въ теченіе дня..." **)

---

*) «Сборн. Русск. Ист. Общ.», XIII.
**) Тамъ-же.

Во всемъ этомъ такъ и слышатся воспоминанія Екатерины о томъ, какъ сама она нѣкогда проводила дни своей молодости при дворѣ Елизаветы Петровны. Но у нея не было тогда разумнаго и просвѣщеннаго руководителя, который съ такою нѣжною заботливостью начерталъ бы правила поведенія чужеземной принцессы! *)

*) Гротъ.

VI.

Когда принцесса Софія окончательно поправилась послѣ болѣзни, предстояло оформить вопросъ о предстоящемъ ея бракосочетаніи съ великимъ княземъ. Но передъ этимъ еще слѣдовало разрѣшить другой вопросъ, весьма сложный, — о перемѣнѣ вѣроисповѣданія, такъ какъ въ этомъ отношеніи предвидѣлось упорное сопротивленіе со стороны ея отца, а съ другой стороны невозможно было ожидать какихъ бы то ни было уступокъ со стороны Императрицы.

Мы уже имѣли случай говорить, что пять мѣсяцевъ тому назадъ, при отъѣздѣ изъ Цербста, родители принцессы Софіи лелѣяли себя надеждою, что ихъ дочери будетъ предоставленъ въ Россіи свободный выборъ вѣроисповѣданія. Вопросъ этотъ особенно смущалъ Христіана-Августа, который, по выраженію Фридриха II-го былъ „лютераниномъ, какъ въ эпоху Реформаціи“ (Luthérien, comme on l'était du temps de la Réforme) и доходилъ въ привязанности къ своей религіи чуть не до фанатизма. Іоганна-Елизавета относилась къ этому вопросу менѣе строго; для нея на первомъ планѣ стояло величіе дочери, ради котораго она была готова пожертвовать всѣмъ на свѣтѣ. Тѣмъ не менѣе, если вѣрить

словамъ княгини, она еще до послѣдней минуты надѣялась, что дѣло устроится какъ предполагала.

Что касается самой принцессы Софіи, то она на столько была основательно воспитана въ лютеранской вѣрѣ, что отецъ ей вполнѣ довѣрялъ и предоставлялъ самостоятельно разрѣшить этотъ трудный вопросъ. Молодая дѣвушка повидимому нелегко могла примириться съ мыслью о перемѣнѣ вѣроисповѣданія. Мардефельдъ, еще въ февралѣ, писалъ своему Государю: „Одно обстоятельство меня чрезвычайно затрудняетъ, это то, что мать (Іоганна-Елизавета) сомнѣвается, или дѣлаетъ видъ, что сомнѣвается въ томъ, чтобы молодая красавица могла рѣшиться принять греческую вѣру“. Вслѣдствіе этого заявленія, король написалъ княгинѣ-матери: „Мнѣ остается только просить васъ побѣдить отвращеніе вашей дочери къ греческой вѣрѣ, послѣ чего вы увѣнчаете ваше дѣло“. (Il ne me reste, Madame, que de vous prier de vaincre la répugnance de votre fille pour la réligion grecque, après quoi vous aurez couronné votre oeuvre.) Если у Іоганны-Елизаветы были еще какія-либо сомнѣнія, то вскорѣ они должны были совершенно разрушиться.

Въ первыхъ числахъ марта, Елизавета Петровна высказала принцессѣ-матери намѣренія свои относительно молодыхъ людей, причемъ безповоротно рѣшила, что перемѣна исповѣданія неизбѣжна. Когда принцесса сослалась на примѣръ супруги цесаревича Алексѣя Петровича, то Императрица выяснила ей, что въ данномъ случаѣ обстоятельства совершенно другія, потому что, во-первыхъ, Алексѣй Петровичъ никогда не былъ объявленъ наслѣдникомъ, а во-вторыхъ, его супруга обязалась перейти въ православіе лишь только у нея будетъ сынъ. Затѣмъ Императрица убѣждала княгиню въ томъ, что различіе между православнымъ и лютеран-

скимъ исповѣданіемъ совсѣмъ не такъ велико, въ чемъ она сама можетъ убѣдиться, если переговоритъ съ тѣмъ архимандритомъ, котораго она къ ней пришлетъ *).

Нѣсколько дней спустя послѣ этого разговора, Іоганна-Елизавета пишетъ своему мужу: „Я восемь дней не рѣшалась съ нимъ (съ архимандритомъ) бесѣдовать, но теперь могу поклясться въ томъ, что дѣйствительно не нахожу заблужденія въ его исповѣданіи: Я прошла съ нимъ всѣ статьи (articles) равно, какъ и лютеранскій катехизисъ: перемѣнены одни только слова“.

Какъ бы въ подтвержденіе этого письма, принцесса Софія, съ своей стороны, сообщаетъ свои взгляды на религію, выработанныя несомнѣнно подъ вліяніемъ наставленій просвященнаго Теодорскаго. Она пишетъ отцу: „Совершенно согласно тому, что милая матушка сообщила вашей свѣтлости, я надѣюсь скоро представить вамъ на бумагѣ доказательства всеобщаго заблужденія, господствующаго касательно главной статьи, которой мы всѣ такъ неосновательно опасались. Самъ Гейнекцій сообщаетъ только ложь. Внѣшніе обряды очень различны, но Церковь видитъ себя вынужденною къ тому во вниманіе къ грубости народа.

„Надѣюсь, что я нисколько не дѣйствовала поспѣшно, тѣмъ болѣе, что послѣ основныхъ началъ нашего исповѣданія я въ точности сообразовалась съ наставленіями вашей свѣтлости. Это послушаніе и почтеніе къ вашей особѣ будутъ всегда моею главною точкою зрѣнія“ *) и. т. д.

Нѣсколько времени спустя, принцесса уже окончательно проявляетъ свою волю, съ рѣшимостью, достойною удивленія въ четырнадцатилѣтней дѣвочкѣ. Она опять пишетъ отцу: „Такъ какъ я не нахожу почти

*) Siebigk.

**) Сборн. Русск. Ист. Общ., VII. 3.

никакой разницы между вѣрами греческою и лютеранскою, то рѣшилась, послѣ того какъ вникнула въ милостивыя наставленія вашей свѣтлости, перемѣнить (исповѣданіе) и пришлю къ вамъ въ первый день мой символъ вѣры. Льщу себя надеждою, что ваша свѣтлость будете тѣмъ довольны“ *) и. т. д.

Къ убѣжденіямъ жены и дочери присоединяются убѣжденія короля Прусскаго. Фридрихъ II говоритъ, что ему много труда стоило разсѣять сомнѣнія упрямаго фельдмаршала; на всѣ его доводы онъ отвѣчалъ только словами: „моя дочь не будетъ православною“. Тѣмъ не менѣе, при посредствѣ нѣкоторыхъ пасторовъ, королю удалось убѣдить князя, что религіи православная и лютеранская совершенно тождественны, и съ этихъ поръ князь постоянно повторялъ: „лютеранинъ— православный, православный — лютеранинъ, это все одно и то же“! Христіанъ-Августъ почти успокаивается на счетъ спасенія души любимой дочери; онъ старается убѣдить себя, что Богъ — одинъ, какъ у тѣхъ, такъ и у другихъ, что догматы схожи, но что только внѣшняя, обрядовая форма различествуетъ; наконецъ онъ сознается, что церковь православная была первая и притомъ чистая апостольская. Но, вслѣдъ за этимъ, въ немъ снова зарождается борьба: онъ сомнѣвается, боится; почтенный солдатъ-теологъ утро и вечеръ возноситъ горячія молитвы къ небу и проситъ Всевышняго освѣтить разумъ и совѣсть его дочери. Онъ пишетъ письма, въ которыхъ предоставляетъ разрѣшеніе вопроса дочери, но въ то же время посылаетъ ей цѣлую кипу книгъ духовнаго содержанія; женѣ поручаетъ прочитать извѣстныя мѣста изъ книги Арндта („Wahres Christenthum“), и наконецъ готовъ былъ бы завалить архимандрита и весъ дворъ богословскими фоліантами.

*) Тамъ-же. — 4.

Наконецъ совѣты, убѣжденія и настоянія со всѣхъ сторонъ достигли того, что Христіанъ-Августъ прислалъ, на имя жены, согласіе на принятіе дочерью православнаго исповѣданія, но условное. „Я полагаюсь на то,— писалъ онъ,— что не будетъ отреченія, а лишь исповѣданіе, въ уваженіе чего даю мое родительское благословленіе и согласіе“.

Повидимому дѣло было улажено, и Іоганна-Елизавета могла свободно вздохнуть послѣ того, что прошелъ ураганъ *); оставалось еще приготовить мужа къ близкой перемѣнѣ его дочерью имени. Она и тутъ истолковываетъ незнакомый ему обычай чрезвычайно своеобразно: „Не удивляйся — пишетъ она, — если ты прочитаешь въ газетахъ, что она (дочь) перекрещена подъ именемъ Екатерины Алексѣевны. Простонародіе за-границею ошибочно воображаетъ, что мѵропомазаніе есть крещеніе; эта церемонія продѣлывается даже надъ тѣми, которые родились въ греческой вѣрѣ; это то, что мы называемъ конфирмаціею. Чтобы закрѣпить эту конфирмацію, обыкновенно даютъ новое имя. Такъ что она будетъ называться Екатериною. Что же до „Алексѣевны“, то, по обычаю страны, это должно обозначать дочь Августа, потому что имя Августъ не можетъ быть здѣсь иначе переведено какъ Алексѣй“. Добродушный князь Христіанъ не могъ не согласиться съ этими доводами жены.

Итакъ всѣ препятствія были обойдены; оставалось только назначить день перехода невѣсты въ православіе, а затѣмъ обрученія. О бракосочетаніи пока не могло быть рѣчи, потому что, помимо слишкомъ большой молодости жениха и невѣсты (первому было шест-

*) Передъ обрученіемъ Іоганна-Елизавета писала своей теткѣ по поводу происходившихъ переговоровъ съ мужемъ: «Я не сомнѣвалась, что будетъ ураганъ» (Habe nicht an dem ouragent gezweiffelt). — Siebigk, 64.

надцать лѣтъ, а второй пятнадцать), сложеніе Петра Ѳедоровича далеко еще не достигло развитія. Незадолго до пріѣзда принцессы Софіи, онъ поправился отъ очень тяжелой болѣзни, слѣдствіемъ которой организмъ его, по увѣренію докторовъ Бёрхаве и Санхеца, далеко еще не окрѣпъ, и, прежде чѣмъ вступать въ бракъ, ему надлежало возстановить силы по крайней мѣрѣ въ продолженіе двухъ лѣтъ. Въ виду молодости жениха и невѣсты, съ столь долгой отсрочкой помириться можно было, но за то заключеніе врачей было тяжелымъ ударомъ для Христіана-Августа, такъ какъ должно было отложить возвращеніе Іоганны-Елизаветы въ Цербстъ на весьма продолжительное время, въ виду того, что Елизавета Петровна не могла допустить мысли, чтобы принцесса Софія, до брака, могла оставаться въ чьихъ либо рукахъ, кромѣ материнскихъ. Не смотря на самыя настоятельныя просьбы супруга вернуться, Іоганна-Елизавета должна была покориться требованію Императрицы и отказать князю Христіану въ скоромъ свиданіи.

Съ наступленіемъ весны, принцесса Софія, окончательно оправившаяся послѣ болѣзни, начала опять принимать участіе во всѣхъ оффиціальныхъ выходахъ, на балахъ, маскарадахъ, въ прогулкахъ и кавалькадахъ. Но, рядомъ съ этимъ, она усердно продолжала занятія русскимъ языкомъ и по закону Божьему. По повелѣнію Императрицы, княгиня-мать тоже должна была учиться по-русски; но языкъ нашъ давался ей туго; гораздо большіе успѣхи выказывала она въ верховой ѣздѣ. Послѣ одной изъ охотъ, Елизавета Петровна, страстная любительница верховой ѣзды, въ знакъ своего удовольствія, подарила даже Іоганнѣ-Елизаветѣ прекрасное платье. Принцесса Софія, казалось, выказывала вначалѣ мало расположенія къ подобнаго рода упражненіямъ.

Въ серединѣ іюня, Императрица предприняла богомолье къ Св. Троицѣ, въ сопровожденіи великаго князя и принцессъ. Отсутствіе ея изъ Москвы продолжалось двѣ недѣли, и 24-го дворъ опять вернулся въ Москву. Здѣсь царскую семью встрѣтилъ курьеръ, только что прибывшій изъ Цербста, который передалъ Императрицѣ согласіе Христіана-Августа на переходъ его дочери въ православіе и родительское благословеніе на ея бракъ. Легко себѣ представить, съ какою радостью приняли это извѣстіе принцессы, съ какимъ интересомъ онѣ распрашивали курьера, маіора Веселовскаго, о всѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ, касающихся князя Цербстскаго и ихъ родины; все, начиная съ членовъ семьи и кончая урожаемъ тюльпановъ въ саду, ихъ занимало и мысленно переносило въ скромный, но родной Цербстъ. Не менѣе удовольствія выказала и Императрица при полученіи оффиціальнаго документа. Великій князь, съ своей стороны, выказалъ по этому поводу истинно дѣтскую радость: „Онъ былъ такъ тронутъ — пишетъ принцесса Іоганна — твоимъ писаніемъ, что въ нетерпѣніи его прочитать вырывалъ изъ рукъ и тысячу разъ цѣловалъ*)“.

Послѣ того какъ курьеръ привезъ согласіе князя Цербстскаго, отецъ Теодорскій получилъ приказаніе Императрицы объяснить принцессѣ Софіи православные догматы. Вслѣдствіе этого онъ приходилъ бесѣдовать съ нею по два часа въ день. Чѣмъ далѣе занимались они, тѣмъ болѣе ученица оставалась довольна преподаваемыми ей свѣденіями. Наконецъ мѵропомазаніе было назначено на 28-е число, а на слѣдующій день — обрученіе. Дальнѣйшія подробности предоставимъ разсказывать самой княгинѣ-матери; опустимъ только по-

*) Siebigk, 68.

дробности касательно церемоніала*). Она пишетъ: „Уроки удвоились, и два послѣдніе дня дочь моя не появлялась въ свѣтъ. Весь послѣдній день она постничила, т. е. ѣла рыбу, приготовленную на постномъ маслѣ... Въ этотъ день, постоянно занятая религіозными мыслями, въ созерцаніи и молитвахъ, она казалась мнѣ нѣсколько растроганною. Я наблюдала ее такъ внимательно, что ни одинъ вздохъ, ни одна слеза не могли отъ меня ускользнуть. Я выспрашивала ее, и она меня увѣрила — это я и сама видѣла — что была встревожена только дѣйствительнымъ созерцаніемъ вѣры. Всю ночь она спала очень хорошо — вѣрный признакъ ея душевнаго спокойствія.

„9-го (28-го) числа, въ восемь часовъ утра, Ея Императорское Величество приказала сказать, что она встала, а потому я благословила дочь и сдала ее на руки женѣ генерала Румянцева, которая отвела ее, совсѣмъ еще одѣтою за-просто по утреннему, какъ она была, къ Ея Императорскому Величеству. Государыня, едва только она пришла къ ней, прислала мнѣ сказать, чтобы я приходила туда, какъ только буду готова. По приходѣ, я нашла Ея Императорское Величество чрезвычайно растроганною... Вотъ какъ происходило одѣваніе ихъ обѣихъ. Ея Императорское Величество приказала ей сдѣлать платье adrienne во всемъ одинаковое съ тѣмъ, которое было на ней самой въ этотъ день, изъ алаго гро-де-тура, выложенное по всѣмъ швамъ по рисунку серебрянымъ позументомъ. На головѣ безъ всякаго убора была бѣлая лента; волосы безъ пудры; не было притомъ никакихъ драгоцѣнностей, кромѣ большихъ серегъ и банта, подаренныхъ ей Ея Императорскимъ Величествомъ во время болѣзни. Она

*) Сборн. Русск. Ист. Общ. VII. 30—36.

была нѣсколько блѣдна; благородный нарядъ возвышалъ ея обычную бѣлизну, и, могу сказать, она мнѣ казалась прекрасною.

„Когда гофмаршалъ извѣстилъ, что сенатъ, синодъ, офицеры гвардіи и знатнѣйшіе сановники собрались, то отправились къ дворцовой церкви... По прибытіи въ церковь, мы нашли тамъ синодъ, съ архіепископами во главѣ, стоявшими полукругомъ, посреди котораго стоялъ архіепископъ новгородскій. Ея Императорское Величество помѣстилась на коврѣ, именно позади мѣста, гдѣ была бархатная подушка, на которой должна была быть колѣнопреклоненною дочь моя. Великій князь и я стояли за Государынею; прочіе расположились кто какъ могъ.

„Войдя, Ея Императорское Величество была такъ растрогана, что принуждена была пройти на длинное возвышеніе, смежное съ церковью, гдѣ обыкновенно бываетъ, чтобы оправляться. Скоро она возвратилась, и тогда дочь моя стала на колѣни на бархатной подушкѣ, и священнодѣйствующій архіепископъ благословилъ ее. Потомъ она поднялась, и отецъ Теодорскій, приблизясь, подалъ архіепископу символъ вѣры. Тогда этотъ, поклонившись передъ Ея Величествомъ, раскрылъ его, и дочь моя яснымъ и твердымъ голосомъ и съ произношеніемъ, удивившимъ всѣхъ присутствующихъ, прочла всѣ члены, не опустивъ ни одного слога. Я уже заранѣе была такъ сильно растрогана, что она еще не произнесла перваго слова, какъ я утопала въ слезахъ. У Ея Императорскаго Величества лицо было закрыто отъ всѣхъ глазъ. Всѣ бывшіе тутъ молились съ нами за благополучіе моей дочери; старики рыдали; у всѣхъ присутствовавшихъ молодыхъ людей на глазахъ были слезы... Однако она произнесла символъ вѣры и отвѣчала на касающіеся этого предмета вопросы съ увѣ-

ренностью и твердостью. Поступки ея съ той поры какъ она вошла въ церковь и въ продолженіе всего обряда, были проникнуты такимъ благородствомъ и граціею, что я восхищалась бы ею, когда бы она не была для меня тѣмъ, чѣмъ она есть*).

„По окончаніи произнесенія исповѣданія, приблизилась кавалерственная дама, ведя подъ руку игуменью которая должна была представлять свидѣтельницу при мѵропомазаніи, по обычаю греческой церкви. Ея Императорское Величество выбрала эту особу потому, что она считается святою у русскихъ... Ея Величество, не желая выбрать изъ знатныхъ, во избѣжаніе зависти, рѣшилась на вышеупомянутый способъ.

„Игуменья помѣстилась по лѣвую сторону моей дочери, и тогда служившіе діаконы подали архіепископу хлопчатую бумагу, мѵро и соль... По окончаніи мѵропомазанія, архіепископъ произноситъ нѣсколько молитвъ и даетъ благословеніе, послѣ чего она поцѣловала руку у архіепископа, и вслѣдъ за тѣмъ мы пошли за Ея Величествомъ на то длинное возвышеніе, о которомъ я говорила. Тамъ мы оставались во время службы, по окончаніи которой, Ея Императорское Величество, взявъ за руку мою дочь, поставила ее въ церкви противъ алтаря и сама помѣстилась по лѣвую ея сторону. Послѣ благословенія, Ея Величество приблизила ее къ ковру, на которомъ совершается причащеніе. Она помогала ей подниматься при всѣхъ колѣнопреклоненіяхъ, требуемыхъ уставомъ греческой вѣры. Его преподобіе отецъ Теодорскій причастилъ ее. Когда были пропѣты цер-

*) Въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» 1744 года, стр. 438, между прочимъ, было сообщено объ этомъ обрядѣ: «Невозможно описать, коликое съ благочиніемъ соединенное усердіе сія достойнѣйшая принцесса при помянутомъ торжественномъ дѣйствіи оказывала, такъ-что Ея Императорское Величество сама и большая часть бывшихъ притомъ знатныхъ особъ отъ радости не могли слезъ удержаться». — С. Р. И. О. — 34.

ковные стихи, служба кончилась и произнесена была эктенія за Екатерину Алексѣевну, которая еще только называлась благовѣрною, Ея Императорское Величество отправилась въ свои покои въ томъ порядкѣ, въ которомъ мы пришли. Она подарила ей брилліантовую запонку и ожерелье цѣною въ 150,000 рублей. Потомъ мы перешли на свою половину, гдѣ принимали обычныя поздравленія, и въ первый разъ дамы цѣловали у насъ руки...“

На другой день, 29-го іюня, въ день имянинъ великаго князя, послѣдовало обрученіе его съ Екатериною Алексѣевною, которой былъ присвоенъ титулъ Великой Княжны. На этотъ разъ, не смотря на торжественность церемоніи, счастіе Іоганны-Елизаветы было нѣсколько отравлено ея недоброжелателями. Императрица имѣла намѣреніе посадить во время торжественнаго обѣда на тронѣ, вмѣстѣ съ собою и молодою четою, и принцессу-мать: „Но—говоритъ послѣдняя—заклятый врагъ, котораго мы имѣемъ въ ея совѣтѣ (вѣроятно Бестужевъ) привелъ въ движеніе столько пружинъ, что гг. посланники объявили, что они могутъ разсчитывать быть на праздникѣ и обѣдать съ Ея Императорскимъ Величествомъ на тронѣ въ шляпахъ, когда я тамъ буду; что они уступаютъ мѣсто только великому князю и его невѣстѣ, а въ отношеніи меня они считаютъ себя вправѣ быть впереди“*). Чтобы пресѣчь всякія пререканія, Императрица распорядилась никого не допускать къ царскому столу. Іоганнѣ-Елизаветѣ накрыли столъ отдѣльно въ „верху, въ тайникѣ“, окруживъ ее всевозможнымъ почетомъ, а посланникамъ—отдѣльно въ одномъ изъ покоевъ дворца, — „вотъ и все, чего они добились отъ своей невѣжливости“ — добавляетъ прин-

*) «Сборн. Русск. Ист. Общ.», т. VII.

цесса. День закончился блистательнымъ баломъ и иллюминаціею Москвы, а на слѣдующій—начались обычныя придворныя поздравленія. По случаю совершившагося обрученія, Екатерина Алексѣевна получила отъ короля Фридрихъ II-го письмо, въ которомъ онъ выражалъ радость по поводу того, что „ему удалось доставить Императрицѣ Всероссійской, его дорогой союзницѣ, принцессу съ такими качествами, чтобы раздѣлить брачное ложе великаго князя (pour compagne de couche du grand-duc)“ *).

Такъ совершился обрядъ, связавшій судьбу принцессы Ангальтъ-Цербстской съ Петромъ Ѳедоровичемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ Россію съ будущею Екатериною Великою.

Поведеніе великой княжны съ самаго момента появленія ея при русскомъ дворѣ продолжало составлять удивленіе и восхищеніе всего двора. Строго слѣдуя наставленіямъ отца, она никогда не позволяла себѣ вмѣшиваться не только въ государственныя дѣла, но вообще въ дѣла, прямо ея не касающіяся; она, не смотря на свою молодость, уже съ самаго начала отлично поняла свое положеніе, и характеръ ея вырабатывался съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе. Сразу понявъ нравъ своего жениха, она держалась относительно его крайне сдержанно, равно какъ и относительно Елизаветы Петровны. Усвоивъ себѣ всѣ ея недостатки и отдавая справедливость ея качествамъ, она такъ овладѣла ея довѣріемъ и любовью, что подчасъ императрица отягощала ее нѣжностями. Публика радовалась, видя въ лицѣ Екатерины дѣйствительно благочестивѣйшую великую княжну — съ такимъ знаніемъ и увѣренностью она выполняла всѣ требованія и обряды церковныя. Относительно отца Екатерина опять является нѣжно-

*) Siebigk. Rambeaud.

любящею дочерью и вмѣстѣ съ тѣмъ полною достоинства русскою великою княжною. Сообщая о переходѣ своемъ въ православіе и объ обрученіи, она пишетъ отцу*):

„Свѣтлѣйшій князь, высокоуважаемый родитель. Послѣ принесенія прежде всего искренняго благодаренія Всевысочайшему Существу, какъ источнику всякаго блага, за достиженіе мною, по материнскому соизволенію Ея Величества, моей всемилостивѣйшей Императрицы, настоящаго моего достоинства, я считаю моею дочернею обязанностью извѣстить вашу свѣтлость, что 28-го прошедшаго іюня, вслѣдствіе даннаго мнѣ вами отеческаго благословенія, я приняла восточную вѣру, основанную на греко-русскомъ исповѣданіи, а на другой день была обручена съ его Императорскимъ Высочествомъ Великимъ Княземъ и Наслѣдникомъ всея Россіи.

„Но такъ какъ никакое состояніе не можетъ перемѣнить во мнѣ моихъ почтительныхъ чувствъ, которыми обязана къ вашей свѣтлости, то питаю я твердую увѣренность, что вы удостоите продолжать ко мнѣ вашу отеческую любовь, а также не оставлять вашимъ неизмѣннымъ благословеніемъ. Впрочемъ имѣю честь называться и быть вашей свѣтлости, моего родителя, покорнѣйшею услужницею и дочерью

Екатерина, Великая Княгиня“.

Москва, 26-го іюля 1744 года.

Рѣзкій контрастъ поведенію и такту Екатерины представляла ея мать. Не смотря на точные совѣты Христіана-Августа, она не могла воздержаться, чтобы не принять участіе въ придворныхъ и политическихъ интригахъ и партіяхъ. Думая оказать услугу королю Фридриху, она старалась доставить прусской политикѣ перевѣсъ при русскомъ дворѣ. Враги принцессы Цербст-

*) Сборн. Русск. Историч. Общ., VII. — 6—7.

ской въ насмѣшку дали ей прозвище: „королева-мать“. Но въ то время какъ она старалась дебютировать на политической аренѣ, ей пришлось защищаться противъ навязчивости своихъ нѣмецкихъ родственниковъ и друзей. Одни выпрашивали пенсію, другіе — должности при русскомъ дворѣ, нѣкоторые — ордена или просто деньги. Всюду — протянутыя руки, раскрытые клювы, какъ въ птичьемъ гнѣздѣ. Княгиня не знаетъ, какъ отъ нихъ отдѣлаться, и проситъ наконецъ своего мужа заставить молчать всю эту ораву. „Что-же они думаютъ — восклицаетъ она, — что здѣсь золото и серебро сыплются съ неба“?*)

Вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы упрочить свое положеніе при дворѣ, она сама домогается удалить Бестужева. Для этого она примыкаетъ къ довольно сильной партіи, во главѣ которой считался маркизъ Шетарди. Но дѣло это вскорѣ было проиграно самымъ постыднымъ образомъ для ея членовъ, ради ихъ же неосторожности. Екатерина видѣла слабость матери, и если она на нее не жаловалась въ своихъ запискахъ, то это можно скорѣе приписать ея врожденному чувству уваженія къ родителямъ, чѣмъ равнодушію. Навѣрное можно сказать, что въ молодой душѣ ея таилась сдержанная досада; оно иначе и не могло быть, потому что, съ нѣкотораго времени, она должна была замѣтить, что Императрица холодно обращается съ ея матерью. Она сама описываетъ одинъ эпизодъ, который, незадолго до обрученія, произвелъ на нее довольно сильное и вмѣстѣ съ тѣмъ непріятное впечатлѣніе.

Однажды у Троицы, послѣ обѣда, когда великій князь пришелъ въ комнаты принцессъ, Императрица также вошла къ нимъ и вызвала принцессу-мать въ другую комнату, куда за ними пошелъ и Лестокъ. Ве-

---

*) Siebigk, 77.

ликій князь и молодая княжна усѣлись на окнѣ въ ожиданіи возвращенія старшихъ. Ждали очень долго; наконецъ является Лестокъ, подходитъ къ великому князю и княжнѣ, которые чему-то смѣялись, и говоритъ: „Ваше веселье сейчасъ прекратится"; потомъ, обратившись къ великой княжнѣ, сказалъ: „Укладывайте ваши вещи, вы немедленно отправитесь во-свояси". — „Отчего это"? — спросилъ великій князь. — „Узнаете послѣ", отвѣчалъ Лестокъ и вышелъ. Потомъ вошла Императрица съ разсерженнымъ лицомъ, вся красная; за нею шла принцесса, съ красными заплаканными глазами. Когда, при ихъ входѣ, великій князь и молодая княжна спѣшили слѣзть съ высокаго окна, Императрица разсмѣялась, поцѣловала ихъ обоихъ и ушла *).

Въ связи съ этою сценою, была другая. 6-го іюня, рано утромъ, въ половинѣ шестаго часа, на квартиру маркиза Шетарди явились генералъ Ушаковъ, князь Голицынъ, два чиновника и секретарь иностранной коллегіи. Шетарди, разстроенный, вышелъ къ нимъ въ парикѣ и въ полушлафрокѣ, и Ушаковъ объявилъ ему, что присланъ по указу Ея Императорскаго Величества для нѣкотораго объявленія. Это объявленіе было прочитано секретаремъ и заключалось въ томъ, что Шетарди предписывалось выѣхать изъ Москвы въ 24 часа. Причиною было то, что депеши и переписка Шетарди подверглись перлюстраціи, изъ которой было обнаружено его недоброжелательство въ отношеніи Россіи, двора и особенно Императрицы и канцлера. Бестужевъ торжествовалъ, королева-мать была скомпрометирована и ей даже было сдѣлано Императрицею внушеніе не вмѣшиваться не въ свои дѣла.

Естественно, что Екатерина держалась совершенно

*) Соловьевъ, т. XXI. Mémoires, 15.

въ сторонѣ отъ этихъ интригъ: она вовсе не торопилась доказывать благодарность королю Прусскому, а съ французскимъ посланникомъ была всегда сдержанна и даже до нѣкоторой степени высокомѣрна. Однажды, на балу, онъ началъ говорить ей любезности по поводу ее прически, вѣроятно съ цѣлью имѣть предлогъ для разговора. „Я буду чесаться только такъ, какъ будетъ нравиться Императрицѣ“, — отвѣтила Екатерина. — „Когда онъ услышалъ мой отвѣтъ, — замѣчаетъ она въ запискахъ, — онъ отъ меня отскочилъ и больше ко мнѣ не обращался“ *). Это было счастіемъ для Екатерины. Одно время думали, что ей ничего болѣе не оставалось дѣлать, какъ, по выраженію Лестока, „отправляться восвояси“; но неудовольствіе, обрушившееся на мать, не касалось дочери; напротивъ того, Елизавета Петровна постоянно выказывала ей свое благоволеніе.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ Императрица назначила великой княжнѣ придворный штатъ. Штатъ этотъ составляли три камергера: Семенъ Кирилловичъ Нарышкинъ, графъ Гейнриковъ и графъ Яфимовскій; три камеръ-юнкера: графъ Захаръ Чернышевъ, сынъ канцлера графа Бестужева и офицеръ гвардіи, встрѣчавшій путешественницъ въ Ригѣ; на должность гофмаршала еще назначенія не послѣдовало. По поводу этихъ назначеній княгиня-мать пишетъ: „Мнѣ не нравится то, что все это одни только молодые люди“. Оберъ-гофмейстериною была графиня Румянцева — „женщина самая расточительная во всей Россіи“, какъ ее называла Екатерина. Годовое содержаніе тоже не было еще опредѣлено; Елизавета Петровна назначила великой княгинѣ только 30,000 рублей на карточные расходы. Сумма эта была весьма значительна, потому что, въ то время, высокая игра еще не допускалась при дворѣ.

*) Mémoires, 17.

VII.

Въ концѣ іюля, Императрица предприняла богомолье въ Кіевъ вмѣстѣ съ великимъ княземъ, княжною, ея матерью и довольно многочисленною свитою. Путешествіе это, въ знойное лѣтнее время, представляло мало пріятнаго; къ отсутствію хорошихъ дорогъ и помѣщеній присоединялись всевозможныя мелкія обстоятельства, которыя причиняли разладъ, а подчасъ даже и ссору между членами общества. Не станемъ перечислять составъ обоихъ поѣздовъ царскаго и великокняжескаго, подъ которые потребно было имѣть на станціяхъ до 1600 лошадей; скажемъ только, что составъ общества Екатерины былъ совершенно неподходящій для молодой, бойкой и веселой княжны. Она была обречена тащиться, въ жару и въ пыли, въ душной каретѣ, вмѣстѣ съ матерью, графинею Румянцевою и еще одною почтенною, но скучною старушкою, состоявшею при принцессѣ Іоганнѣ. Составъ слѣдующей кареты былъ не болѣе оживленъ; тамъ великій князь зѣвалъ и скучалъ въ обществѣ Брюммера, Берхгольца и Декена. Перспектива продолжать подобнымъ способомъ путь до Кіева не особенно улыбалась молодежи. Они скоро придумали другой способъ, который, правда, устраивалъ ихъ, но за то возбудилъ полное неудоволь-

ствіе ихъ почтенныхъ наставниковъ. Великій князь приказалъ въ одномъ изъ экипажей, предназначенномъ для возки постелей, устроить кругомъ сидѣнья, а затѣмъ перешелъ туда самъ съ невѣстою и ея матерью и пригласилъ изъ своей свиты только одну молодежь. Общество раздѣлилось; половина веселилась и смѣялась всю дорогу подъ разсказы князя Голицына и графа Чернышева, другая половина скучала и ворчала.

Черезъ три недѣли, поѣздъ великаго князя прибылъ въ Козелецъ, гдѣ остановился, чтобы дождаться пріѣзда Императрицы, которая выѣхала изъ Москвы нѣсколькими днями позже.

Въ Козельцѣ пробыли всю первую половину августа. Образъ жизни вели невеселый; изо дня въ день одно и то-же: утромъ — прогулки или охота, вечеромъ — игра въ фараонъ. Расположеніе путешественниковъ, по недостатку мѣста было чрезвычайно стѣснено. Екатерина Алексѣевна имѣла двѣ комнаты, общія съ матерью и графинею Румянцевою. Къ скукѣ образа жизни присоединялись еще разныя домашнія мелочныя непріятности, которыя ставили въ натянутыя отношенія сожительницъ и портили настроеніе духа. Между великимъ княземъ и принцессою-матерью часто происходили несогласія, и послѣдняя вела себя довольно заносчиво даже относительно дочери. Положеніе Екатерины было щекотливо; она старалась угождать и успокаивать и мать, и жениха; но это удавалось ей только на короткое время. Къ неуживчивости Іоганны-Елизаветы присоединялись еще постоянныя хлопоты о дѣлахъ голштинскихъ, о которыхъ она вела оживленную переписку съ вице-канцлеромъ графомъ М. Л. Воронцовымъ *) и опасенія за то, чтобы Бестужеву не удалось

*) См. «Архивъ князя Воронцова», т. I. 1870 г.

разстроить свадьбу дочери *). Все это ее раздражало, и она не умѣла себя сдерживать. Екатерина ждала съ нетерпѣніемъ отъѣзда въ Кіевъ.

29-го августа Императрица и весь дворъ прибыли въ Кіевъ. Десятидневное пребываніе здѣсь двора не ознаменовалось никакими особенными событіями, носило характеръ совершенно оффиціальный и было заполнено богомольемъ, пріемами посланниковъ, депутацій и церемоніальными выходами. 8-го сентября царскій поѣздъ оставилъ Кіевъ и тронулся въ Москву.

По дорогѣ въ Москву, Екатерина изъ Глухова пишетъ письмо къ Елизаветѣ Петровнѣ съ извиненіемъ въ забывчивости передать ей благодарность принцессы Готской за пожалованіе ей ордена св. Екатерины. Приводимъ его цѣликомъ, въ переводѣ, какъ образецъ сношеній великой княжны съ Императрицею и какъ первое письмо ея на русскомъ языкѣ, вызвавшее удовольствіе и одобреніе Елизаветы Петровны. Екатерина писала $^{12}/_{13}$ сентября 1744 года.

„Всемилостивѣйшая Государыня! Сдѣланная мною ошибка, въ которой почтительнѣйше прошу прощенія у Вашего Императорскаго Величества, доставляетъ мнѣ счастіе увѣдомить о нашемъ благополучномъ путешествіи и совершенномъ здоровьѣ, которымъ до сихъ поръ пользуется Его Императорское Высочество, Государь Великій Князь. Ошибка эта заключается въ томъ, что тетка моя, находящаяся въ замужествѣ за принцемъ Готскимъ, спѣшила передать мнѣ письмо съ выраженіемъ своей признательности Вашему Императорскому Величеству за орденъ св. Екатерины, который вы соизволили ей пожаловать. Моя матушка отдала мнѣ это письмо въ день отъѣзда нашего изъ Кіева, и поспѣшность, съ

*) См. Siebigk (переписка Іоганны-Елизаветы съ Христ.-Авг.).

какою разстались мы съ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ, лишила меня досуга передать вамъ письмо.

„Великій князь и моя матушка преклоняются къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества. Мы живемъ только въ половину до приближенія къ Вашему Императорскому Величеству. Предавая себя покровительству Вашему, я дышу только для свидѣтельства о невыразимомъ почтеніи, съ которымъ есть, Всемилостивѣйшая Государыня, Вашего Императорскаго Величества всепочтительнѣйшая и всепокорнѣйшая*)

„Екатерина".

Въ Москвѣ вся осень прошла въ театральныхъ представленіяхъ, балахъ и маскарадахъ при дворѣ. Но это не могло способствовать развлеченію Екатерины. Жизнь слагалась для нея какъ-то непривѣтливо. Мать ея, дискредитировавъ себя въ дѣлѣ Шетарди и многими другими неловкостями, много потеряла во мнѣніи Императрицы, которую, прославляя въ письмахъ, она въ душѣ боялась и по мѣрѣ возможности избѣгала. Отсюда естественно она была дурно настроена, и нерасположеніе ея духа обрушивалось на ея дочь. Изъ за путешествія въ Кіевъ, во время котораго великая княжна составила себѣ особое общество, исключивъ тѣхъ, которые, по положенію своему, имѣли болѣе правъ, чѣмъ молодежь, графиня Румянцева, Брюммеръ и другіе недовольные сплели цѣлую исторію и карету эту избрали себѣ орудіемъ мести. Но самою большою непріятностью для Екатерины было неудовольствіе противъ нея Императрицы за чрезмѣрные, якобы, расходы и долги. Однажды, сидя въ театрѣ, въ ложѣ противъ Императрицы, Екатерина замѣтила, что Елизавета Петровна что-то гово-

*) «Сборн. Русск. Ист. Общ.» VII. 67.

рила Лестоку и очевидно сердилась. Причина ея гнѣва скоро выяснилась. Лестокъ вошелъ въ ложу Екатерины и не замедлилъ разсказать ей содержаніе только что происходившаго разговора: „Императрица сердится, что у васъ много долговъ; она говоритъ, что когда сама была цесаревною, ея содержаніе не превышало вашего, а вмѣстѣ съ тѣмъ она съ нимъ обходилась, потому что знала, что никто не будетъ за нее платить“. Подобное заявленіе не могло не показаться оскорбительнымъ самолюбивой Екатеринѣ Алексѣевнѣ, тѣмъ болѣе, что она сознавала въ данномъ случаѣ свою невинность. Всѣ ея долги не превышали 2-хъ тысячъ рублей, и тѣ были вызваны независящими отъ нея обстоятельствами. Главный расходъ составлялъ туалетъ. Екатерина, по пріѣздѣ въ Петербургъ, имѣла самое ограниченное число платьевъ и бѣлья; эту дорогую статью она должна была пополнить изъ того немногаго, которое давала ей деньгами Елизавета Петровна. Кромѣ того приходилось дѣлать подарки; пріемы великаго князя обходились довольно дорого, и наконецъ расточительная графиня Румянцева, съ своей стороны, вовлекала ее въ довольно значительныя издержки. И такъ, сопоставляя одно съ другимъ, Екатерина, еще до брака, должна была придти къ сознанію, что, какъ ни величественно представлялось ей будущее, но много предвидѣлось впереди и терній.

Въ ноябрѣ Петръ Ѳедоровичъ заболѣлъ. Доктора признали его болѣзнь корью; поэтому предписали удалить Екатерину и прервать всякое сношеніе между ея дворомъ и больнымъ. Когда корь прошла и зима стала, великій князь съ невѣстою оставили Москву и поѣхали въ Петербургъ.

По дорогѣ въ Петербургъ, въ Хотиловѣ, великій князь опять заболѣлъ и на этотъ разъ серьезно. Появившіяся на всемъ тѣлѣ пятна ясно опредѣляли вѣтря-

ную оспу. Поэтому надлежало принять еще болѣе строгія мѣры, чтобы отдѣлить Екатерину отъ больнаго. Іоганна-Елизавета рѣшилась немедленно послать курьера въ Петербургъ, чтобы предупредить Императрицу о случившемся, а сама въ тотъ же день выѣхала съ дочерью. При великомъ князѣ остались Брюммеръ, графиня Румянцева и нѣкоторые другіе изъ свиты. Не доѣзжая Новгорода, великая княжна встрѣтила Императрицу, которая, получивъ извѣстіе о болѣзни великаго князя, тотчасъ поспѣшила ѣхать къ нему въ Хотилово. Въ Хотиловѣ, Елизавета Петровна оставалась при больномъ шесть недѣль и возвратилась съ нимъ въ Петербургъ 27-го января. Послѣдняя болѣзнь произвела въ Петрѣ Ѳедоровичѣ большую перемѣну: онъ очень выросъ, но оспа оставила сильные слѣды на лицѣ и даже нѣсколько измѣнила черты его.

По пріѣздѣ въ Петербургъ, Екатеринѣ Алексѣевнѣ были отведены, къ немалому ея удовольствію, отдѣльные покои. Въ нихъ она могла оставаться одна, не будучи никѣмъ стѣсненною, заниматься русскимъ языкомъ, чтеніемъ и игрою на фортепіано. Въ это время она вторично встрѣтилась съ графомъ Гюлленборгомъ, который привезъ въ Петербургъ извѣстіе о бракѣ ея дяди съ шведскою принцессою. Гюлленборгъ, помня впечатлѣніе, произведенное на него Екатериною въ Гамбургѣ, спросилъ великую княжну, какъ идетъ ея философія въ водоворотѣ новой жизни. Она разсказала ему о своихъ кабинетныхъ занятіяхъ. Гюлленборгъ предостерегъ Екатерину противъ окружавшихъ ее опасностей, посреди которыхъ, по его словамъ, могла устоять только необыкновенная натура, и посовѣтовалъ ей читать серьезныя книги, именно жизнеописанія знаменитыхъ людей — Плутарха, жизнь Цицерона, „Причины величія и паденія римской республики“ Монтескьё. Екатерина

тотчасъ послала за этими книгами, которыя и отыскались, хотя не безъ труда, въ тогдашнемъ Петербургѣ. Тогда же ею написана была для Гюлленборга записка подъ заглавіемъ: „Портретъ пятнадцатилѣтняго философа“. Къ сожалѣнію этотъ драгоцѣнный документъ не сохранился *). Впослѣдствіи, когда Екатеринѣ было уже около 30 лѣтъ отъ роду, она, перечитавъ свою записку, сама удивилась глубокому самопознанію, которое тутъ выразилось. По прочтеніи „Портрета“, Гюлленборгъ подробно развилъ на двѣнадцати страницахъ свои мысли о великой княжнѣ, стараясь укрѣпить ея возвышенный духъ, ея твердость и другія качества ума и сердца. Екатерина перечитала нѣсколько разъ его замѣчанія и дала себѣ слово слѣдовать его совѣтамъ; „а когда я себѣ что-нибудь обѣщала, — прибавляетъ она, — то не помню, чтобъ когда либо не исполнила того. Это разсужденіе Гюлленборга много способствовало къ образованію и укрѣпленію моего ума и духа“ **).

Вскорѣ по возвращеніи Императрицы въ Петербургъ, при дворѣ праздновали день рожденія Петра Ѳедоровича, которому минуло 17 лѣтъ. Великій князь, по невполнѣ окрѣпнувшему здоровью, не принималъ участія въ празднествахъ, и Екатерина была единственною представительницею, послѣ Императрицы, царскаго дома на всѣхъ выходахъ. Отношенія между нею и Елизаветою Петровною опять возстановились прекрасныя; послѣдняя старалась выказывать ей всевозможные знаки милости и

---

*) Подлинникъ былъ возвращенъ Гюлленборгомъ Екатеринѣ, которая сожгла эту бумагу. «Сняли-ли они себѣ копію съ нея,—говоритъ она,—я не знаю» («Mémoires», 30). Въ бытность академ. Я. К. Грота въ Швеціи, онъ справлялся о томъ, гдѣ находятся бумаги Гюлленборга, и узналъ, что онѣ переданы въ библіотеку упсальскаго университета; но тамъ никакого слѣда этого обмѣна мыслей Екатерины съ шведскимъ вельможей не оказалось.

**) «Memoires», 30.

вниманія, благодарила ее за письма, за успѣхи въ русскомъ языкѣ, лестно отзывалась насчетъ ея красивой наружности и выказала искреннее удовольствіе при полученіи ея портрета, только что написаннаго художникомъ Караваккомъ. Великій князь тоже старался быть любезнымъ къ Екатеринѣ и заходилъ къ ней, хотя не надолго, почти каждый вечеръ.

Совершенно въ другомъ положеніи были дѣла Іоганны-Елизаветы. Она уже много потеряла за послѣднее время, какъ мы видѣли, во мнѣніи дочери. Но, кромѣ того, въ это время Бестужевъ нашелъ возможнымъ оказать ей довольно злую услугу, а именно: пригласивъ въ Петербургъ ея брата Августа герцога Голштинскаго. „Королева-мать“ была въ отчаяніи. Братъ ея принадлежалъ къ категоріи такихъ личностей, которыхъ семья воздерживается выставлять на показъ. Не взирая на его уродливость, онъ былъ грубъ и весьма простъ. Хитрый канцлеръ хотѣлъ его противупоставить Брюммеру и воспользоваться имъ, чтобы оттѣснить послѣдняго отъ великаго князя. Іоганна-Елизавета, провѣдавъ объ этомъ, до того увлеклась, что написала брату письмо, въ которомъ уговаривала его поступить лучше на службу въ Голландіи „и съ честью дать себя убить, чѣмъ присоединяться къ врагамъ сестры въ Россіи“. Бестужевъ, явно указанный въ письмѣ, воспользовался случаемъ, чтобы остановить письмо и показать его Императрицѣ. Онъ добился получить отъ Елизаветы Петровны указъ, въ которомъ она повелѣвала вскрывать переписку принцессы, и, въ случаѣ еслибы въ ней оказалось что-либо неприличное, то арестовывать письма Съ этой минуты тайная канцелярія не разъ обнаруживала обстоятельства, которыя могли только вредить принцессѣ Цербстской.

Неудивительно, что одно только извѣстіе о пріѣздѣ

брата вызвало въ Іоганнѣ-Елизаветѣ желаніе вернуться скорѣе къ супругу; желаніе это еще увеличилось послѣ полученія извѣстія изъ Цербста о болѣзни младшей ея дочери Елизаветы и о тоскѣ по ней Христіана-Августа. Послѣдній даже лично обращался къ Императрицѣ съ просьбою отпустить къ нему жену; но на это ему отвѣтили, что въ данный моментъ это немыслимо, но что скоро, лишь только совершится бракосочетаніе великаго князя съ его дочерью, принцесса будетъ имѣть возможность вернуться въ Цербстъ *).

Любимымъ препровожденіемъ времени Екатерины, въ часы свободные отъ занятій въ это время, были игры съ состоявшими при ней фрейлинами — княжнами Гагариной и Кушелевой. Играли въ жмурки и другія игры такого-же невиннаго дѣтскаго свойства, и то до нѣкоторой степени въ тихомолку, пользуясь тѣмъ временемъ, пока графиня Румянцева была занята картами, потому что княжны чрезвычайно ее боялись.

Однажды Екатерина вздумала заняться хозяйствомъ самостоятельно и завести у себя правильную администрацію надъ вещами. Это распредѣленіе чрезвычайно ее занимало; она такъ распорядилась: дѣвицѣ Шенекъ, горничной, которую привезла съ собою изъ Германіи, она поручила деньги, расходъ и бѣлье; Жуковой — драгоцѣнныя вещи; туалеты были переданы въ вѣденіе камердинера Тимоѳея Евреинова, кружева—дѣвицѣ Балковой, вышедшей впослѣдствіи замужъ за поэта Сумарокова; ленты были отданы дѣвицѣ Скороходовой старшей, впослѣдствіи въ замужествѣ за Аристархомъ Кашкинымъ; ея младшая сестра Анна ничего не получила, потому что ей было всего 13 лѣтъ. Но и тутъ сумѣли оскорбить Екатерину. Доложили Императрицѣ о непра-

*) Siebigk.

вильности подобнаго распредѣленія, вслѣдствіе чего лишили Жукову наблюденія надъ драгоцѣнными вещами и передали ключи отъ нихъ дѣвицѣ Шенекъ, которая, по выраженію Екатерины, была ворчунья и глупа и къ тому же ревновала ее къ другимъ дѣвицамъ, между которыми великая княжна распредѣлила ея обязанности *).

Между тѣмъ, вскорѣ по возвращеніи двора въ Петербургъ, Императрица начала съ большою поспѣшностью приготовляться къ бракосочетанію наслѣдника. Черезъ посольство свое въ Парижѣ она приказала доставить ей самыя точныя свѣденія о всѣхъ подробностяхъ, сопровождавшихъ свадьбу дофина съ испанскою принцессою, о всѣхъ церемоніалахъ и празднествахъ. Изъ Берлина должны были прислать ей всѣ проэкты, списки и отчеты о свадьбѣ сына короля Августа II-го. 26-го марта Императрица дала указъ, на основаніи котораго бракъ Петра Ѳедоровича предполагалось совершить въ іюлѣ, а въ маѣ она указала всѣмъ губернаторамъ отпраздновать этотъ день съ особенною торжественностью **).

Въ маѣ мѣсяцѣ Императрица переѣхала съ великимъ княземъ въ Лѣтній дворецъ ***). Для Екатерины и ея матери отвели каменный домъ на Фонтанкѣ, близь домика Петра I-го****). Здѣсь великій князь совершенно прекратилъ посѣщать невѣсту подъ предлогомъ отдаленности. „Я вполнѣ поняла — говоритъ Екатерина, — какъ мало онъ дорожилъ мною. Мое самолюбіе и гордость страдали втайнѣ; но я была слишкомъ горда, чтобы жаловаться; я сочла бы себя униженною, если-

*) «Mémoires», 37.
**) Siebigk.
***) См. Семевскаго. «Шесть мѣсяцевъ изъ русск. исторіи XVII вѣка».
****) «Mémoires», 43.

бы мнѣ доказывали дружбу, которую я могла-бы принять за состраданіе. Но когда я бывала одна, я плакала, потомъ утирала слезы и шла рѣзвиться съ моими дѣвушками. Мать относилась ко мнѣ тоже очень холодно и натянуто; я иногда не забывала навѣщать ее нѣсколько разъ въ день. Въ сущности, я очень скучала, но воздерживалась объ этомъ говорить. Тѣмъ не менѣе, Жукова замѣтила однажды, что я плакала, и начала со мною по этому поводу говорить. Я ей объяснила разныя причины, но умолчала о настоящихъ. Я болѣе чѣмъ когда-либо старалась пріобрѣсти всеобщую любовь: съ большими и малыми я обращалась одинаково, и я взяла за правило думать, что нуждаюсь въ цѣломъ свѣтѣ и, сообразно съ этимъ, дѣйствовать, чтобы пріобрѣсть общее расположеніе, что̀ мнѣ и удалось" *).

Императрица недолго оставалась въ Лѣтнемъ дворцѣ; вскорѣ она переѣхала со всѣмъ дворомъ въ Петергофъ, чтобы провести лѣтніе мѣсяцы. Здѣсь образъ жизни оживился. Императрица заняла верхній этажъ большаго Петровскаго дворца съ великимъ княземъ; Екатеринѣ съ матерью былъ отведенъ нижній. Въ Петергофѣ Петръ Ѳедоровичъ опять видѣлся каждый день съ невѣстою, обѣдалъ и почти каждый вечеръ проводилъ вмѣстѣ. Іоганна-Елизавета восхищалась всѣми прелестями природы и искусства, такъ щедро надѣлившими Петергофъ, и писала по этому поводу восторженныя письма въ Цербстъ. Екатерина же старалась развлекаться прогулками и верховою ѣздою.

Со временемъ пребыванія царской фамиліи въ Петергофѣ совпадали празднованія совершеннолѣтія Петра Ѳедоровича и годовщина его обрученія. Въ день совершеннолѣтія великаго князя, который вмѣстѣ съ тѣмъ про-

*) Тамъ же, 43.

должалъ оставаться и герцогомъ Голштинскимъ, Императрицѣ представлялся саксонскій резидентъ Петцольдъ съ поздравленіемъ по случаю дня рожденія великаго князя. Петръ Ѳедоровичъ былъ чрезвычайно обрадованъ этимъ поздравленіемъ и съ большимъ достоинствомъ отвѣчалъ на рѣчь Петцольда.

Празднованіе дня годовщины обрученія происходило въ Петербургѣ. Въ этотъ знаменательный для княжеской Цербстской семьи день Христіанъ-Августъ отозвался тѣмъ, чѣмъ былъ богатъ. Онъ прислалъ женѣ и дочери нѣсколько кусковъ дорогихъ матерій — произведенія его княжества. Іоганна-Елизавета и Екатерина, въ благодарственномъ письмѣ къ нему, обѣщали „по христіански раздѣлить ихъ между собою". Правда, присылка эта сопровождалась нѣкоторыми коммерческими соображеніями. Князь Цербстскій желалъ познакомить Россію съ произведеніями своего княжества и доставить сбыть своимъ позументнымъ фабрикамъ и нѣкоторымъ другимъ мануфактурнымъ товарамъ. На сколько это ему удалось — неизвѣстно. Во всякомъ случаѣ, онъ возлагалъ надежды на свою жену, которая должна была, такимъ образомъ, представлять его агента. Онъ, кромѣ того, судя по письму Іоганны-Елизаветы отъ 31-го іюля нов. стиля, выслалъ довольно значительную партію пива: „Цербстское пиво прибыло и будетъ выдано нѣкоторымъ лицамъ какъ новинка. Я раздарю тоже часть купцамъ, которые, можетъ быть, найдутъ сбыть" *), доносила принцесса.

Въ концѣ іюля дворъ переѣхалъ изъ Петергофа въ Петербургъ, гдѣ все уже готовилось къ предстоящей свадьбѣ.

---

*) Siebigk, 115.

VIII.

Послѣ долговременной отсрочки, происшедшей по причинѣ болѣзни великаго князя, бракосочетаніе Екатерины было наконецъ назначено на 21-е августа 1745 года; причемъ постановлено было, что, въ случаѣ бездѣтной кончины великаго князя, наслѣдницею Россійскаго престола будетъ Екатерина — условіе чрезвычайно важное и объясняющее намъ отчасти весь послѣдующій образъ дѣйствій Екатерины. Есть извѣстіе, будто думали отложить свадьбу еще на нѣкоторое время; но къ ускоренію ея содѣйствовало желаніе Императрицы, чтобы Іоганна-Елизавета уѣзжала къ себѣ домой *).

Яркій свѣтъ на тогдашнее настроеніе Екатерины бросаетъ слѣдующее сознаніе ея: „По мѣрѣ того какъ день свадьбы приближался, я становилась грустнѣе. Сердце не предсказывало мнѣ много счастія: одно честолюбіе меня поддерживало. У меня въ глубинѣ сердца было что-то такое, что никогда не давало мнѣ ни на минуту сомнѣваться, что рано или поздно я сдѣлаюсь самодержавной повелительницей Россіи“ **).

По переѣздѣ двора изъ Петергофа, приготовленія къ бракосочетанію были въ полномъ разгарѣ. Императрица

*) «Осмнадцатый Вѣкъ», кн. I, 29.
**) «Mémoires», 47.

желала обставить это событіе наибольшимъ великолѣпіемъ и торжественностью. Она входила во всѣ подробности приготовленій, какъ по части устройства, такъ и церемоніала. Ежедневно въ Петербургъ приходили корабли изъ Кенигсберга, Данцига, Штетина и Любека съ матеріями, экипажами и всевозможными предметами, выписанными для этого случая. Наконецъ, за нѣсколько дней до назначеннаго срока, всѣ приготовленія были окончены. Въ продолженіе послѣдней недѣли передъ знаменательнымъ днемъ женихъ и невѣста говѣли и пріобщались святыхъ таинъ въ Казанскомъ соборѣ. Для того, чтобы занять на это время принцессу-мать, предполагали устроить ей поѣздку на Ладожскій каналъ, но наступившая дурная погода помѣшала исполненію этого намѣренія *).

20-го числа весь дворъ приготовился, съ утра, къ переѣзду изъ Лѣтняго въ Зимній дворецъ. Около полудня отправилась туда Императрица. Къ семи часамъ вечера за нею послѣдовали великій князь и великая княжна „incognito“, т. е. въ каретахъ, запряженныхъ парами, въ сопровожденіи лицъ ихъ свиты. Первоначально каждый остановился въ своихъ прежнихъ покояхъ, откуда послали узнать о повелѣніяхъ Государыни на предстоящій день. Великая княжна получила приказаніе „немедленно отправиться въ баню и потомъ ужинать уединенно“, что, по замѣчанію Іоганны-Елизаветы, „составляетъ родъ постановленія въ греческой церкви(?)“. Это-же повелѣніе, относительно уединеннаго ужина, касалось великаго князя и принцессы-матери. Ночью вокругъ дворца было разставлено множество караульныхъ и сторожей, которые не должны были допускать около дворца ѣзды и шума.

---

*) Siebigk, 118.

Слѣдующій день былъ привѣтствованъ, въ 5 часовъ утра, пушечными выстрѣлами съ крѣпости, адмиралтейства, съ военнаго корабля, съ каждой галеры и яхты эскадры, расположенной на Невѣ. Войска, которыя ихъ занимали, а также и въ городѣ, пробили въ то же время зорю, на которую отвѣчали звономъ во всѣ колокола. Дальнѣйшее описаніе этого дня мы заимствуемъ изъ отчета Іоганны-Елизаветы; опустимъ только длинныя и подробныя перечисленія церемоніаловъ, обычныхъ въ подобныхъ случаяхъ, и приведемъ мѣста наиболѣе характерныя: „Въ шесть съ половиною часовъ утра я была готова — пишетъ принцесса, — и послала узнать, встала-ли великая княжна? Она вставала съ постели. Позвавъ графиню Румянцеву и дамъ, я отправилась въ покой моей дочери. Мы одѣли ее въ простой домашній нарядъ, чрезвычайно впрочемъ благопристойный, бѣлый съ золотомъ, въ ночной чепчикъ и маленькія фижмы. Только что это было сдѣлано, какъ Ея Императорское Величество прислала звать насъ черезъ дежурнаго камергера. Чтобы дойти туда, мы сдѣлали обходъ, такъ какъ принуждены были пройти прямо тронную залу и первыя пріемныя; мы не преминули встрѣтить много лицъ, собиравшихся уже во дворецъ и не смѣвшихъ насъ привѣтствовать, т. е. подходить къ рукѣ.

„Императрица приказала насъ ввести въ парадную опочивальню. У нея уже были совсѣмъ убраны волосы, но нарядъ былъ вполнѣ домашній. Дочь моя первая, а потомъ я, произнесли небольшія рѣчи, какія только лучше могли придумать, на счетъ событія дня, одолженія ея намъ и нашей признательности. Великая Государыня отвѣчала съ тою добротою и обворожительностью, которыя только ей свойственны.

„Когда Великая Княжна помѣстилась за уборнымъ столомъ, то всѣ статсъ-дамы получили дозволеніе войти.

Она была причесана своими горничными и парикмахеромъ. Ея Императорское Величество приказывала только тамъ-сямъ кое-какія украшенія. Она сама возложила на ея голову маленькую бриліантовую корону. Волосы Великой Княжны не были напудрены; платье ея было изъ самаго великолѣпнаго, какое я видѣла въ моей жизни, серебрянаго glacé, и окаймленное на высотѣ полъюбки битью изъ золота. Это прекрасное украшеніе, эти драгоцѣнности, которыми она была покрыта, придавали ей — могу сказать — обворожительный видъ. Ее слегка подрумянили, и цвѣтъ ея лица никогда не былъ прекраснѣе, какъ тогда. Ея свѣтло-черные, но блестящіе волосы выказывали болѣе ея молодость и придавали прелестямъ смуглянки мягкость, свойственную бѣлокурымъ.

„Ея Императорское Величество, приказавъ придать всевозможныя украшенія наряду Великой Княжны (къ ея выгодѣ), кончила тѣмъ, что начала одѣваться сама. Весь этотъ день у нея на головѣ была императорская корона, а на плечахъ — мантія. Платье она имѣла одинаковое съ невѣстою, исключая то, что оно было изъ гроденапля каштановаго цвѣта.

„Между тѣмъ какъ это происходило во внутреннихъ покояхъ, Великій Князь одѣлся въ платье изъ совершенно одинаковой ткани съ своею невѣстою, съ пуговицами, шпагою и всѣмъ приборомъ изъ бриліантовъ. Здѣсь кстати замѣтить, что во всѣ дни, когда продолжались эти празднества, они одѣты были одинаково, и что три дня были въ платьяхъ, а остальное — въ епанчахъ“ *).

Когда все было готово къ шествію, и всѣ чины заняли свои мѣста по церемоніалу, поѣздъ тронулся.

---

*) «Сборн. Русск. Ист. Общ.», VII. 46—47.

„Карета Ея Величества была настоящій маленькій замокъ; запряжена въ восемь лошадей, каждая ведома однимъ конюшимъ“. Въ этой же каретѣ сидѣли молодые обрученные. По прибытіи въ церковь, Императрица помѣстилась подъ наметомъ изъ бархата, шитаго золотомъ; возвышеніе для великаго князя и великой княжны было по ея правую сторону, но нѣсколько позади. Началась обѣдня, по окончаніи которой были произнесены краткія молитвы, послѣ чего священнодѣйствовавшій архіепископъ приблизился къ Ея Императорскому Величеству и, низко поклонившись, спросилъ ея приказаній для начатія обряда бракосочетанія. Императрица покинула тронъ въ то время, какъ женихъ и невѣста сошли съ ихъ возвышенія. Она взяла каждаго за руку и подвела къ амвону. Передъ началомъ вѣнчанія изъ алтаря были вынесены два золотые вѣнца и переданы — одинъ, предназначенный для великаго князя, принцу Фридриху-Августа шлезвигъ-голштинскому, брату Іоганны-Елизаветы, а другой — для великой княжны — поданъ оберъ-егермейстеру, графу Разумовскому. По прочтеніи евангелія, епископъ взялъ, обмѣнялъ и благословилъ кольца, а потомъ подалъ ихъ Императрицѣ, которая благословила ихъ еще разъ и надѣла новобрачнымъ на руки. Послѣ обряда они упали къ ногамъ Ея Величества, которая подняла ихъ и расцѣловала. Отецъ Теодорскій, духовникъ великаго князя, только что посвященный въ санъ епископа костромскаго и галицкаго, произнесъ проповѣдь, въ которой „онъ много распространялся о чудесахъ Провидѣнія въ тѣхъ, кого предназначаетъ оно отцами своихъ народовъ: онъ видѣлъ перстъ Провидѣнія въ рожденіи этихъ двухъ отраслей домовъ ангальтскаго и голштинскаго, которые превознесъ исторически; причемъ не забылъ ничего, что должно украсить и распространить цвѣтистую рѣчь. За

проповѣдью слѣдовалъ молебенъ, которому вторили троекратные выстрѣлы войскъ стоявшихъ подъ ружьемъ съ крѣпости, адмиралтейства и эскадры, также звонъ всѣхъ колоколовъ".

По окончаніи обряда, Императрица и всѣ бывшіе въ церкви вернулись во дворецъ, гдѣ былъ сервированъ торжественный обѣдъ. „Послѣ обѣда — продолжаетъ принцесса — необходимъ былъ маленькій промежутокъ, чтобы прибрать большую галерею, въ которой обѣдали. Мы имъ воспользовались для нашего отдохновенія. Ея Императорское Величество скоро появилась и велѣла начать балъ; онъ заключался въ одномъ польскомъ, который танцовали Императрица, Великій Князь, Великая Княгиня, я, принцесса Гессенъ-Гомбургская, мой братъ, статсъ-дамы и первые сановники. Балъ не продолжался долѣе половины втораго. Тогда Ея Императорское Величество отправилась въ покой новобрачныхъ, причемъ впереди ея шли церемоніймейстеръ, оберъ-гофмейстеръ ея двора, оберъ-гофмаршалъ, гофмаршалъ и оберъ-камергеръ двора Великаго Князя, а слѣдовали за нею только новобрачные, которыхъ держали за руки я, мой братъ, принцесса Гессенъ-Гомбургская, также оберъ-гофмейстерина, статсъ-дамы, камеръ-фрейлины и фрейлины. Едва всѣ дамы вошли въ означенный покой, мужчины оттуда удалились, двери были заперты, а между тѣмъ новобрачный прошелъ въ комнату, гдѣ онъ долженъ былъ перемѣнить одежду. Начали съ раздѣванія невѣсты. Императрица сняла съ нея корону; я уступила принцессѣ Гессенъ-Гомбургской честь надѣть на Великую Княгиню сорочку; оберъ-гофмейстерина подала ей спальное платье, а остальныя дамы прислуживали при надѣванія великолѣпнѣйшей въ свѣтѣ домашней одежды.

„Когда Великую Княгиню одѣли, то Ея Императорское Величество прошла къ Великому Князю, которому

помогали раздѣваться оберъ-егермейстеръ графъ Разумовскій и мой братъ. Государыня привела его къ намъ: вся его одежда была одинакова съ надѣтою на его супругу, но онъ въ ней далеко не былъ такъ хорошъ“ *). Императрица, благословивъ молодыхъ, оставила ихъ. На слѣдующій день начался рядъ придворныхъ празднествъ, поздравленій, обѣдовъ, баловъ, маскарадовъ. 30-е августа было послѣднимъ днемъ, положеннымъ для удовольствій, и совпадало съ празднованіемъ ордена св. Александра Невскаго, почему богослуженіе происходило въ Лаврѣ, а затѣмъ торжественное возвращеніе ботика Петра Великаго, стоявшаго въ этотъ день на Невѣ, въ крѣпость, въ сопровожденіи самой Императрицы.

По окончаніи всѣхъ торжествъ, новобрачные переѣхали изъ Зимняго въ Лѣтній дворецъ, гдѣ пребывала и Императрица. Съ первыхъ же дней послѣ свадьбы при великокняжескомъ дворѣ произошли нѣкоторыя перемѣны. Графиня Румянцева, къ удовольствію Екатерины, сложила съ себя обязанность гофмейстерины, но за то Императрица приставила къ ней мадамъ Крузе въ качествѣ старшей горничной—женщину чрезвычайно непріятнаго характера, которая съ перваго же дня нагнала страхъ на всѣхъ, состоявшихъ при великой княгинѣ; а любимицу Екатерины, дѣвицу Жукову, не предупредивъ никого и не спрося даже Екатерину, удалили, якобы для того, чтобы Екатерина не могла къ ней привязаться; но въ сущности это было не что иное, какъ интрига служащихъ; способъ же изгнанія ни въ чемъ невиновной дѣвушки и тайна, которою оно сопровождалось, оскорбили Екатерину и вызвали въ ней живѣйшее желаніе помочь Жуковой и пристроить ее.

---

*) Тамъ-же. 57—58.

Въ исходѣ сентября Іоганна-Елизавета простилась съ дочерью. Она возвратилась въ Цербстъ, и больше имъ уже не суждено было видѣться. „Прощаніе было чрезвычайно трогательно, разсказываетъ принцесса, въ особенности съ Императрицею, которая оказала мнѣ столько милости, что, казалось, принимала во мнѣ самое горячее участіе, которое даже растрогало весь присутствовавшій при прощаніи дворъ. Прощанія были нескончаемы, но наконецъ эта милостивѣйшая правительница проводила меня со слезами и съ нѣжнѣйшими выраженіями до самой лѣстницы". Къ этому англійскій посланникъ прибавляетъ, что принцесса стала передъ Императрицею на колѣни и просила прощенія за всѣ неудовольствія, которыя она ей причиняла. Екатерина Алексѣевна, въ своихъ воспоминаніяхъ, пишетъ довольно кратко о разставаніи съ матерью; она только говоритъ, что: „отъѣздъ ея искренно опечалилъ меня: я много плакала". Великій князь съ супругою проводилъ свою тещу до Царскаго Села, а затѣмъ вернулся въ Петербургъ. Іоганну-Елизавету, передъ отъѣздомъ, Императрица осыпала подарками. Не мало цѣнныхъ вещей и денегъ выпало и на долю лицъ ея свиты, начиная съ Латорфа, дѣвицы Каинъ и кончая прислугою *).

Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, Елизавета Петровна, чувствуя себя обманутою въ своемъ благорасположеніи къ Голштинскому дому, старшій членъ котораго совсѣмъ перешелъ на сторону враговъ Россіи, воспользовалась отъѣздомъ Іоганны-Елизаветы, чтобы дать ей лично порученіе къ Фридриху II, содержаніе котораго было не особенно лестно принцессѣ. Она должна была выразить королю Прусскому желаніе Императрицы, чтобы его посолъ Мардефельдъ былъ отозванъ обратно и замѣненъ дру-

*) «Mémoires», 47. Siebigk, 121—125.

гимъ. Такъ что принцессѣ самой приходилось вызвать немилость министру, которому она была обязана возвышеніемъ дочери. Причину этой немилости она не могла не знать: Мардефельдъ принималъ участіе въ ея интригахъ противъ Бестужева; такъ что въ ея же руки передавали наказаніе ея сообщника *).

Но порученіе это носило тѣмъ болѣе непріятный характеръ для ангальтъ-цербстской княгини, что она, будучи снаряжена въ Россію изъ Берлина для скрѣпленія дружбы съ Россійскою Императрицею, теперь, при возвращеніи своемъ въ Берлинъ, должна была передать требованіе, знаменовавшее сильную остуду. Въ это время Елизавета Петровна уже вполнѣ убѣдилась въ томъ, что̀ такое Фридрихъ по отношенію къ Россіи, и вступала въ тѣсный (но еще пока секретный) союзъ съ Маріею-Терезіею **).

*) Rambeau, 385. — «Осмнадцатый Вѣкъ», кн. 1.
**) «Осмнадцатый Вѣкъ», кн. 1. 30.

IX.

Тотчасъ послѣ свадьбы, Екатерина Алексѣевна составила себѣ отчетливое понятіе объ отношеніяхъ своихъ къ мужу. Она въ воспоминаніяхъ своихъ пишетъ: „Я ясно видѣла, что великій князь меня не любитъ; пятнадцать дней послѣ свадьбы онъ мнѣ опять повѣрилъ, что влюбленъ въ дѣвицу Карръ, фрейлину ея Императорскаго Величества, вцослѣдствіи въ замужествѣ за княземъ Голицынымъ, шталмейстеромъ Императрицы. Онъ доказывалъ графу Девіеру, своему камергеру, что не можетъ быть сравненія между этою дѣвицею и мною. Девіеръ утверждалъ противное; великій князь на него разсердился, и эта сцена произошла, до нѣкоторой степени, въ моемъ присутствіи. Я должна была себѣ сказать, что съ этимъ человѣкомъ я не премину быть очень несчастливою, если предамся, по отношенію къ нему, нѣжнымъ чувствамъ, за которыя онъ мнѣ будетъ такъ дурно отплачивать, и что я могу умереть отъ ревности, безъ всякой пользы для кого бы то ни было. Я старалась взять верхъ надъ самолюбіемъ и не ревновать человѣка, который меня не любитъ; но средство для этого было только одно: самой не любить. Если-бы онъ только захотѣлъ быть любимымъ, то это мнѣ многаго не стоило бы; я была отъ природы склонна и привычна исполнять свои обязанности; но для

этого мнѣ нуженъ былъ бы мужъ съ здравымъ смысломъ, а этого то у него и не было“ *).

Неудивительно, что Екатерина Алексѣевна не находила никакого удовольствія въ играхъ и развлеченіяхъ своего мужа. Она подробно разсказываетъ, какъ онъ забавлялся театромъ маріонетокъ, какъ онъ занимался дрессировкою собакъ, которыхъ нещадно билъ, какъ онъ проводилъ время съ разными игрушками и куклами, какъ онъ устраивалъ маскарады со своею прислугою и т. д. Онъ то и дѣло надоѣдалъ ей игрою на скрипкѣ или щелканіемъ бича; однажды онъ ее ночью разбудилъ и заставилъ съ нимъ ѣсть устрицы; другой разъ онъ составилъ проэктъ, чтобы весь дворъ превратился въ родъ монастыря, всѣ придворные одѣлись бы въ капуцины и на ослахъ возили бы воду и дрова; Екатерина должна была нарисовать планъ дома, соотвѣтствующаго этимъ цѣлямъ. Часто заставлялъ онъ ее играть въ азартныя игры на воображаемыя цѣнности; такъ напримѣръ, однажды, ночной колпакъ долженъ былъ изображать сумму въ 10,000 рублей и т. п. Екатерина пишетъ: „Не смотря на мою рѣшимость быть относительно его по возможности предупредительною и терпѣливою, я откровенно сознаюсь, что очень часто скука отъ его посѣщеній, прогулокъ и разговоровъ превосходила все. Когда онъ уходилъ, то самая безсодержательная книга казалась мнѣ прелестнымъ развлеченіемъ“ **).

Въ запискахъ Штелина, вслѣдъ за бракосочетаніемъ великаго князя, упоминается въ разныхъ мѣстахъ о томъ, какъ онъ проводилъ время, выдумывая и примѣряя всевозможные мундиры, игралъ въ оловянные сол-

---

*) «Mémoires», 53.

**) «Mémoires», 165. — Brückner. «Katharina die Zweite». — Berlin 1883. — стр. 32—33.

датики и придумывалъ разныя забавы, лишенныя вкуса, и наконецъ позабывалъ все, чему его учили *).

Кромѣ того, что великій князь примѣрялъ разные мундиры на своихъ лакеевъ и игралъ съ ними въ солдаты, онъ разставлялъ въ своей комнатѣ, на длинныхъ столахъ, оловянныхъ солдатъ, которые должны были изображать караулы, для чего одинъ изъ прислугъ билъ въ барабанъ. Однажды Екатерина замѣтила въ комнатѣ мужа повѣшенную крысу. Петръ Ѳедоровичъ объяснилъ ей совершенно серьезно, что она повѣшена по приговору полеваго суда за то, что съѣла двухъ солдатъ, сдѣланныхъ изъ крахмала и которые стояли на бумажной крѣпости на столѣ. На парады оловянныхъ, бумажныхъ и восковыхъ солдатъ Петръ Ѳедоровичъ и его прислуга являлись въ полной формѣ, въ большихъ сапогахъ со шпорами; на большихъ кускахъ жести подражали звуку орудій, ружейной пальбѣ и проч. **).

Эти извѣстія Екатерины ничуть не преувеличены. Иностранные министры при русскомъ дворѣ уже очень рано начинаютъ пересылать своимъ государямъ печальныя извѣстія о характерѣ и поведеніи великаго князя. Французскій дипломатъ Дальонъ писалъ въ мартѣ 1746 г., что Петръ дѣлаетъ всѣмъ непріятности, не исключая и жены, у которой разумъ превосходитъ лѣта; онъ склоненъ къ вину, водится съ людьми пустыми, и главная его забава это кукольный театръ. Въ августѣ 1747 г. Финкенштейнъ доносилъ своему королю: „Надобно полагать, что великій князь никогда не будетъ царствовать въ Россіи; не говоря уже о слабомъ здоровьѣ, которое угрожаетъ ему рановременною смертью, онъ такъ ненавидимъ русскими, что долженъ лишиться короны, если бы она и доста-

*) «Чтенія О. И. и Д.» 1866, IV.
**) «Mémoires», 192.

лась ему по смерти Императрицы. И надобно признаться, что поведеніе его вовсе неспособно привлечь сердца народа. Непонятно, какъ принцъ его лѣтъ можетъ вести себя такъ ребячески. Нѣкоторые думаютъ, что онъ притворяется; но въ такомъ случаѣ онъ былъ-бы мудрѣе Брута и своей тетки *). Къ несчастію, онъ дѣйствуетъ безъ всякаго притворства. Великая княгиня ведетъ себя совершенно иначе“ **).

Штелинъ упоминаетъ, что Императрица сама была крайне недовольна поведеніемъ племянника. Изъ инструкціи, данной лицамъ, назначеннымъ состоять при великомъ князѣ, и составленной Бестужевымъ, по повелѣнію Елизаветы Петровны, очевидно, что ей уже было извѣстно о поведеніи наслѣдника. Она не могла придти въ себя отъ удивленія, когда оно стало ей извѣстно.

Императрица начала съ того, что перемѣнила лицъ, состоящихъ при Петрѣ Ѳедоровичѣ. Въ концѣ зимы 1746 г. оберъ-гофмаршалъ Брюммеръ и камергеръ Берхгольцъ были внезапно уволены; вмѣсто нихъ назначенъ князь Василій Никитичъ Репнинъ. По отзывамъ Екатерины, Императрица не могла сдѣлать лучшаго выбора, потому что князь Репнинъ отличался не только добросовѣстностью и честностью, но это былъ человѣкъ чрезвычайно умный, благовоспитанный, скромный и въ полномъ смыслѣ слова благородный. „Я въ особенности— замѣчаетъ Екатерина,—была довольна княземъ Репнинымъ. Графа Брюммера я не сожалѣла; онъ мнѣ надоѣдалъ своими вѣчными политическими рѣчами; онъ былъ пропитанъ интригою; тогда какъ откровенный и солдатскій характеръ князя Репнина внушалъ довѣріе. Что

*) Указаніе на поведеніе Елизаветы въ царствованіе Анны.
**) Соловьевъ, XXIV. — 50.

касается великаго князя, то онъ былъ въ восторгѣ, когда избавился отъ этихъ педагоговъ, которыхъ ненавидѣлъ“ *). Затѣмъ были удалены нѣкоторые „продерзостные комнатные служители“. Поводъ къ тому подали трое братьевъ Чернышевыхъ (двое родныхъ и одинъ двоюродный), пользовавшіеся особеннымъ расположеніемъ великаго князя и великой княгини. Въ жалобахъ на фамиліярность служителей, Императрица, какъ видно, намекаетъ на старшаго изъ Чернышевыхъ Андрея, который называлъ великую княгиню не иначе, какъ „матушкой“, а та въ свою очередь называла его „сынкомъ“. Чернышевы очутились офицерами въ очень далекихъ гарнизонахъ. Двое, Алексѣй и Петръ, служили въ Кизлярѣ и говаривали тамъ: „были они у его величества при дворѣ въ великой милости, а великій князь называлъ ихъ фаворитами и пріятелями, а великая княгиня такъ жаловала, что скрытно ихъ дарила; изъ ея подарковъ и до сихъ поръ у нихъ часы и шпага; о ихъ несчастіи она очень плакала. Хотя они, Чернышевы, теперь и малы, а другіе велики, но этимъ великимъ будутъ головы отрублены, а они, Чернышевы, будутъ знатны и высоки. Всѣхъ распыряли, кого жаловалъ его высочество, не однихъ насъ“. Начальные люди въ Кизлярѣ обходились съ Чернышевыми ласково, въ чаяніи будущаго; на жалобы ихъ говорили: „царь новый — и люди новые; вы тогда будете спѣсивы и на насъ глядѣть не станете, какъ ваше время придетъ“ **).

Для пресѣченія „продерзостей“, на будущее время къ великокняжескому двору была опредѣлена, на мѣсто убывшей графини Румянцевой, въ качествѣ оберъ-гофмейстерины Марья Симоновна Чоглокова (урожденная гр. Гендрикова, которая приходилась двоюродною се-

* «Mémoires», 60—61.

**) «Mémoires», 63—65. Соловьевъ. XXIV. 53.

строю Елизаветѣ Петровнѣ), а вскорѣ послѣ того князь Репнинъ, подъ предлогомъ болѣзни, удалился въ чужіе края, и вмѣсто него назначенъ мужъ Марьи Симоновны, Николай Наумовичъ. Выборъ палъ на Чоглоковыхъ, потому что ихъ считали чрезвычайно добродѣтельными и нѣжными супругами, и въ доказательство этому пересчитывали ихъ многочисленныхъ дѣтей. Мнѣніе же, которое составила себѣ о нихъ Екатерина, было совершенно противное; она говоритъ, что назначеніе Чоглоковой было для нея громовымъ ударомъ. „Чоглокова была, совершенно предана Бестужеву, очень проста, зла, капризна и корыстна. Я, когда ее увидѣла, очень плакала весь день и слѣдующій“. Самъ Чоглоковъ „ознаменовалъ свое назначеніе тѣмъ, что удалилъ камергера графа Девіера и камеръ-юнкера Вильбуа оттого, что великій князь и я къ нимъ благоволили. Онъ старался всѣми средствами удалить насъ ото всѣхъ, и въ этомъ онъ только слѣдовалъ наставленіямъ Бестужева, которому всѣ казались подозрительными“ *).

При назначеніи Чоглоковыхъ имѣлось въ виду завести при дворѣ великаго князя строгій порядокъ и учредить надъ нимъ, и надъ великою княгинею, постоянный надзоръ. Для этого Императрица приказала канцлеру составить двѣ инструкціи лицамъ, состоящимъ при великомъ князѣ и великой княгинѣ. Приводимъ здѣсь выдержки изъ обѣихъ инструкцій **). Относительно великаго князя предписывалось:

„Дабы вы вмѣсто насъ и именемъ нашимъ неотступно при его императорскомъ высочествѣ были и ему дѣломъ и совѣтомъ во всѣхъ случаяхъ (кромѣ голштин-

---

*) «Mémoires», 61—76.

**) Подробныя инструкціи смотри въ «Архивѣ князя Воронцова». Кн. 2, стр. 90. — Соловьевъ, XXIV. 50—53.

скихъ дѣлъ) помогали, особливо слѣдующіе пункты исполняли:

„1) дабы его императорское высочество Бога и святыя Его заповѣди всегда въ памяти своей имѣлъ и преданія православной греческой вѣры крѣпчайше наблюдалъ, наружно же оныя внутреннія мнѣнія оказывалъ, явной Божіей службѣ въ прямое время съ усердіемъ и надлежащимъ благоговѣніемъ, гнушаясь всякаго небреженія, холодности и индиферентности (чѣмъ всѣ въ церкви находящіеся явно озлоблены бываютъ) присутствовалъ, членамъ св. Синода и всему духовенству надлежащее почтеніе отдавалъ, особливо же своего духовника самого къ себѣ допущалъ и наставленія его въ духовныхъ вещахъ охотно и со вниманіемъ выслушивалъ.

„2) Чтобъ его императорское высочество свое дражайшее здравіе сохранялъ, лейбъ-медиковъ почасту къ себѣ допускалъ, о состояніи здравія своего обстоятельно увѣдомлялъ и на вопросы ихъ прямую отповѣдь давалъ.

„3) Чтобъ между ихъ императорскими высочествами ни малѣйшее несогласіе не происходило, наименьше же допускать, чтобъ какое преогорченіе вкоренилось, или же бы въ присутствіи дежурныхъ кавалеровъ, дамъ и служителей, кольми меньше же при какихъ постороннихъ что-либо запальчивое, грубое или непристойное словомъ или дѣломъ случилось.

„4) Нашимъ именемъ и представляя ему собственное его благополучіе и честь, склонять, дабы наиглавнѣйше утренніе часы до полудня потребными и къ персональной его пользѣ клонящимися упражненіями препровождены были; вамъ же всемѣрно препятствовать надлежитъ чтенію романовъ, игранію на инструментахъ, егерями и солдатами или какими игрушками, и всякія шутки съ пажами, лакеями или иными негодными и къ наставленію неспособными людьми. Распре-

дѣленіе занятій: въ понедѣльникъ и пятницу съ своими голштинскими министрами совѣтъ держалъ и дѣла своего герцогства управлялъ; во вторникъ и четвергъ надворнымъ совѣтникомъ Штелинымъ новѣйшее изъ газетъ состояніе и сопряженіе нынѣшнихъ дѣлъ въ Европѣ, трактаты, интересы и государственныя правила разныхъ державъ себѣ представлять велѣлъ, исканіемъ же въ ландкартахъ, географіи и знаніе земель и коммерціи народовъ и все, чему его высочество въ физикѣ, политикѣ и математикѣ обучился, или же начало учинилъ, при случаяхъ повторялъ и далѣе наукою въ томъ продолжалъ. Предъ полуднемъ въ среду и субботу можно спеціальнѣе географіею и новѣйшею гисторіею о Россіи чтеніемъ житія Петра Великаго и генерально точнѣйшимъ спознаніемъ имперіи учрежденій и уставовъ оной упражняться, причемъ неминуемо потребно, дабы его императорское высочество ежеденно или хотя токмо въ среду и субботу въ чтеніи печатныхъ и разными руками писанныхъ дѣлъ на россійскомъ языкѣ себя сильнѣе чинилъ, къ чему россійскія вѣдомости, уложенія и указы, всякіе письменные репорты и челобитныя служить могутъ. При всемъ же семъ его императорское высочество въ здравую и пріятную погоду иногда поутру въ манежъ ходить или же на часокъ верхомъ выѣхать можетъ, когда бъ токмо одѣваніемъ цѣлые часы не проходили и слѣдовательно такихъ притомъ забавъ самъ себя лишить не хотѣлъ. Также можетъ его императорское высочество въ среду и воскресенье до Божіей службы хотя на самое малое время предъ полуднемъ нашимъ гражданскимъ и военнымъ служителямъ и инымъ знатнымъ персонамъ аудіенціи давать, дабы его высочество тѣмъ болѣе знаніе людей и любовь націи себѣ пріобрѣсти могъ.

„5) Но яко ни за кѣмъ болѣе не присматриваютъ,

какъ за высокими главами, и съ наружныхъ ихъ оказательствъ наибольшая часть людей доброе или худое, почтительное или презрительное мнѣніе себѣ сочиняютъ, то его высочество публично всегда серіознымъ, почтительнымъ и пріятнымъ казался-бъ, при веселомъ же нравѣ непрестанно съ пристойною благоразумностью поступалъ, не являя ничего смѣшнаго, притворнаго и подлаго въ словахъ и минахъ; всякаго по достоинству его принималъ, природнымъ (т. е. Русскимъ) любовь и милость, а чужимъ учтивство и привѣтливость оказывалъ, болѣе слушалъ, нежели говорилъ, болѣе спрашивалъ, нежели разсказывалъ, изъ разговоровъ каждаго по наукѣ или ремеслу пользу получалъ, и тако съ мореплавателемъ не о рудокопныхъ дѣлахъ и съ рудокопнымъ мастеромъ не о мореплаваніи разговаривалъ; повѣренность свою предосторожно и не ко всякому употреблялъ, а молчаливость за нужнѣйшее искусство великихъ государей поставлялъ; за столомъ разумными разговорами себя увеселялъ; отъ шалостей надъ служащими при столѣ, а именно отъ залитія платей и лицъ и подобныхъ неистовыхъ издѣвокъ надъ бѣдными служителями вамъ его воздерживать надлежитъ.

„6) Для соблюденія должнаго себѣ респекта всякой пагубной фамиліярности съ комнатными и иными подлыми служителями воздерживаться имѣетъ, и мы вамъ повелѣваемъ ихъ въ пристойныхъ предѣлахъ содержать, никому изъ нихъ не позволять съ докладами, до службы ихъ не касающимися, и иными внушеніями или наущеніями къ его высочеству подходить и имъ всякую фамиліярность, податливость въ непристойныхъ требованіяхъ, притаскиваніемъ всякихъ непристойныхъ вещей, а именно палатокъ, ружей, барабановъ и мундировъ и прочее накрѣпко и подъ опасеніемъ наказанія запретить, якоже мы едва понять можемъ, что нѣкоторыя

изъ оныхъ продерзость возымѣли такъ названный полкъ въ покояхъ его высочества учредить и себя самихъ командующими офицерами надъ государемъ своимъ, кому они служатъ, сдѣлать, особливые мундиры съ офицерскими знаками носить и многія иныя непристойности дѣлать, чѣмъ его высочества чести крайнѣйшее предосужденіе чинится, военное искусство въ шутки превращается, а его высочеству отъ толь неискусныхъ людей противныя и ложныя мнѣнія объ ономъ вселяются; по требованію-же его высочества всегда для существительной его пользы такое распоряженіе учинено быть можетъ, что всѣ военныя экзерциціи и то, въ чемъ прямая служба состоитъ, нашими офицерами покажется.

„7) Мы не хотимъ препятствовать, чтобъ его высочество по полудни до ужина всѣми невредительными веселіями и забавами не пользовался, токмо чтобъ всякая чрезмѣрность въ забавахъ и въ употребленіи людей избѣгаема была“.

Въ другомъ родѣ была инструкція, данная на имя Чоглоковой, которую Императрица „за потребно изобрѣла придать и опредѣлить къ ея императорскому высочеству, какъ знатную даму, для ежедневнаго обхожденія, дабы оная для пристойной компаніи въ ея апартаментахъ и для препровожденія изъ оныхъ служила и генерально ея императорскому высочеству дѣломъ и совѣтомъ помогала“.

Въ инструкціи предписывалось:

„1) Чтобъ ея императорское высочество, не токмо наружно, или для вида, но наиглавнѣйше внутренно и дѣйствительно во всемъ ея поведеніи нелицемѣрную богобоязливость и благоговѣйность и истинное усердіе къ Православной Греческой вѣрѣ имѣла.

„2) Понеже ея императорское высочество достойною

супругою дражайшаго нашего племянника избрана, и оная въ нынѣшнее достоинство императорскаго высочества, ни въ какомъ иномъ видѣ и надѣяніи возвышена, какъ токмо дабы ея императорское высочество своимъ благоразуміемъ, разумомъ и добродѣтельми его императорское высочество къ искренней любви побуждать, сердце его къ себѣ привлещи и тѣмъ имперіи пожеланной наслѣдникъ и отрасль Нашего всевысочайшаго Императорскаго Дома получена быть могла; а сего безъ основанія взаимной истинной любви и брачной откровенности, а имянно безъ совершеннаго нраву его угожденія, ожидать нельзя: того ради мы надѣяніе имѣемъ, что она, въ томъ разсужденіи, что собственное ея счастіе и благополучіе отъ того зависятъ, о семъ важномъ видѣ зрѣло уважать и всѣ возможныя способы вяще и вяще употреблять не преминетъ. Вамъ же наикрѣпчайше повелѣваемъ ревностно представлять и неотступно побуждать, чтобъ ея, императорское высочество съ своимъ супругомъ всегда, со всеудобьвымышленнымъ добрымъ и привѣтливымъ поступкомъ, его нраву угожденіемъ, уступленіемъ, любовію, пріятностію и горячностію обходилась и генерально все то употребляла, чѣмъ бы сердце его императорскаго высочества совершенно къ себѣ привлещи, какимъ бы образомъ съ нимъ въ постоянномъ добромъ согласіи жить; всѣ случаи къ нѣкоторой холодности и оскорбленію избѣгать. Въ которомъ видѣ ея императорскому высочеству великой княгинѣ представлять и ее уважать заставить, что ея супругъ не токмо ея Государь, но современемъ ея Императоръ, а она тогда въ совершенномъ его покореніи будетъ.

„3) Уповаемъ Мы, что ея императорское высочество наружное свое обхожденіе со всѣми при дворѣ такимъ образомъ учредитъ, какъ то съ высокимъ ея достоинствомъ сходственно и дражайшему ея супругу угодно

быть можетъ. Для наилучшаго же удостовѣренія того и для вящей знатности ея императорскаго высочества повелѣваемъ Мы вамъ ея высочество изъ ея покоевъ публично, и какъ къ аудіенціямъ, или на куртаги, такъ и къ столу, къ игрѣ, и куда бы ея императорское высочество для препровожденія времени ни пошла, всегда за нею слѣдовать, а притомъ надзираніе имѣть, дабы ея императорское высочество со своими дежурными или другими кавалерами всегда сходственно съ своимъ достоинствомъ и респектомъ поступала, и слѣдовательно всякой непристойной и подозрѣніе возбуждающей фамиліярности, предпочтительности одному предъ другимъ и всякихъ неприличныхъ издѣваній избѣгала, якоже генерально никакой кавалеръ, или кто бы оной ни былъ, ниже какая камеръ-юнгфера, смѣлости принять не имѣетъ ея императорскому высочеству на ухо шептать, письма, цедулки или книги тайно отдавать, но для того, подъ опасеніемъ всевысочайшаго Нашего истязанія, единственно къ вамъ или же въ отсутствіи вашемъ къ камеръ-фрау ея императорскаго высочества адресоваться имѣютъ. Еще меньше же того мы уповать можемъ, чтобъ ея императорское высочество съ пажами и комнатными служителями, мундъ и кофе-шенками, тафель-декерами и лакеями, къ явному предосужденію своего высокаго достоинства, наималѣйшую какую фамиліярность имѣть, или въ разговоры ихъ и въ шутки съ ними мѣшаться хотѣла; а ежели же что-либо подобное тому оказалось, то вы имѣете имянемъ Нашимъ отъ того искусно отсовѣтовать и Наше всевысочайшее негодованіе о томъ оказывать. Такожъ вамъ не позволять, чтобъ у ея обыкновенно прохожихъ дверяхъ и выходовъ или въ переднихъ купцы, галантереи продавцы и тому подобные мѣщане, особливо же не будучи нарочно призываны, станови-

лись, выходу ея императорскаго высочества дожидались и, не доложась прямо, особливо же съ дѣлами, кои до нихъ не касаются, къ ея высочеству адресовались. Нашихъ же лейбъ-медикусовъ, кои иногда и при добромъ здравіи къ ея императорскому высочеству приходятъ и о соблюденіи онаго попеченіе имѣютъ, надлежитъ съ докладу всегда милостиво къ себѣ допущать и на освѣдомленія ихъ о состояніи здравья серіезно отвѣтствовать; равномѣрно жъ и всѣхъ тѣхъ принимать, кои прямо отъ насъ самихъ или же отъ его императорскаго высочества великаго князя къ ея императорскому высочеству посылаются.

„4) Яко въ протчемъ ея императорское высочество публичными государственными или иными дѣлами не отягчена, тако наиспособнѣйше для ея высочества будетъ, когда въ здѣшнія государственныя или голштинскаго правленія дѣла и до того касающееся мѣшаться или коммиссіи и заступленія на себя снимать, наименьше же въ публичныхъ и партикулярныхъ дѣлахъ противную сторону противъ своего супруга принимать не станетъ, чѣмъ токмо недоброжелательнымъ партіямъ и Намъ толь гнуснымъ фракціямъ путь очистится, а недовѣрность и тайное непріятельство на нашихъ вѣрныхъ министровъ, коимъ дѣла поручены, возбуждается.

„5) Дозволяемъ ихъ императорскимъ высочествамъ совершенную свободу и всегда къ намъ отверстый доступъ *), для изустнаго донесенія о своихъ нуждахъ, дабы Мы тѣмъ случай получить могли имъ Нашимъ матернимъ совѣтомъ и дѣйствіемъ сходственно съ повѣренностію во всемъ способствовать“.

---

*) Этотъ доступъ вскорѣ былъ затрудненъ, а затѣмъ сдѣлался совсѣмъ невозможнымъ, такъ что великая княгиня должна была прибѣгать къ чрезвычайнымъ мѣрамъ, дабы имѣть свиданіе съ Государынею.— (Бартеневъ.)

Сопоставляя обѣ инструкціи и имѣя вмѣстѣ съ тѣмъ въ виду, что какъ та, такъ и другая были составлены Бестужевымъ, одинаково нерасположеннымъ къ великому князю и къ его супругѣ, справедливость нападокъ послѣдней въ своихъ запискахъ противъ мужа становится очевидною и вполнѣ подтверждается фактами. Учреждая, такъ сказать, опеку надъ Петромъ Ѳедоровичемъ и Екатериною Алексѣевною, Бестужевъ не могъ еще въ то время навѣрное предусмотрѣть, будетъ-ли молодой дворъ имѣть какое-либо значеніе и вліяніе на дѣла, или нѣтъ? Поэтому, въ виду случайностей, онъ заранѣе принялъ мѣры и все свое оружіе направилъ противъ великаго князя. За нимъ предписывается „неотступно состоять и во всемъ дѣломъ и совѣтомъ помогать“, какъ за ребенкомъ несовершеннолѣтнимъ и невоспитаннымъ, шалостямъ котораго дѣлается въ инструкціи перечень. Совершенно въ другомъ духѣ дается инструкція гофмейстеринѣ великой княгини: въ ней не видно ни намека, ни упрека, направленныхъ противъ великой книгини; указывая только общій планъ поведенія, не подвергая ея постоянному надзору, Екатеринѣ Алексѣевнѣ даютъ возможность оставаться почти независимою.

Вышеприведенныя инструкціи остались только на бумагѣ. Чоглоковы не могли исполнить и той статьи, въ которой предписывалось наблюдать, чтобы великій князь жилъ въ ладахъ съ своею супругою.

X.

Первый годъ замужества Екатерины прошелъ однообразно и крайне скучно. Время изрѣдка разнообразилось поѣздками въ Ораніенбаумъ, путешествіемъ въ Ревель или переѣздами изъ одного дворца въ другой; но разнообразіе это заключалось лишь въ перемѣнахъ тѣхъ видовъ, которые доставляла природа; остальное продолжало утомлять натянутостью и скукою. Неумѣстныя выходки великаго князя, наставленія и ворчливость Чоглоковой заставляли искать случая избѣгать ихъ общества. Дома—дворецъ былъ превращенъ въ какую-то казарму; въ путешествіяхъ—Екатеринѣ отводили самыя неудобныя помѣщенія. Единственно гдѣ Екатерина могла найти развлеченіе, это въ самой себѣ. Скоро она дѣйствительно и пришла къ такому заключенію: „Съ самой моей свадьбы,—пишетъ она,—я только и знала, что читала“.

Въ этомъ отношеніи контрастъ между мужемъ и женою былъ еще рѣзче, чѣмъ въ отношеніи поведенія. Петръ Ѳедоровичъ остановился въ своемъ развитіи, являлся ребенкомъ въ зрѣломъ возрастѣ. Екатерина же представляла необыкновенно быстрое развитіе, обнаруживала зрѣлость ума не по лѣтамъ. Предоставленная самой себѣ, при крайне трудной обстановкѣ жизни, она

развивала свои богатыя способности чтеніемъ, наблюденіемъ, прислушиваніемъ къ рѣчамъ людей, выходящихъ изъ ряду обыкновенныхъ. Въ то время какъ наслѣдникъ русскаго престола велъ себя нѣмецкимъ принцемъ и употреблялъ все, чтобы оттолкнуть отъ себя будущихъ подданныхъ, въ то время когда нѣкоторымъ приходила даже мысль, не поступаетъ-ли Петръ такъ нарочно, не желая возбудить подозрѣнія тетки, Екатерина употребила необыкновенную силу воли, чтобы переродиться изъ нѣмецкой принцессы въ русскую великую княгиню и пріобрѣсти любовь русскихъ людей. Уильямсъ такъ описываетъ Екатерину своему двору въ октябрѣ 1755 года: „Какъ только она пріѣхала сюда, то начала всѣми средствами стараться пріобрѣсти любовь русскихъ. Она очень прилежно училась ихъ языку и теперь говоритъ на немъ въ совершенствѣ (какъ говорятъ мнѣ сами русскіе). Она достигла своей цѣли и пользуется здѣсь большою любовію и уваженіемъ. Ея наружность и обращеніе очень привлекательны. Она обладаетъ большими познаніями Русскаго государства, которое составляетъ предметъ ея самаго ревностнаго изученія. Канцлеръ говорилъ мнѣ, что ни у кого нѣтъ столько твердости и рѣшительности“ *).

Относительно занятій Екатерины до ея вступленія на престолъ, мы узнаемъ изъ ея собственныхъ разсказовъ, а именно то, что она въ первое время послѣ замужества безпрестанно читала. Первая книга, прочитанная ею въ то время, былъ романъ „Tiran le blanc“, и цѣлый годъ она читала одни романы, но они начинали ей надоѣдать. По совѣту графа Гюлленборга, ею были пріобрѣтены, какъ мы уже имѣли случай гово-

*) Соловьевъ. XXIV, 54.

рить, и прочитаны „Жизнеописанія знаменитыхъ людей“ Плутарха, „Жизнь Цицерона“, „Причины величія римской республики“ Монтескьё. Вообще Екатерина сама признается, что относительно своего самообразованія она обязана совѣтамъ Гюлленборга; разсужденіями его, написанными по поводу „Портрета пятнадцатилѣтняго философа“, она пропитывалась и дала себѣ обѣщаніе слѣдовать имъ.

Затѣмъ „случайно—говоритъ Екатерина — я достала письма г-жи Севинье и проглотила ихъ: это чтеніе мнѣ понравилось“. Оно принесло ей и большую пользу,— прибавимъ съ своей стороны; подъ его вліяніемъ она вначалѣ усвоила себѣ легкость, непринужденность, игривость, какими долженъ отличаться этотъ родъ авторства, и частныя письма ея на французскомъ языкѣ сами могутъ служить образцами эпистолярнаго слога. Послѣ того ей попались подъ руку сочиненія Вольтера: и чтеніе ихъ составило эпоху въ ходѣ ея самообразованія; мы знаемъ изъ собственнаго ея свидѣтельства въ запискахъ, что съ тѣхъ поръ она „стала искать книгъ съ большею разборчивостью“ *). То же самое Императрица въ другой разъ высказала самому Вольтеру. „Могу васъ увѣрить,—пишетъ она ему во второй годъ своего царствованія,—что съ 1746 года, когда я стала располагать своимъ временемъ, я чрезвычайно много вамъ обязана. До того я читала одни романы, но случайно мнѣ попались ваши сочиненія; съ тѣхъ поръ я не переставала ихъ читать и не хотѣла никакихъ книгъ, писанныхъ не такъ хорошо и изъ которыхъ нельзя извлечь столько же пользы. Но гдѣ ихъ найти? Итакъ я возвращалась къ этому первому возбудителю моего вкуса и виновнику моихъ самыхъ дорогихъ развлече-

*) «Mémoires», 74.

ній. Конечно, если у меня есть какія-нибудь свѣденія, то я ему одному обязана ими". Такое сознаніе Екатерины о значеніи для нея Вольтера чрезвычайно важно въ исторіи ея умственнаго развитія. Зная характеръ тогдашняго общества и видя въ то-же время, какъ Екатерина была чужда господствовавшимъ предразсудкамъ, сколько она обнаруживала простоты, здраваго смысла и тонкаго вкуса, мы не можемъ не приписать, хотя отчасти, ея просвѣщеннаго образа мыслей дѣйствію писателя, который своимъ язвительнымъ перомъ преслѣдовалъ педантизмъ, ханжество и всякое невѣжество. Но вмѣстѣ съ тѣмъ насъ поражаетъ, съ другой стороны, и та степень самостоятельности, какую, при такомъ вліяніи, сохранилъ оригинальный и твердый умъ Екатерины. Въ отношеніи къ религіи и къ нѣкоторымъ общественнымъ вопросамъ, она нисколько не подчинялась обаянію Вольтера и въ перепискѣ съ нимъ, умѣла съ удивительнымъ тактомъ отвѣчать то внушительнымъ молчаніемъ, то ловкимъ возраженіемъ на его, не всегда приличныя, выходки *).

При любознательности, воспріимчивомъ умѣ и счастливой памяти Екатерины, чтенія ея получаютъ въ нашихъ глазахъ особенную важность. Такъ смотрѣла на нихъ сама она и потому-то въ своихъ запискахъ указала почти на все, по крайней мѣрѣ главное, что было ею прочитано до восшествія на престолъ.

Когда, въ первые годы послѣ брака великаго князя, дворъ отправлялся въ Ораніенбаумъ, Екатерина брала туда съ собою книги; такъ, въ 1747 году, пока тамъ проводили время въ охотѣ, верховой ѣздѣ, музыкѣ и т. п., она читала жизнь Генриха IV, извѣстное сочиненіе Перификса—„Hardouin de Beaumont", а

*) Гротъ.—«Воспитаніе Екатерины II», 13.

потомъ записки Брантома, которыя очень заинтересовали ее.

Года черезъ два, будучи въ Москвѣ, она начала отъ скуки читать „Исторію Германіи“, сочиненіе каноника св. Женевьевы, отца Барри, въ 9-ти толстыхъ томахъ, и каждую недѣлю оканчивала одинъ томъ. Послѣ того прочитала она сочиненія Платона, затѣмъ принялась за словарь Бейля („Dictionnaire historique et critique“) и на каждый томъ его употребляла по полугоду. „Можно судить,—замѣчаетъ Екатерина,—въ какомъ уединеніи я проводила время“. При бывшемъ въ Москвѣ пожарѣ дворца она кончала 4-й томъ словаря Бейля и очень боялась за свои книги; къ ея счастію однако жь, онѣ были спасены *).

Въ 1754 году, оправившись послѣ рожденія великаго князя и скучая въ одиночествѣ, она продолжала чтеніе „Исторіи Германіи“, читала „Всемірную исторію“ Вольтера, а потомъ, говоритъ она, „я читала столько русскихъ книгъ, сколько могла только достать“ **), — между прочимъ два огромныхъ тома Бароніуса въ русскомъ переводѣ. Эта книга, одно изъ важнѣйшихъ сочиненій по церковной исторіи, доведенной до конца XII вѣка, издана по-русски при Петрѣ Великомъ въ 1719 году подъ заглавіемъ: „Дѣянія церковныя“ (Annales ecclesiastici). Авторъ ея, Кесарь Бароніусъ, жившій въ XVI столѣтіи († 1607 г.), былъ кардиналомъ и ватиканскимъ библіотекаремъ. На русскій языкъ она переведена съ польскаго сокращенія іезуита Скарги, причемъ исключено многое несогласное съ ученіемъ православной церкви ***). Затѣмъ Екате-

*) Тамъ-же.

**) «Mémoires», 225

***) Пекарскій.—«Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ». I. 327.—Гротъ.—13.

рина обратилась къ знаменитому сочиненію Монтескьё „Esprit des Lois“, а по окончаніи его—къ „Лѣтописямъ“ Тацита. „Послѣднее сочиненіе, говоритъ она, произвело въ моемъ умѣ странный переворотъ, которому, можетъ быть, не мало способствовало тогдашнее грустное мое расположеніе. Я стала видѣть многое въ темномъ свѣтѣ и отыскивать въ предметахъ, представлявшихся моимъ взорамъ, болѣе глубокія причины, зависѣвшія отъ разнородныхъ интересовъ“ *). Въ 1758 году Екатерина читала, слѣдя по картѣ, первые пять томовъ „Исторіи путешествій“, которая, по ея замѣчанію, была для нея очень поучительна и интересна. Въ то-же время она начала читать „Энциклопедію“ Дидерота и д'Аламбера **).

Но не изъ одного чтенія Екатерина почерпала новыя познанія. Другимъ плодотворнымъ источникомъ обогащенія ума были для нея устные разсказы. Въ этомъ отношеніи особенную пользу оказала ей Императрица около 1750 года, уволивъ бывшую при великой княгинѣ камерфрау мадамъ Крузе и назначивъ на мѣсто ея Прасковью Никитичну Владиславову (Владиславлеву?), тещу главнаго прикащика графа Бестужева, совѣтника Пуговичникова, женщину высокаго роста, съ пріятными пріемами и умною, привлекательною физіономіею. Камердинеръ Тимоѳей Евреиновъ, пользовавшійся довѣріемъ Екатерины, сказалъ ей, что это неглупая и веселая, но очень хитрая особа, съ которою сначала надо держать себя осторожно. Впослѣдствіи оказалось, что ей были извѣстны всѣ анекдоты прошлаго и настоящаго времени; она знала четыре или пять поколѣній каждой фамиліи и твердо помнила родословную всѣхъ отцовъ, матерей, дѣдушекъ, бабушекъ и предковъ по

*) «Mémoires», 226.

**) Brückner. «Katharina die Zweite». Стр. 37.

мужской и женской линіи. Въ добавокъ она была общительна, словоохотна и умѣла разсказывать. Великая княгиня, въ минуты досуга или скуки, заставляла ее говорить, и такимъ образомъ никому столько, какъ ей, не была обязана знакомствомъ со всѣмъ, что происходило въ Россіи въ послѣднія сто лѣтъ *).

Занятія великой княгини въ это время служили подготовкою къ будущей государственной дѣятельности Монархини. Все ревностнѣе предавалась она чтенію книгъ по части исторіи, философскихъ и политическихъ наукъ. Плодомъ этихъ занятій являются собственноручныя замѣтки Екатерины Алексѣевны, въ которыхъ ясно высказываются тѣ обобщенія, которыя впослѣдствіи были присущи ея „Наказу" и тѣ оптимистическіе взгляды, которымъ Государыня оставалась вѣрна до конца дней своихъ. Эти замѣтки состоятъ изъ короткихъ, отрывочныхъ предложеній, въ которыхъ выражены взгляды по поводу необходимости высшаго женскаго образованія, объ искорененіи злоупотребленій въ средѣ служащихъ, о значеніи дворянства въ государствѣ, объ отмѣнѣ крѣпостнаго права и проч. **).

Въ замѣткахъ находятся отрывки въ родѣ слѣдующихъ: „Желаю и хочу только блага странѣ, въ которую привелъ меня Господь. Слава ея—дѣлаетъ меня славною. Вотъ мое правило, и я буду счастлива, если мои мысли могутъ въ томъ содѣйствовать".

„Изобиліе должно царствовать въ домахъ, а не подложная роскошь, основанная на неоплатныхъ долгахъ такъ какъ тогда, вмѣсто величія, высказывается потѣшное тщеславіе. Я хочу, чтобы страна и подданные были

---

*) Гротъ. — 14.

**) См. «Сборникъ Русск. Истор. Общ.» т. VII, стр. 82—101.

богаты — вотъ начало, отъ котораго я отправляюсь: чрезъ разумное сбереженіе, они этого достигнутъ".

„Свобода, — душа всего на свѣтѣ, — безъ тебя все мертво. Хочу повиновенія законамъ, но не рабовъ; хочу общей цѣли — сдѣлать счастливыми, но вовсе не своенравія, ни чудачества, ни жестокости, которыя несовмѣстны съ нею".

„Когда имѣешь на своей сторонѣ истину и разумъ, тогда это слѣдуетъ выказывать передъ народомъ, объявляя ему, что такая-то причина привела меня къ тому-то, разумъ долженъ говорить за необходимость. Будьте увѣрены, что онъ побѣдитъ въ глазахъ большинства: сдаются истинѣ, но рѣдко рѣчамъ, пропитаннымъ тщеславіемъ".

„Власть безъ довѣрія народа ничего не значитъ. Легко достигнуть любви и славы тому, кто этого желаетъ: примите въ основу вашихъ дѣйствій, вашихъ постановленій благо народа и справедливость, никогда неразлучныхъ. У васъ нѣтъ и не должно быть другихъ видовъ. Если душа ваша благородна — вотъ ея цѣль".

Кромѣ общихъ предложеній, въ родѣ вышеприведенныхъ, великая княгиня разрѣшаетъ единичные частные вопросы; затрогиваетъ вопросы по статистикѣ народонаселенія, промышленности, податной повинности; говоритъ о неудобствахъ, какія приходится встрѣчать законодателю при составленіи новаго закона—„въ такомъ случаѣ не будутъ излишни никакія размышленія и обдуманность". Въ особенности Екатерина въ этомъ случаѣ рекомендуетъ законодателю раньше выслушать мнѣніе той стороны, на которую предполагаемый законъ будетъ распространяться; вмѣстѣ съ тѣмъ она и предостерегаетъ его: „Берегитесь сколько возможно издать какой-либо законъ и потомъ отмѣнить его, такъ какъ

это будетъ значить вашу неразсудительность и слабость, что̀ лишаетъ васъ довѣрія страны".

Въ особенности живой интересъ Екатерина принимала въ вопросахъ, касающихся судебной расправы и уголовнаго права. Чрезвычайно категорично высказывалась она противъ пытки и противъ конфискаціи имущества. Къ „чрезвычайной коммиссіи для сужденія виновнаго, особенно когда эта коммиссія должна оставаться негласною", великая княгиня предполагаетъ, что у нея „всю жизнь будетъ отвращеніе". Только справедливость и благосостояніе страны она ставитъ выше всего. „Пусть связываютъ мнѣ руки, когда хотятъ помѣшать злу, — пишетъ она, — но оставляйте меня свободною дѣлать добро" и т. д.

Казалось, будто Екатерина, еще за нѣсколько лѣтъ до воцаренія, была проникнута убѣжденіемъ, что рано или поздно ей удастся примѣнить свои идеальные принципы на дѣлѣ, самостоятельно и безъ всякой помѣхи. Она хотѣла дѣйствовать въ смыслѣ прогресса; мысль реформъ воодушевляла ее. „Одна обязанность у Государя, — писала она г-жѣ Біельке, — которая состоитъ въ томъ, чтобы желать благосостоянія своимъ подданнымъ" *).

Съ глубокимъ сознаніемъ понимала она, какъ проводить въ государственной жизни реформы. „Часто лучше внушать, чѣмъ предписывать реформы", — гласитъ другая изъ ея замѣтокъ — принципъ, совершенно соотвѣтствовавшій впослѣдствіи наказу къ сочиненію новаго уложенія.

Наряду съ столь сильнымъ стремленіемъ къ царственной дѣятельности, Екатерина совмѣщала въ себѣ другое направленіе; она старалась пріобрѣсти не только всеобщую любовь, но и популярность. Къ той эпохѣ,

*) «Сборн. Русск. Ист. Общ.» X, 165.

когда она еще была невѣстою, относится слѣдующая собственноручная ея замѣтка. „Я старалась привлечь къ себѣ всѣхъ; никѣмъ я не пренебрегала, ни малымъ, ни великимъ; я приняла за правило думать, что всѣмъ я обязана, и поэтому считала долгомъ все дѣлать, чтобы пріобрѣсти къ себѣ расположеніе, что̀ на дѣлѣ мнѣ и удалось*)“. Она старалась уловить способъ, какъ вѣрнѣе пріобрѣсти благорасположеніе Елизаветы Петровны, и въ этомъ отношеніи немалую услугу оказала ей ея камерфрау Крузе хорошими совѣтами **). Впослѣдствіи, Екатерина Алексѣевна разсказывала довольно подробно, какими способами ей удавалось пріобрѣтать привязанность нѣкоторыхъ придворныхъ. Относительно пожилыхъ дамъ, она выказывала особенную предупредительность, постоянно встрѣчала ихъ ласково, старалась разспрашивать и высказывать свои благопожеланія соотвѣтственно обстоятельствъ, лично ихъ касающихся, интересовалась состояніемъ ихъ здоровья и тѣми медицинскими средствами, которыя они употребляютъ въ случаѣ нездоровья, терпѣливо выслушивала ихъ длинные разсказы, относилась къ нимъ за совѣтомъ, разспрашивала про имена ихъ любимыхъ собачекъ и попугаевъ, старалась припоминать и во̀ время поздравлять по случаю дня ихъ рожденія, имянинъ и т. д. При помощи такихъ легкихъ средствъ, Екатеринѣ удалось въ скоромъ времени развѣять ту холодность и подозрительность, съ которою многіе ее встрѣтили, по пріѣздѣ ея въ Россію, и въ нихъ же пріобрѣсти доброжелателей, содѣйствовавшихъ ей впослѣдствіи принять самодержавіе.

Съ пріобрѣтеніемъ познаній и выработкою характера и взглядовъ совершенно государственныхъ, Екатерина сохраняла природную веселость и даже склон-

*) «Mémoires», 44.
**) «Mémoires», 59.

ность къ шаловливости. Физически-крѣпкая натура, веселый темпераментъ, живость и способность довольствоваться немногимъ, рядомъ съ дипломатическими способностями, — вотъ отличительныя черты Екатерины въ продолженіе всего періода ея жизни до самодержавія. Она одинаково была неспособна, какъ въ часы грусти жаловаться на судьбу или на ничтожность своего мужа, такъ же точно и сиднемъ сидѣть надъ книгами. Движеніе на вольномъ воздухѣ, веселое общество, оживленный разговоръ составляли для нея потребность.

При пріѣздѣ Екатерины въ Россію, молодость и здоровье ея были въ полной силѣ. Неудивительно, что она, будучи уже невѣстою, съ неподражаемымъ весельемъ пѣла, танцовала, смѣялась, играла въ жмурки съ состоящими при ней дѣвицами. Въ обществѣ послѣднихъ устроила она однажды въ Петергофѣ совершенно невинную прогулку, за которую ей сильно досталось отъ матери *). Будучи великою княгинею, Екатерина съумѣла пріобрѣсти, даже въ своихъ увеселеніяхъ, самостоятельность. Такъ напримѣръ, она слѣдующимъ образомъ описываетъ свой образъ жизни въ Ораніенбаумѣ лѣтомъ 1748 года: „Я вставала въ три часа утра и сама одѣвалась съ начала до конца въ мужской костюмъ; старый егерь, который состоялъ при мнѣ, уже ждалъ меня съ ружьями; вблизи, на берегу моря, находилась рыбачья лодка; мы проходили садъ пѣшкомъ съ ружьями черезъ плечо; мы садились, я, онъ, рыбакъ, который гребъ, и охотничья собака, въ эту лодку, и я такимъ образомъ отправлялась стрѣлять утокъ, въ тростникахъ, которые окаймляютъ съ двухъ сторонъ Ораніенбаумскій каналъ, впадающій въ море. Иногда, не смотря на бурную погоду, мы выходили въ этой лодкѣ въ

*) «Mémoires», 45.

открытое море. Часа черезъ два пріѣзжалъ и великій князь; если онъ насъ встрѣчалъ, мы продолжали охоту вмѣстѣ; если нѣтъ, то каждый изъ насъ охотился самъ по себѣ“ *).

Невозможно было-бы допустить, чтобы Екатерина долгое время могла найти удовлетвореніе въ забавахъ съ фрейлинами, въ чтеніи и въ теоретическихъ занятіяхъ. Избытокъ юношескихъ силъ, любовь къ жизни, глубоко вкоренившееся умственное стремленіе и большое честолюбіе требовали для нея простора и дѣятельности. Ея прошлое было скромно и безъ притязаній; сдѣлавшись Великою Княгинею, ее манила величайшая въ свѣтѣ корона. Впереди виднѣлись блескъ, слава и власть. Только съ внѣшней стороны судьба ее связала съ человѣкомъ слабымъ физически и умственно. Но природа, обстоятельства и самое положеніе дѣлъ страны, которой она отдалась, указывали ей другую самостоятельную дорогу. Недостатка въ иниціативѣ въ ней не было; для того чтобы не упускать то, что предлагали ей счастливыя обстоятельства, она умѣла ими пользоваться. Поэтому ей ничего инаго не могло предстоять, кромѣ самой блистательной будущности.

*) «Mémoires», 96—97.

XI.

Вернемся къ родителямъ Екатерины, чтобы ознакомиться, каковы были отношенія великой княгини къ нимъ послѣ отъѣзда матери въ Цербстъ, какой характеръ носили ихъ сношенія и какая участь постигла князей Цербстскихъ. Разлука съ родиною и роднею не могли не имѣть значенія для Екатерины. Съ переѣздомъ въ Россію, она на вѣки разсталась съ Цербстомъ, а вскорѣ послѣ того смерть Христіана-Августа и затѣмъ Іоганны-Елизаветы прервала всякую связь ея съ Германіею, и Екатерина Алексѣевна осталась болѣе чѣмъ когда-либо предоставленною самой себѣ. Судьба ея окончательно связалась съ Россіею.

Послѣ 22-хъ-мѣсячной отлучки, Іоганна-Елизавета прибыла 19-го ноября 1745 года къ себѣ въ Цербстъ. Безъ нея умерла другая малолѣтняя дочь ея Елизавета, и ея семейство теперь состояло изъ старика-мужа и ребенка-сына.

Сношенія съ Петербургомъ, хотя и затрудненныя, но продолжались. 30 (19) іюля 1746 года она, вмѣстѣ съ разными изъявленіями преданности, писала Елизаветѣ Петровнѣ: „Дерзаю всегда рекомендовать той высокой протекціи и милости, которыя Ваше Величество понынѣ дражайшему моему у васъ оставленному закладу оказывать удостоивали“ *).

*) «Осмпадцатый вѣкъ». Кн. I, 30.

Переписка съ дочерью велась очень рѣдко. Въ письмахъ Іоганны-Елизаветы уже не встрѣчаются тѣ обстоятельные отчеты образа жизни и дѣятельности, та заботливость и нѣжность, которыми были пропитаны письма ея изъ Россіи къ мужу. Екатеринѣ она пишетъ рѣдко, коротко, и если иногда и распространяется, то это только въ тѣхъ случаяхъ, когда проситъ русскую великую княгиню о заступничествѣ или содѣйствіи въ устройствѣ дѣлишекъ, касающихся ея или родственниковъ. По справедливости надо сказать, что переписка не была очень привлекательна, а въ особенности и не безопасна при тѣхъ условіяхъ, которыми канцлеръ обставилъ ихъ сношенія. Письма принцессъ подвергались перлюстраціи, великая же княгиня должна была только подписываться подъ оффиціальными письмами въ Цербстъ, которыя даже и сочинялись не ею, а въ иностранной коллегіи у графа Бестужева и состояли всѣ изъ однихъ и тѣхъ же спросовъ и увѣдомленій о здоровьи и пр.

Даже столь оффиціальное письмо, какъ требованіе отъ дочери отрицанія отъ права на наслѣдіе въ Цербстѣ, которое Іоганна-Елизавета писала 27-го ноября 1746 года и содержаніе котораго было отдѣльно сообщено Бестужеву, она не рѣшилась ввѣрить курьеру а переслала черезъ князя Голицына. Содержаніе отрицательнаго листа было составлено самимъ Христіаномъ-Августомъ, и подлинный листъ долженъ былъ быть подписанъ великимъ княземъ и великою княгинею и скрѣпленъ ихъ печатами. Главныя выдержки изъ него слѣдующія: „Сколь долго отъ нашего государя родителя наслѣдники мужскаго или же при насъ и еще женскаго полу будутъ, то мы, или наши родные наслѣдники, ни на княжескіе Ангальтъ-Цербстскія земли, волости и грунты, ни гершафство Еверское, ниже на отцовскія движимыя имѣнія притязаніе чинить или участіе въ

томъ принимать не хощемъ и не имѣемъ. А ежели вышепомянутое наслѣдство мужскаго и женскаго пола когда-либо вовсе пресѣчется (отъ чего однакожъ Боже милостиво да сохрани), то мы себѣ и нашимъ роднымъ наслѣдникамъ имянно предоставляемъ все то, что въ такомъ случаѣ неудѣльной княжеской Ангальтъ-Цербстской дщери и ея аллодіальной наслѣдницѣ по правамъ и обыкновенію принадлежитъ и принадлежать можетъ, развѣ что его свѣтлость вышеупомянутой нашъ государь-родитель о томъ инако духовною опредѣлилъ бы, которую мы по дочерней должности исполнять чрезъ сіе обнадеживаемъ, да и роднымъ нашимъ наслѣдникамъ то препоручить же хотимъ" *).

Лѣтомъ того-же года въ Цербстъ и Дорнбургъ пріѣзжалъ вице-канцлеръ графъ Воронцовъ, и съ этихъ поръ у матери Екатерины завелась пріятельская переписка съ графомъ и его женою Анною Карловною (ур. Скавронскою). Іоганна-Елизавета и здѣсь не упускаетъ случая, чтобы обращаться къ нему за помощью въ дѣлахъ своего княжества. Относительно дочери она ему пишетъ: „Я прошу вашей милой и дорогой дружбы не только для себя и нашей семьи здѣсь, но и для моей милой и единственной дочери; великая княгиня и самъ великій князь еще молоды и вслѣдствіе этого, конечно, склонны заблуждаться; помогите имъ, графъ, избѣгать ошибки, будьте всегда ихъ другомъ, не отказывайте имъ въ совѣтахъ, въ которыхъ они нуждались-бы, будьте имъ вѣрною опорою и не оставляйте ихъ" **).

Нѣсколько позже, когда Елизавета Петровна охладѣла къ Екатеринѣ, и между ними начались столкновенія, въ Голштейнѣ газеты поторопились сообщить

*) «Осмнадцатый вѣкъ». Кн. I, 34.
**) «Арх. кн. Воронцова». Кн. I, 423.

публикѣ объ этой перемѣнѣ отношеній между членами русской царственной семьи. Іоганну-Елизавету подобное извѣстіе, дошедшее до нея совершенно стороною, должно было озаботить, и она поторопилась опять обратиться за заступничествомъ Воронцова: „Дошедшія до меня извѣстія, — пишетъ она, — которыя, какъ утверждаютъ, открыто печатаются въ Голштиніи, вынуждаютъ меня обратиться къ вамъ: въ нихъ не только сказано, что великій князь охладѣлъ къ великой княгинѣ, но что она имѣла несчастіе окончательно потерять благоволеніе Ея Императорскаго Величества. Предоставляю вашему сіятельству судить, какое впечатлѣніе должно было произвести извѣстіе, касающееся единственной и нѣжно любимой дочери на материнское сердце. Я скрываю эти извѣстія отъ мужа, который не могъ бы ихъ перенести, и убѣдительно прошу ваше сіятельство успокоить меня хотя однимъ словомъ. Ея Императорское Величество справедлива и доступна, что̀ я смѣю надѣяться въ пользу молодой дѣвушкѣ, которая, благодаря ея выбору, обязана всѣмъ. Но какъ бы тамъ ни было, во всякомъ случаѣ здѣсь дѣло касается славы великаго князя, и нужно было-бы уничтожить въ его владѣніяхъ столь непристойные слухи“ *).

Что касается писемъ Екатерины, то они были изготовлены всѣ почти по одному шаблону въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Для примѣра приводимъ одно отъ 29-го августа 1746 г.: „Милостивая государыня, дражайшая родительница. Посылаемыя вашею свѣтлостію отъ времени до времени пріятныя письма, изъ которыхъ послѣднее было 5 (13) текущаго мѣсяца, до меня всѣ вѣрно дошли и чрезвычайно утѣшили меня сообщенными тамъ извѣстіями о вашей свѣтлости и о про-

*) «Арх. кн. Воронц.», Кн. I, 424.

должающемся вожделѣнномъ здравіи вашего княжескаго семейства. Вы особенно обяжете меня, когда соизволите приписать молчаніе мое, которое до сихъ поръ хранила, не забывчивости и не какому нибудь постигшему меня нездоровію, но просто путешествію въ Ревель, а также разнымъ поѣздкамъ туда и сюда. Впрочемъ, ваша свѣтлость можете быть вполнѣ увѣрены, что, само собою разумѣется, для меня всегда будетъ пріятно получать отъ васъ извѣстія, точно такъ-же какъ я буду съ удовольствіемъ пользоваться всякимъ случаемъ увѣрять васъ въ неизмѣнныхъ чувствахъ, съ которыми навсегда остаюсь, милостивая государыня, дражайшая матушка, вашей свѣтлости преданнѣйшая дочь

Екатерина".

(Собственноручная приписка:)

„Вотъ, наконецъ, загадка объяснилась: честь тому, кто хорошо понялъ! Разгадайте, милостивая государыня, если возможно, и вѣрьте, что я еще остаюсь все тою же" *).

Для объясненія этой приписки, необходимо припомнить, что, благодаря подозрительности графа Бестужева, великой княгинѣ пресѣчена была возможность переписываться съ матерью, и ей дозволялось писать только письма, полныя общихъ мѣстъ. Вотъ что разсказывала по этому поводу сама Екатерина въ своихъ запискахъ по случаю пріѣзда въ Петербургъ мальтійскаго кавалера Сакромозо: „Онъ былъ намъ представленъ. Цѣлуя руку, Сакромозо успѣлъ передать мнѣ маленькую записочку и сказалъ очень тихо: „Это отъ вашей матушки". Я почти остолбенѣла въ ужасѣ отъ того, что онъ сдѣлалъ, и умирала отъ страха, чтобы кто-нибудь не примѣтилъ, и особенно Чоглоковы, ко-

*) «Сборн. Русск. Ист. Общ.». VII, 69—70.

торые стояли тутъ очень близко. Однако я взяла записку и пропустила ее въ правую свою перчатку: никто этого не замѣтилъ. Возвратясь въ свою комнату, я дѣйствительно нашла въ этой свернутой запискѣ (въ которой онъ писалъ, что ждетъ отъ меня отвѣта чрезъ одного итальянца-музыканта, ходившаго на концерты великаго князя) письмо отъ моей матери. Она безпокоилась моимъ невольнымъ молчаніемъ, спрашивала у меня причину тому и хотѣла знать, въ какомъ я положеніи. Я отвѣчала сообщеніемъ о томъ, что желала она знать. Я ей разсказала, что мнѣ запрещено писать къ ней и къ кому-бы то ни было подъ предлогомъ, что русской великой княгинѣ неприлично писать иныхъ писемъ, кромѣ тѣхъ, которыя сочинялись въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ и подъ которыми я должна только подписывать мое имя и притомъ никогда не говорить, что слѣдуетъ писать, такъ какъ коллегія знаетъ лучше, чѣмъ я, что пристойно писать; что г. Олсуфьеву вмѣнили почти въ преступленіе то, что я послала къ нему нѣсколько строкъ, которыя просила его помѣстить въ письмѣ къ моей матери. Я сообщила еще многія другія ею требованныя извѣстія. Свернувъ записку такимъ же образомъ какъ и полученную мною, я съ нетерпѣніемъ и безпокойствомъ стерегла минуту, чтобы сбыть ее. На первомъ же концертѣ, бывшемъ у великаго князя, я обошла оркестръ и остановилась за стуломъ скрипача-солиста д'Ололіо, который былъ мнѣ указанъ. Когда онъ меня примѣтилъ за своимъ стуломъ, то сдѣлалъ видъ, будто вынимаетъ платокъ изъ кармана, который для того и раскрылъ въ ширину. Я спустила туда, какъ будто ни въ чемъ не бывало, мою записку и затѣмъ отошла въ сторону. Никто ничего не подозрѣвалъ. Сакромозо, во время своего пребыванія въ Петербургѣ, передалъ такимъ же способомъ еще двѣ

или три записки, и мои отвѣты отдавались ему подобнымъ же образомъ, и никто ничего не зналъ“ *).

Съ отцомъ сношенія Екатерины были еще рѣже, чѣмъ съ матерью. Мы видѣли, что дома, еще до бракосочетанія, она сама почти никогда не писала ему и сообщалась при посредствѣ матери. Къ тому же князь Цербстскій жилъ очень недолго и скончался на слѣдующій годъ послѣ свадьбы дочери. За годъ до смерти, онъ писалъ къ своему зятю, что у него лежатъ въ готовности къ выдачѣ „25 тыс. рейхсталеровъ приданыхъ и на уборъ денегъ, которыя Ея Императорскому Высочеству изъ дань здѣшней земли и гершафства Еверскаго опредѣлены, и ожидаетъ изволительной его диспозиціи“. При этомъ напоминаетъ, что отецъ его, герцогъ Голштинскій, обѣщалъ его супругѣ, при ея съ нимъ бракосочетаніи, „къ 10 тыс. рейхсталеровъ приданаго, находящимся и донынѣ въ голштинской каморѣ, прибавить, когда его обстоятельства поправятся“.

Дочери онъ пишетъ, чтобы она старалась за эти деньги получить отъ мужа взаимную отказную дачу изъ голштинскихъ земель **).

5-го ноября 1746 года умеръ Іоганнъ-Людовикъ, соправительствующій князь Ангальтъ-Цербстскій. Отецъ Екатерины остался единоправителемъ, но, какъ уже было сказано, не надолго, 16-го марта 1847 года онъ умеръ (3-го мая того же года скончалась сестра его Софія-Христіана). Въ духовной своей кн. Христіанъ-Августъ назначилъ Екатерину, въ случаѣ кончины малолѣтняго ея брата, который, оставшись послѣ отца 13-ти лѣтъ отъ роду, наслѣдовалъ ему въ правахъ владѣнія, своею единственною наслѣдницею. Но, за несовершенно-

---

*) «Mémoires», 92—93. «Сборн. Русск. Ист. Общ.» — VII, 70.
**) «Осмнадцатый Вѣкъ».—I, 31.

лѣтіемъ сына, княжествомъ начала управлять Іоганна-Елизавета. Вскорѣ, именно въ 1748 г., она, неизвѣстно почему, послала сына учиться въ Лозанну и писала о немъ изъ Цербста къ дочери въ Москву (19-го декабря 1749 года): „Мой сынъ все въ Лозаннѣ, въ Швейцаріи, веселъ какъ зябликъ; его хвалятъ учителя и люди знающіе“ *).

Екатерина описываетъ, какимъ образомъ было принято ею и при дворѣ извѣстіе о смерти ея отца: „Мнѣ объявили о смерти отца, что меня чрезвычайно растрогало. Мнѣ дали возможность оплакивать его, сколько я хотѣла, въ продолженіе восьми дней; но по ихъ истеченіи, Чоглокова пришла мнѣ сказать, что довольно плакать, что Императрица приказываетъ мнѣ кончить, потому что мой отецъ — не король. Я ей отвѣтила на это, что дѣйствительно отецъ не былъ королемъ, на что она мнѣ возразила, что непристойно великой княгинѣ дольше оплакивать отца, который не былъ королемъ. Наконецъ установили, что будущее воскресенье я должна появиться и что я буду носить трауръ въ продолженіе шести недѣль“ **).

Въ 1752 году братъ Екатерины, князь Фридрихъ-Августъ, вступилъ въ управленіе своимъ Цербстомъ, но прожилъ въ немъ недолго. Вопреки приверженности своей матери къ королю Фридриху, молодой князь не скрывалъ своего отвращенія къ нему. Въ 1756 году, когда возгорѣлась Семилѣтняя война, у него въ Цербстѣ нашелъ себѣ убѣжище нѣкій маркизъ де-Фрэнь (de Fraigne), преслѣдуемый Фридрихомъ Великимъ, какъ лазутчикъ французскаго правительства. Фридрихъ потребовалъ, чтобы де Фрэнь былъ удаленъ, и когда

---

*) «Осмнадцатый Вѣкъ», — I, 35.
**) «Mémoires», 79.

требованіе не было исполнено, прусскій генералъ Зейдлицъ явился въ Цербстъ съ отрядомъ гусаръ, съ тѣмъ, чтобы арестовать француза; но князь Цербстскій, вмѣсто того, чтобы его выдать, далъ ему помѣщеніе въ своемъ замкѣ. Вслѣдъ затѣмъ прусскія войска, подъ командою извѣстнаго Клейста, окружили княжеское жилище и грозили стрѣлять въ случаѣ упорства. Маркизъ былъ выданъ. Король Прусскій написалъ къ Іоганнѣ-Елизаветѣ письмо (изъ Бреславля, 14-марта 1758) съ изложеніемъ причинъ, побудившихъ его къ такому поступку; но Іоганна-Елизавета и сынъ ея обратились съ жалобами на учиненное Прусскимъ королемъ насиліе въ Петербургъ и Вѣну, и такъ какъ эти жалобы ни къ чему, разумѣется, не повели (такъ какъ и безъ того шла ожесточенная война), то мать и сынъ принуждены были бросить страну свою, раззоряемую войсками, и уѣхали въ Гамбургъ.

Такимъ образомъ долголѣтняя связь съ Пруссіею была порвана. Казалось бы естественнымъ искать, съ помощью дочери, убѣжища въ Петербургѣ тѣмъ болѣе, что русскимъ великимъ канцлеромъ уже былъ тогда короткій знакомецъ Іоганны-Елизаветы, графъ М. Л. Воронцовъ; но сама дочь ея, великая княгиня Екатерина Алексѣевна, находилась въ это время въ явной опалѣ у Императрицы и едва не подверглась допросу по поводу низверженія графа Бестужева. Русская, довольно щедрая, пенсія и доходы изъ Цербста давали возможность Цербстской княгинѣ жить въ свое удовольствіе. Свободная отъ всякихъ дѣлъ, она рѣшилась выбрать мѣстомъ жительства городъ, уже тогда самый веселый въ мірѣ и вполнѣ соотвѣтствовавшій ея вкусамъ, ея любви къ искусствамъ и къ оживленнымъ бесѣдамъ. Въ 1758 г. Іоганна-Елизавета поселилась въ Парижѣ, подъ именемъ графини Ольденбургской, и такъ какъ

она отчасти пострадала за покровительство, оказанное французскому маркизу, то король Людовикъ XV отвелъ ей помѣщеніе въ Люксамбургскомъ дворцѣ. Нѣкто Шампо, французскій дипломатическій чиновникъ, провожалъ ее во Францію. Онъ же уговорилъ ее писать свои записки о Россіи, которыя, къ сожалѣнію, она успѣла довести только до воцаренія Императрицы Елизаветы *). Въ Парижѣ она прожила остатки дней своихъ и скончалась въ 1760 году.

*) «Осмнадцатый Вѣкъ». I, 36.

XII.

По началу замужества Екатерины легко можно было предвидѣть, каково предстояло ей то необыкновенное счастіе (fortune non commune), которое сулилъ ей Фридрихъ II. Между мужемъ, поведеніе котораго могло только оттолкнуть отъ себя, и Елизаветою Петровною,—правда, доброю, но своенравною, вспыльчивою, подозрительною и склонною придавать вѣру всевозможнымъ доносамъ,— счастіе это сопровождалось всевозможными непріятностями, дрязгами и даже почти, можно сказать, рабствомъ. Въ своихъ покояхъ Екатерина была обставлена шпіонами; назначенные къ ней Чоглоковы скорѣе изображали изъ себя какихъ-то стражниковъ при арестантахъ, чѣмъ совѣтниковъ и руководителей, на которыхъ Екатерина Алексѣевна могла бы перенести свою любовь и довѣріе. Въ первыя пять лѣтъ замужества она была обставлена всевозможными строгостями.

По переѣздѣ двора на зиму 1747 года въ Петербургъ, было строжайше воспрещено кому бы то ни было входить къ великому князю и великой княгинѣ безъ особаго разрѣшенія Чоглоковыхъ. Даже придворнымъ дамамъ и кавалерамъ возбранялось переступать порогъ внутреннихъ апартаментовъ; они могли только являться въ пріемной и притомъ отнюдь не говорить шопотомъ

даже съ прислугою, а только полнымъ голосомъ *). Строгости эти доходили до того, что великой княгинѣ не смѣли даже сообщать того, что происходило въ городѣ и при дворѣ. По этому поводу Екатерина сама разсказываетъ, что когда зимою былъ посланъ князь Репнинъ, котораго она такъ уважала, въ Богемію, командовать войсками, отправленными на помощь Маріи-Терезіи, она объ этомъ ничего не подозрѣвала. Это назначеніе было для него равносильно опалѣ. Онъ уѣхалъ совершенно больной и больше уже никогда не возвращался. Смерть его лишила Екатерину одного изъ немногихъ друзей. „Первое извѣстіе я получила черезъ княжну Гагарину, мою фрейлину, замѣчаетъ Екатерина, не смотря на всѣ запрещенія допускать до насъ малѣйшее слово, касающееся того, что происходило въ городѣ или при дворѣ. Изъ этого можно видѣть, что означаютъ подобныя запрещенія, которыя никогда не могутъ быть строго выполнены, потому что слишкомъ много лицъ заинтересованныхъ въ ихъ нарушеніи. Всѣ окружавшіе, даже близкіе родственники Чоглоковыхъ, интересовались уменьшить строгость своего рода политической тюрьмы, въ которой насъ старались удерживать“ **).

Подобное отношеніе къ молодымъ людямъ могло только раздражать ихъ, а въ особенности умную, живую Екатерину Алексѣевну, но никакъ не уберечь ихъ отъ дурнаго примѣра и соблазна. Напротивъ того, благодаря этой системѣ, соблазнъ и дурной примѣръ сами напрашивались и пріучали къ хитрости и изворотливости, вызываемымъ желаніемъ избѣгнуть или обойти надзоръ.

---

*) «Mémoires», 83.
**) «Mémoires», 85.

Имѣя въ рукахъ инструкцію, сами Чоглоковы на дѣлѣ не могли выполнить ни одного ея пункта. Ихъ придирчивый и злой нравъ, вмѣстѣ съ полною несостоятельностью, отталкивалъ отъ нихъ всѣхъ и былъ причиною перехода лицъ, имъ же приверженныхъ, на сторону противную. Даже камеръ-юнгфера Крузе не могла ужиться съ ними, и, вовсе не сочувствуя великому князю, только въ пику Марьѣ Симоновнѣ, содѣйствовала ему скрывать шалости отъ ихъ бдительности. Такъ напримѣръ, она доставляла ему куклы и всевозможныя игрушки, которыя великій князь чрезвычайно любилъ, и сама помогала прятать ихъ днемъ подъ кровать, а ночью раскладывать на постели, для чего двери запирались на ключъ изнутри. „Однажды, разсказываетъ Екатерина, — Чоглокова, которая вѣрно прослушала объ этихъ ночныхъ забавахъ, постучалась въ спальню около двѣнадцати часовъ ночи. Ей сразу не открыли, потому что великій князь, М-мъ Крузе и я стали торопиться убирать игрушки и засовывать ихъ подъ одѣяло. Когда это было сдѣлано, дверь открыли, но Чоглокова ужасно горячилась, отчего ее такъ долго заставили ждать, и объявила, что Императрица будетъ очень сердиться, если узнаетъ что мы въ такіе часы еще не спимъ. Потомъ она, ворча удалилась, не сдѣлавъ никакихъ другихъ открытій“ *). Точно также, въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, великому князю удавалось скрывать отъ бдительности своихъ аргусовъ цѣлую псарню, которую онъ устроилъ въ своей комнатѣ за перегородкою и затѣмъ частые маскарады въ спальнѣ жены. Вотъ каковъ былъ надзоръ.

Сами Чоглоковы —„добродѣтельные и нѣжные супруги, родители многочисленныхъ дѣтей“ — не могли служить

*) «Mémoires», 82.

примѣромъ. На глазахъ Екатерины Алексѣевны и Петра Ѳедоровича разыгрывались сцены, которыя не только вызывали ихъ смѣхъ, но могли служить только соблазномъ.

Не смотря на то, что Чоглоковы явно были всѣми нелюбимы и что петергофская исторія должна была внушить имъ нѣкоторую сдержанность и осторожность, отношенія ихъ къ августѣйшимъ воспитанникамъ нисколько не улучшились и продолжали далеко не соотвѣтствовать требованіямъ самымъ элементарнымъ отъ наставниковъ. Они были вспыльчивы и дерзки и въ порывѣ гнѣва забывали, съ кѣмъ имѣютъ дѣло. Екатерина часто упоминаетъ о ссорахъ, происходившихъ между Петромъ Ѳедоровичемъ и ими. Между прочимъ она упоминаетъ одну, достигшую весьма крупныхъ размѣровъ изъ за бани, которую великій князь не желалъ принять. Они начали браниться въ полномъ смыслѣ слова и „другъ другу высказывали все, что только одна ярость можетъ внушить самаго оскорбительнаго“ *).

Понятно, что подобныя отношенія не только не могли вселить въ молодыхъ людяхъ уваженія къ своимъ наставникамъ, но скорѣе вызывали въ нихъ чувства ненависти и презрѣнія. Думая пріобрѣсти исключительное вліяніе на великаго князя и великую княгиню, Чоглоковы употребляли всѣ усилія, чтобы отдалить отъ нихъ всѣхъ тѣхъ, кто, казалось, былъ къ нимъ болѣе привязанъ. Такъ камеръ-юнгферша Крузе была, по ихъ домогательствамъ, замѣнена Прасковьей Никитичной Владиславлевой; любимый камердинеръ Екатерины Алексѣевны и вполнѣ преданный ей Тимоѳей Евреиновъ безъ всякихъ уважительныхъ причинъ удаленъ и вмѣсто него назначенъ Шкуринъ, къ которому Екатерина не имѣла вначалѣ никакого довѣрія.

---

*) «Mémoires», 129.

Вліяніе Чоглоковыхъ было особенно вредно для Петра Ѳедоровича: они ни въ чемъ не могли содѣйствовать великому князю отстать отъ прежнихъ дурныхъ привычекъ и стать на высоту своего назначенія. Они даже не были въ состояніи руководить имъ при выборѣ книгъ для чтенія, какъ предписывала составленная для нихъ инструкція. Екатерина разсказываетъ про своего мужа: „Онъ покупалъ себѣ нѣмецкія книги; но какія книги! Часть составляли лютеранскіе молитвенники, другая часть состояла изъ исторій и судебныхъ дѣлъ разныхъ воровъ и разбойниковъ, которые были повѣшены или колесованы. Онъ все это читалъ въ перемежку“ *)! Чоглоковы не умѣли умѣрить склонности Петра Ѳедоровича къ напиткамъ, равно какъ не замѣчали постоянныхъ ухаживаній его за особами, состоявшими при дворѣ, то за принцессою курляндскою, дочерью Бирона, то за Шафировою или за племянницею графа Разумовскаго Тепловою; Екатерину все это глубоко оскорбляло, она таила въ себѣ чувство оскорбленнаго самолюбія, но вмѣстѣ съ тѣмъ чувствовала себя совершенно безпомощною направить мужа на надлежащій путь.

Особенно памятна для нея была зима 1750 года. Обстоятельства сложились такъ, что ей болѣе всего приходилось быть въ обществѣ Чоглоковыхъ и слѣдовательно свидѣтельницею всякихъ безобразій. Императрица въ этомъ году провела почти весь великій постъ въ Царскомъ Селѣ. Въ Петербургѣ почти все общество разъѣхалось; поэтому Чоглоковы устроились такъ, чтобы ежедневно Екатерина Алексѣевна съ мужемъ проводили вечера у нихъ. Кромѣ того, къ нимъ приглашались дежурныя дамы и кавалеры и непремѣнно

*) «Mémoires», 120.

принцесса Курляндская. Здѣсь-то великій князь въ нее влюбился и на глазахъ Чоглоковыхъ и своей супруги, не стѣсняясь, ухаживалъ за нею. Можно себѣ представить, какъ тяжело должно было быть Екатеринѣ переносить подобное поведеніе мужа, тѣмъ болѣе, что сама принцесса, сознавая предпочтеніе къ ней великаго князя передъ женою, не стѣснялась, въ свою очередь, обходиться крайне надменно съ великою княгинею.

Екатерина Алексѣевна понимала, что, при существовавшемъ положеніи дѣлъ, всякіе протесты съ ея стороны были бы безполезны и самое благоразумное, что ей оставалось дѣлать—это избѣгать, на сколько возможно, мужа и Чоглоковыхъ. Такова видно была ея судьба; необходимость избѣгать тѣхъ, къ кому болѣе всего она должна была бы стремиться и, напротивъ того, искать нравственную поддержку и сочувствіе въ постороннихъ.

При полномъ отсутствіи какихъ-либо умственныхъ занятій, исключая тѣхъ, которыя Екатерина создавала себѣ сама, при помощи своихъ книгъ, каждый незначительный эпизодъ, происходившій около нея, привлекалъ ея вниманіе. Въ особенности должно было занимать и забавлять молодую, полную жизни, энергіи и веселости женщину все то, что было сопряжено съ нѣкоторою таинственностью или опасностью. Такъ, напримѣръ, Екатерина сама чрезвычайно наивно разсказываетъ про маленькую интригу, которую имѣла съ графомъ Захаромъ Чернышевымъ: „Въ концѣ осени 1751 г., разсказываетъ она, графъ Захаръ Чернышевъ вернулся въ Петербургъ. Въ качествѣ стараго знакомаго, я съ нимъ обращалась очень хорошо, и зависѣло только отъ меня объяснять себѣ его частыя посѣщенія такъ, какъ мнѣ хотѣлось. Онъ началъ съ того, что объявилъ мнѣ, будто нашелъ меня очень по-

хорошѣвшей; это былъ первый разъ въ жизни, что мнѣ пришлось выслушать подобное заявленіе отъ кого бы то ни было. Я нашла это недурнымъ. Я сдѣлала больше; я имѣла наивность повѣрить, что онъ говорилъ правду. На каждомъ балу—новое заявленіе подобнаго рода. Однажды княжна Гагарина передала мнѣ отъ него сюрпризъ, разбивъ который, я замѣтила, что онъ былъ уже сломанъ и снова склеенъ. Билетикъ въ немъ былъ какъ всегда напечатанный, но это было два стиха очень нѣжные и прочувствованные. Послѣ обѣда я велѣла себѣ подать нѣсколько сюрпризовъ и стала разыскивать между ними нѣсколько билетиковъ, которые могли-бы служить отвѣтомъ на его билетикъ, не компрометтируя меня. Я нашла одинъ; я его вложила въ сюрпризъ, изображавшій апельсинъ, и отдала княжнѣ Гагариной *), которая передала его графу Чернышеву. На слѣдующій день она опять вручила мнѣ отъ него сюрпризъ; но этотъ разъ я нашла въ немъ записку въ нѣсколько строкъ, написанную его рукою. Я отвѣтила, и вотъ между нами завязалась переписка совершенно сантиментальная. На первомъ же маскарадѣ, танцуя со мною, онъ мнѣ сказалъ, что имѣетъ тысячу вещей передать мнѣ, но не можетъ довѣрить ихъ бумагѣ, ни вложить въ сюрпризъ, который княжна Гагарина могла бы сломать въ своемъ карманѣ или потерять на дорогѣ; что онъ проситъ назначить ему минуту свиданія въ моей комнатѣ или тамъ, гдѣ я сочту болѣе удобнымъ. Я ему отвѣтила, что это невозможно, что мои комнаты недоступны и что я сама не могу выходить изъ нихъ. Онъ мнѣ сказалъ, что переодѣнется лакеемъ, если

*) При великой княгинѣ состояли фрейлинами двѣ княжны Гагарины, вышедшія впослѣдствіи замужъ, одна за фельдмаршала князя А. М. Голицына; другая — за графа Матюшина. — «Осмнадцатый Вѣкъ». Кн. II, стр. 437.

нужно; но я наотрѣзъ отказала, и все дѣло ограничилось этою перепискою въ сюрпризахъ“ *).

Чоглоковы не только не замѣчали этихъ шалостей, но самъ Николай Наумовичъ чуть не затѣялъ подобной же интриги со своею воспитанницею. Ухаживанія Чоглогова имѣли для Екатерины по крайней мѣрѣ ту хорошую сторону, что Марья Симоновна, догадавшись о продѣлкахъ мужа, была крайне благодарна Екатеринѣ за ея тактичность, оцѣнила ея достоинства и даже полюбила ее, на сколько она могла любить. Екатерина такъ разсказываетъ про эту исторію: „Во время охотъ, я замѣтила, что г. Чоглоковъ чрезвычайно смягчался, особенно относительно меня. Это заставило меня подозрѣвать, что не собирается-ли онъ за мною ухаживать, что для меня было бы вовсе неподходяще. Начиная съ того, что эта личность мнѣ вовсе не нравилась: онъ былъ блондинъ и фатъ, очень толстъ и такъ же неповоротливъ тѣломъ, какъ и умомъ, онъ былъ всѣми ненавидимъ какъ жаба, и совершенно не былъ любезенъ. Ревности, злости и недоброжелательности его жены нужно было тоже избѣгать, въ особенности мнѣ, у которой не было другой поддержки, какъ въ самой себѣ и моихъ достоинствахъ, если таковыя у меня были. Слѣдовательно, я избѣгала и отстраняла, на сколько мнѣ кажется, очень ловко, всѣ преслѣдованія Чоглокова, и при этомъ еще такъ, что онъ никогда не могъ жаловаться на мою вѣжливость. Это было отлично замѣчено его женою, которая была мнѣ благодарна и впослѣдствіи очень меня полюбила“ **). Въ концѣ же лѣта, добавляетъ Екатерина, „г-жа Чоглокова такъ непритворно и особенно ко мнѣ пристрастилась, что, вернувшись въ городъ, она не могла обой-

*) «Mémoires», 165—166.
**) «Mémoires», 145.

тись безъ меня и скучала, когда меня съ нею не было. Причина этого пристрастія была та, что я вовсе не отвѣчала тому-же чувству, которое питалъ ея мужъ относительно меня, что составило мнѣ какое-то странное достоинство въ глазахъ его жены“ *).

Такъ, большею частью въ обществѣ Чоглоковыхъ, протелки первыя пять лѣтъ замужества Екатерины, безсодержательно и однообразно. Скука домашней жизни разнообразилась переѣздами изъ одного дворца въ другой и поѣздками, большею частью съ Императрицею, на богомолье, или къ графу Алексѣю Григорьевичу Разумовскому въ его имѣнія. Но и эти поѣздки были, по какому-то несчастному для Екатерины сплетенію обстоятельствъ, неудачны. Такъ, лѣтомъ 1748 года жизнь ея чуть не подверглась опасности. Въ маѣ Императрица, вмѣстѣ съ великимъ княземъ и великою княгинею, поѣхала къ графу Разумовскому въ его имѣніе Гостилицы, находившееся близъ Петербурга. Туда же между прочими былъ приглашенъ и цесарскій посолъ баронъ Претлахъ, сбиравшійся отправиться въ Вѣну. Въ этотъ день, послѣ ужина, окончившагося очень поздно, всѣ разошлись по своимъ комнатамъ, а великій князь съ супругою — въ особый домикъ, который былъ имъ отведенъ потому, что мѣстоположеніе его очень имъ нравилось; они въ немъ жили прошлую зиму, когда Императрица пріѣзжала на имянины къ графу. Пріѣхавшій въ ту ночь изъ Ораніенбаума сержантъ гвардіи Левашовъ, найдя въ Гостилицахъ всѣхъ спящими, сѣлъ возлѣ дома у караульнаго. Вдругъ онъ услышалъ трескъ и въ то же время замѣтилъ, что снизу каменная кладка дома разваливается. Левашовъ бросился въ домъ и далъ знать объ угрожавшей опас-

*) «Mémoires», 164.

ности; такъ какъ двери были заперты на ключъ, то ихъ выломали. Великій князь успѣлъ надѣть свой шлафрокъ и выйти изъ дому. Великая же княгиня побѣжала въ сосѣдную комнату, чтобы разбудить г-жу Крузе, помогла ей наскоро одѣться и затѣмъ вышла вмѣстѣ съ нею. Едва онѣ успѣли переступить порогъ залы, какъ зданіе рухнуло съ страшнимъ трескомъ. Онѣ упали на полъ. Левашовъ въ это время вбѣжалъ въ комнату, схватилъ великую княгиню на руки и бросился по лѣстницѣ, но не нашелъ ея уже; лѣстница передъ этимъ провалилась. Нѣсколькимъ людямъ удалось вкарабкаться по развалинамъ, и они, передавая Екатерину Алексѣевну съ рукъ на руки, благополучно вынесли ее изъ дому на лугъ. Многіе изъ находившихся въ этомъ домѣ были сильно ушиблены, и между, прочими княжна Гагарина. Въ нижнемъ этажѣ было убито три человѣка. Шестнадцать работниковъ, спавшихъ возлѣ дома, были раздавлены.

Причина паденія дома была слѣдующая: домъ этотъ былъ выстроенъ наскоро осенью; архитекторъ приказалъ поставить въ сѣняхъ нижняго этажа 12 бревенъ, вмѣсто столбовъ, и такъ какъ ему въ это время слѣдовало уѣхать по дѣлу, то онъ приказалъ, чтобы безъ него не дотрогивались до этихъ бревенъ. Но оставшійся управитель узнавъ, что великій князь съ супругою намѣрены пріѣхать въ Гостилицы и остановиться въ этомъ домѣ, велѣлъ срубить бревна, чтобы они не обезображивали сѣней. Разъ подпорки были уничтожены, верхнему этажу неминуемо грозило паденіе, что дѣйствительно и случилось. Екатерина Алексѣевна по счастію отдѣлалась только испугомъ и легкимъ ушибомъ, изъ за котораго ей пустили кровь. Хозяинъ дома, какъ можно себѣ представить, былъ въ отчаяніи и хотѣлъ дома застрѣлиться, но, замѣчаетъ Екатерина,

„вѣроятно ему помѣшали, потому что онъ ничего надъ собою не сдѣлалъ“ *).

Другой памятный случай для Екатерины былъ въ слѣдующемъ году, во время переѣзда изъ Москвы въ Петербургъ, въ декабрѣ мѣсяцѣ. На полдорогѣ, у нея началась зубная боль, которой она вообще часто была подвержена. „День и ночь — разсказываетъ Екатерина — ѣхали въ открытыхъ саняхъ. Великій князь не соглашался ихъ закрыть. На силу согласился онъ задернуть занавѣску, съ моей стороны, противъ сильнаго встрѣчнаго холоднаго и сыраго вѣтра. Наконецъ мы пріѣхали въ Царское Село, гдѣ уже находилась Императрица. Только что я вышла изъ саней и вошла въ предназначенную мнѣ комнату, какъ тотчасъ же послала за докторомъ Ея Величества — Бёрхаве, внукомъ знаменитаго, и просила его вытащить мнѣ зубъ, который мучилъ меня четыре или пять мѣсяцевъ. Хотя онъ неохотно соглашался, но я настояла. Наконецъ онъ послалъ за Гюономъ, моимъ хирургомъ; я сѣла на полъ, Бёрхаве съ одной стороны, Чоглоковъ съ другой, а Гюонъ сталъ тащить зубъ. Но въ тотъ моментъ когда онъ его вытащилъ, мои глаза, носъ и ротъ превратились въ фонтаны; изо рта текла кровь, изъ глазъ и изъ носу — вода. Тогда Бёрхаве вскричалъ: „Неловкій“! и, посмотрѣвъ на зубъ, сказалъ: „Это именно то, чего я боялся и отчего не хотѣлъ его тащить“! Гюонъ, вырывая зубъ, отломилъ частичку нижней челюсти. Меня уложили въ постель. Я болѣе четырехъ недѣль чрезвычайно страдала. Но, не смотря на это, мы поѣхали на слѣдующій день послѣ операціи въ городъ и все-таки въ открытыхъ саняхъ. Я стала выходить изъ комнаты только въ серединѣ января, потому что на нижней части щеки все еще оставался отпеча-

*) «Mémoires», 89—91.

токъ пяти пальцевъ господина Гюона, въ видѣ синихъ и желтыхъ пятенъ“ *).

Рѣдкій разсказъ Екатерины Алексѣевны о какой-нибудь поѣздкѣ въ это время не сопровождался какимъ-либо непріятнымъ случаемъ. Притомъ обстановка, въ которой ей приходилось быть, не смотря на большую расточительность двора, была крайне непривлекательна и сопровождалась большими лишеніями. Чтобы дать понятіе, при какихъ условіяхъ приходилось жить великой княгинѣ, лучше всего привести ея же разсказъ по этому поводу. Разсказъ ея относится къ 1751 году:

„Дворъ въ то время былъ такъ дурно обставленъ, что даже зеркала, кровати, стулья, столы и комоды, которые намъ служили въ зимнемъ дворцѣ, слѣдовали за нами въ лѣтній дворецъ, оттуда въ Петергофъ и сопровождали насъ даже въ Москву. При перевозкѣ значительное количество ихъ ломалось и разваливалось, и въ такомъ состояніи разрушенія намъ ихъ давали, такъ что съ трудомъ можно было ими пользоваться. Такъ какъ надо было имѣть особое соизволеніе Императрицы, чтобы ихъ замѣнять другими, и такъ какъ большею частью доступъ къ ней былъ труденъ, а иногда и невозможенъ, то я рѣшилась мало-по-малу покупать на свои деньги комоды и самыя необходимыя вещи, какъ для зимняго дворца, такъ и для лѣтняго, такъ что, когда я переѣзжала изъ одного дворца въ другой, я находила все, что мнѣ было нужно, и не подвергалась случайностямъ перевозки. Это устройство понравилось великому князю, и онъ подобнымъ же образомъ распорядился относительно своихъ покоевъ. Въ Ораніенбаумѣ, который принадлежалъ великому князю, мы пріобрѣли на свои средства все, что намъ

*) «Mémoires», 124—125.

было нужно для нашихъ комнатъ и для дома. Я дѣлала все на свой счетъ, во избѣжаніе всякаго препирательства и затрудненія, потому что Его Высочество, хотя очень расточительный для своихъ фантазій, относительно меня, не только таковымъ не былъ, но вообще далеко не отличался щедростью; но такъ какъ то, что я дѣлала изъ своего кармана, служило къ украшенію его же дома, то онъ былъ этимъ очень доволенъ" *).

Рѣзкимъ контрастомъ бѣдности дворцовой обстановки служили постоянныя удовольствія при дворѣ, безсмѣнные вечера, балы и маскарады, которыми въ особенности отличалась зима 1750 года.

Дни недѣли были распредѣлены слѣдующимъ образомъ: два раза французская комедія, два раза маскарады, одинъ день былъ посвященъ концертамъ у великаго князя, а по воскресеньямъ бывалъ выходъ. На одинъ изъ маскарадовъ допускались только придворные чины, на другой — всѣ сановники, титулованныя особы, военные, до чина полковника, и всѣ гвардейскіе офицеры. Иногда допускались всѣ дворяне и избранные изъ купечества. Иногда на маскарады всѣ мужчины должны были являться въ женскихъ платьяхъ, а женщины — въ мужскихъ. Это называлось метаморфозами. Мужчины не любили этихъ метаморфозъ; бо̀льшая часть была въ эти дни въ самомъ дурномъ настроеніи духа, потому что каждый сознавалъ, что онъ былъ безобразенъ въ женскомъ одѣяньи. Женщины казались щедушными мальчиками, а болѣе пожилыя имѣли ноги короткія и толстыя, что не могло служить къ ихъ украшенію. Единственно кто дѣйствительно былъ хорошъ въ мужскомъ костюмѣ, это сама Императрица,

*) «Mémoires», 124—125.

въ особенности отличавшаяся граціею во время танцевъ. Екатерина однажды воспользовалась случаемъ, чтобы сказать Елизаветѣ Петровнѣ: „на сколько счастливо для женщинъ, что она не мужчина, потому что одинъ портретъ ея въ такомъ видѣ могъ-бы многимъ вскружить голову“ *). Эта любезность чрезвычайно понравилась Императрицѣ, которая тотчасъ же нашлась, чтобы отвѣтить ей соотвѣтствующею.

Екатерина Алексѣевна очень любила танцы: „На публичныхъ балахъ, — разсказываетъ она, — я обыкновенно переодѣвалась три раза; мой уборъ бывалъ чрезвычайно изысканъ, и если мой костюмъ вызывалъ всеобщее одобреніе, то навѣрное я его болѣе никогда не надѣвала, такъ какъ я приняла за правило, что если разъ онъ произвелъ большой эффектъ, то надѣтый второй разъ онъ уже произведетъ меньшій. На придворныхъ балахъ, на которыхъ не было посторонней публики, я одѣвалась на сколько могла проще, и этимъ я не мало угождала Императрицѣ, которая не любила, чтобы очень разодѣвались. Тѣмъ не менѣе, когда дамы получали приказаніе являться въ мужскомъ одѣяніи, я являлась въ великолѣпныхъ костюмахъ, вышитыхъ по всѣмъ швамъ, или особенно изысканныхъ, и это не только обходилось безъ критики, но, напротивъ того, нравилось Императрицѣ, не знаю собственно почему. Надо сознаться, что кокетство было въ то время чрезвычайно развито при дворѣ и каждый старался превзойти другихъ“ **).

Любовь Екатерины Алексѣевны къ танцамъ, доходившая иногда до увлеченія, была совершенно естественна. Природа молодой женщины, богатой силами физическими и умственными и не находившей въ семьѣ никакого занятія и удовольствія, требовала сильнаго физическаго

*) «Mémoires», 159.
**) «Mémoires», 155.

движенія; другою ея страстью, превосходившею любовь къ танцамъ, была верховая ѣзда. Вскорѣ послѣ пріѣзда въ Россію Екатерина Алексѣевна начала брать уроки верховой ѣзды. Вначалѣ уроки были неуспѣшны, но за то впослѣдствіи изъ нея вышла лихая наѣздница. Преимущественно она любила ѣздить по-мужски. Такъ какъ Императрица не одобряла этого способа ѣзды, то Екатерина сама изобрѣла и заказала себѣ такое сѣдло, на которомъ можно было, по желанію, сидѣть по-мужски и по-дамски. Она разсказываетъ, что бывали дни, въ которые она сидѣла на лошади до тринадцати часовъ подрядъ. Она заказывала себѣ платья для верховой ѣзды такія, которыя наиболѣе могли выдерживать всякія непогоды. Она пишетъ: „Въ сущности я не интересовалась охотою; но я страстно любила ѣздить верхомъ, и чѣмъ шибче была ѣзда, тѣмъ пріятнѣе мнѣ было; когда лошадь уходила, я бѣжала за нею и приводила назадъ. Въ то же время у меня въ карманѣ всегда была книга, и первую свободную минуту я употребляла на чтеніе“. Въ 1756 году великая княгиня стала брать систематическіе уроки ѣзды, но въ мужскомъ костюмѣ, въ 6 часовъ утра, на плацу, который ей служилъ манежемъ. Не безъ удовольствія вспоминаетъ она, какъ ея учитель Циммерманъ восторгался ея успѣхами, и, въ знакъ удовольствія, подарилъ ей серебряныя шпоры и имѣлъ даже намѣреніе обучать ее вольтижированію“ *).

---

*) «Mémoires», 143—144. 251—252. Соловьевъ, XXIV, 55. Brükner, 40.

XIII.

Съ каждымъ годомъ положеніе молодой великой княгини ухудшалось въ ея домашней обстановкѣ. Въ первыя пять лѣтъ замужества Екатерина Алексѣевна была „заключенною въ золотой клѣткѣ“. Подъ надзоромъ Чоглоковыхъ, каждое ея дѣйствіе было стѣснено, каждый шагъ, каждое слово подвергались строгой и недоброжелательной критикѣ, и если относительно ея предписанія инструкціи не исполнялись, то только благодаря безпечности и неумѣлости Чоглоковыхъ. Свобода дѣйствій, которою Екатерина располагала, достигалась исключительно путемъ всевозможныхъ ухищреній. Чѣмъ дальше, тѣмъ жизнь становилась труднѣе. Къ лишенію свободы присоединились постоянные соблазны. Въ мужа она совершенно потеряла вѣру, а вмѣстѣ съ нею пропала всякая надежда на его исправленіе и на возможность, съ его стороны, привязанности къ ней. Она писала г-жѣ Біельке въ 1767 году по поводу соболѣзнованія о судьбѣ королевы Датской Каролины-Матильды: „Нѣтъ ничего хуже, какъ имѣть супругомъ ребенка. Я это знаю и принадлежу къ числу тѣхъ, которые полагаютъ, что если жены не любятъ своихъ мужей, то вина падаетъ на послѣднихъ; я навѣрное любила бы своего, если бы только это было возможно и если бы онъ былъ

на столько добръ чтобы пожелать этого“ *). Раньше этого она еще писала въ своихъ запискахъ: „Человѣкъ, несправедливо нападающій на насъ или отказывающій въ томъ, что достоитъ намъ, разрываетъ самъ связи, соединяющія его съ нами, и такимъ образомъ, по собственной винѣ, уничтожаетъ обязательства, которыя налагали на насъ эти связи“ **). Это изреченіе вполнѣ соотвѣтствовало жалкому положенію Екатерины, въ которомъ она ясно отдавала себѣ отчетъ.

Мы уже видѣли, что частью въ силу привычки, частью вслѣдствіе различныхъ условій жизни и мелкихъ побочныхъ обстоятельствъ, отношенія Екатерины къ Чоглоковымъ мало по малу улучшались. Самъ Чоглоковъ заискивалъ въ великой княгинѣ; жена же его— вначалѣ строгій, неподкупный блюститель ея нравственности — позже не могла уже безъ нея обойтись и считала ее своимъ лучшимъ другомъ и повѣреннымъ своихъ тайныхъ и не совсѣмъ нравственныхъ сердечныхъ дѣлишекъ. Это улучшеніе отношеній Чоглоковыхъ къ Екатеринѣ могло быть для нея только вредно, выдвигая новое испытаніе — борьбу съ нравственнымъ соблазномъ.

Недаромъ князь Щербатовъ писалъ въ концѣ царствованія Екатерины II-ой „О поврежденіи нравовъ“. Съ сильнымъ негодованіемъ порицалъ онъ легкомысліе двора и общества, среди котораго молодая принцесса Ангальтъ-Цербстская начала свое жизненное поприще. Въ этомъ кругу, въ то время, главный общественный интересъ составляли всевозможныя любовныя похожденія. И дѣйствительно, все ее окружающее, начиная съ фрейлинъ, далеко не отличалось примѣрнымъ поведеніемъ. Мужчины, состоявшіе при дворѣ великаго

*) «Сборн. Р. И. О.». X, 164.

**) «Сборн. Р. И. О. VII. 100. Русскія письма, стр. 44 и 45.

князя, каковы Нарышкинъ, Бутурлинъ и другіе, были извѣстны какъ люди развратные. Самъ Петръ Ѳедоровичъ постоянно былъ занятъ любовными интригами. То онъ мечталъ о герцогинѣ Курляндской, то восхищался фрейлинами Шафировою или Тепловою, то устраивалъ у себя ужины съ разными женщинами, которыхъ Екатеринѣ съ трудомъ удавалось избѣгать. Наконецъ отношенія его къ княгинѣ Елизаветѣ Воронцовой были въ то время извѣстны всѣмъ, и самъ онъ не старался ихъ скрывать. Даже добродѣтельные супруги Чоглоковы не отставали отъ прочихъ. О поведеніи оберъ-гофмейстера мы уже имѣли случай упоминать; супруга же его не оставалась въ долгу и нашла себѣ утѣшителя въ лицѣ князя Петра Репнина. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Марья Симоновна не могла хранить въ себѣ избытокъ чувствъ къ князю и нашла наиболѣе подходящимъ, зная осторожность великой княгини, довѣриться ей, а потому сдѣлала изъ нея повѣренную всѣхъ своихъ свиданій и переписокъ" *).

Понятно, что Екатерина Алексѣвна не могла не знать того, что дѣлалось кругомъ нея. Вмѣстѣ съ тѣмъ, при дворѣ, при которомъ общій интересъ составляли сплетни, интриги и тайны, она была невольно вынуждена самими обстоятельствами научиться представляться. Въ сношеніяхъ ея съ матерью, съ Императрицею, даже съ мужемъ, необходима была величайшая осмотрительность. Каждый шагъ долженъ былъ быть разсчитанъ, каждый поступокъ, каждое слово — строго взвѣшены. Мы уже видѣли, что, не смотря на запрещеніе обмѣна писемъ съ матерью, Екатерина Алексѣевна нашла средство имѣть съ нею сношенія. Строгій надзоръ не помѣшалъ ей, вопреки желанію Императ-

*) «Mémoires», 207.

рицы, ѣздить верхомъ по-мужски. Она казалась послушною и покорною, но, въ сущности, была свободна и независима. Также точно, не смотря на то, что все что, казалось, могло вліять на великую княгиню извнѣ, складывалось такъ, чтобы втянуть ее въ общій круговоротъ, но вліянію этому она не поддавалась и не теряла самообладанія.

Екатерина Алексѣевна разсказываетъ чрезвычайно наивно всѣ хитрости, къ которымъ ей пришлось прибѣгать, чтобы скрыть записку отъ Андрея Чернышева, послѣ его удаленія. Содержаніе записки этой было въ сущности самое ничтожное; въ ней заключалась просьба доставить Чернышеву нѣкоторыя необходимыя для него вещи. Но та таинственность, которою сопровождались передача записки и отвѣтъ на нее, чрезвычайно смущали Екатерину. Ей для этого даже пришлось потихоньку купить себѣ чернила и перо *).

Совершенно не подозрѣвая, Екатерина Алексѣевна имѣла въ это время скромнаго и молчаливаго обожателя въ лицѣ графа Кириллы Разумовскаго, который случайно сознался ей въ этомъ двадцать лѣтъ спустя **). Если къ этимъ двумъ прибавить еще графа Захара Чернышева съ сантиментальными записками и Николая Наумовича Чоглокова, то недостатка въ поклонникахъ не будетъ.

Казалось бы на первый взглядъ, что при строгости надзора, которымъ была обставлена Екатерина Алексѣевна, ей не могли бы представляться частые случаи видѣться съ кѣмъ бы то ни было, исключая тѣхъ, которые, по прямымъ своимъ служебнымъ обязанностямъ, были въ постоянномъ соприкосновеніи съ нею. На дѣлѣ же выходило иначе.

*) «Mémoires», 101.
**) «Mémoires», 110.

Послѣ Пасхи 1752 года М. С. Чоглокова не могла являться на оффиціальныя собранія при дворѣ, по случаю беременности. Поэтому она почти ежедневно приглашала къ себѣ великую княгиню и нѣсколько человѣкъ гостей. Въ числѣ постоянныхъ ея посѣтителей были княжна Гагарина, Сергѣй Салтыковъ, Левъ Нарышкинъ и нѣкоторые другіе. Вечера проходили хотя однообразно, но довольно оживленно; молодежь находила возможность веселиться и смѣяться. Виновникомъ веселости являлся большею частью самъ хозяинъ дома. Онъ имѣлъ страсть къ стихотворству, хотя таланта къ этому не имѣлъ; поэтому гости постоянно осаждали его просьбами сочинить что-нибудь новое въ ихъ же присутствіи, а Нарышкинъ долженъ былъ новое произведеніе перекладывать на ноты и затѣмъ пѣть его вмѣстѣ съ сочинителемъ. Екатерина разсказываетъ, что у нея наполнился цѣлый томъ этихъ пѣсень, которыя потомъ, къ сожалѣнію, пропали*).

Собранія у Чоглоковыхъ продолжались и лѣтомъ, по переѣздѣ двора въ Ораніенбаумъ. Но вскорѣ имъ былъ положенъ предѣлъ. Императрица, узнавъ о нихъ, была крайне недовольна, потребовала къ себѣ Чоглокову и сдѣлала ей строгое внушеніе. Но у Елизаветы Петровны была особенность, состоявшая въ томъ, что если она была чѣмъ-либо недовольна, то бранила не за то, а большею частью подъ предлогами совершенно другими и часто совсѣмъ неожиданными. Такъ было и въ настоящемъ случаѣ.

Въ Ораніенбаумѣ всѣ, составлявшіе дворъ великаго князя и великой княгини, какъ мужчины, такъ и дамы, согласились носить платья одинаковыхъ цвѣтовъ; верхняя одежда была сѣрая съ чернымъ бархатнымъ

---

*) «Mémoires», 173.

воротникомъ, остальное голубаго цвѣта, и при этомъ не допускалось никакой отдѣлки. Этотъ-то вымышленный мундиръ и послужилъ Елизаветѣ Петровнѣ предлогомъ, а въ особенности то, что великая княгиня большею частью носила верховый костюмъ и что въ Петергофѣ она ѣздила по-мужски. Императрица высказала между прочимъ Чоглоковой, что она приписываетъ отчасти этому способу ѣзды бездѣтность великой княгини. Чоглокова позволила себѣ возразить на это. Тогда Императрица вспылила, объявила ей, что дѣло гофмейстерины радѣть о супружескомъ благоденствіи молодыхъ, и между прочимъ упрекнула ея мужа за то, что онъ поддается вліянію „молокососовъ". Это послѣднее выраженіе было, конечно, сейчасъ же понято тѣми, до кого оно относилось; Салтыковъ и Нарышкинъ прикинулись больными; остальные постоянные посѣтители Чоглоковыхъ стушевались, и такимъ образомъ собранія прекратились. Разговоръ съ Императрицею былъ въ подробностяхъ переданъ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, которая тотчасъ же измѣнила костюмъ свой и способъ ѣзды на лошади *).

Какъ бы въ опроверженіе укора, сдѣланнаго Императрицею, великая княгиня, въ декабрѣ 1752 года, почувствовала нѣкоторые признаки беременности. Въ это время она была на дорогѣ между Петербургомъ и Москвою. Ѣхали съ большою поспѣшностью, безостановочно день и ночь. „На послѣдней станціи передъ Москвою, — пишетъ Екатерина, — признаки, сопровождаемые большою болью, пропали" **).

Совершенно больная, пріѣхала Екатерина Алексѣевна въ Москву, гдѣ ей и великому князю отвели только что отстроенный и, слѣдовательно, совершенно сырой, деревянный флигель. Этотъ флигель состоялъ изъ двухъ ря-

*) «Mémoires», 173—180.
**) «Mémoires», 183.

довъ комнатъ, содержавшихъ каждый 5 или 6 большихъ, изъ коихъ лицевыя предназначались для великой княгини, а надворныя — ея супругу. Въ уборной комнатѣ помѣстили горничныхъ Екатерины съ ихъ прислугою, такъ что̀ всего ихъ набралось семнадцать женщинъ въ одной комнатѣ, хотя довольно просторной, но не имѣвшей другаго выхода, какъ черезъ спальню великой княгини, что̀ было крайне неудобно какъ для нея, такъ и для горничныхъ. Кромѣ того, пріемная комната должна была служить вмѣстѣ съ тѣмъ и ихъ столовою. Такъ что, не смотря на то, что великая княгиня совершенно больная лежала въ постели, около нея то и дѣло проходили взадъ и впередъ, хлопали дверями и не давали ей покоя. На десятый день великую княгиню посѣтила Императрица. Замѣтивъ неудобство расположенія комнатъ, она приказала сдѣлать въ уборной перегородку, что̀ еще стѣснило мѣсто, а окно превратить въ выходную дверь, къ которой снаружи была приставлена лѣстница, такъ что, за малѣйшею надобностью, горничныя должны были вылѣзать въ окно и переходить черезъ улицу.

Въ Москвѣ дворъ провелъ болѣе года. Весною праздновали очень торжественно коронацію. Около этого же времени Императрица подарила великому князю имѣніе Либерицы, находящееся въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города. Въ маѣ мѣсяцѣ Петръ Ѳедоровичъ пріѣхалъ сюда съ супругою; но такъ какъ домъ еще только строился, то должны были жить бивакомъ, въ палаткахъ. Здѣсь вторично Екатерина Алексѣевна заболѣла, вслѣдствіе неправильныхъ родовъ на третьемъ мѣсяцѣ, послѣ чего ей пришлось лежать шесть недѣль.

Поздней осенью дворъ опять переѣхалъ въ Москву; но тутъ, вскорѣ послѣ переѣзда во дворецъ, сдѣлался пожаръ. Пламя распространилось съ такою быстротою,

что люди едва могли спастись; о вещахъ не могло быть и рѣчи; сгорѣло все до тла, особенно на собственной половинѣ Ея Величества. Елизавета Петровна сама потомъ разсказывала, что въ этомъ пожарѣ она потеряла четыре тысячи платьевъ и много цѣнныхъ вещей. Послѣ пожара Императрица переѣхала въ Покровскій дворецъ, а великая княгиня должна была помѣститься въ домѣ Чоглоковыхъ вмѣстѣ со всѣмъ ихъ семействомъ.

Не станемъ вдаваться въ подробности образа жизни Екатерины Алексѣевны въ домѣ Чоглоковыхъ, а затѣмъ частыхъ переѣздовъ изъ одного дворца въ другой; скажемъ только, что это время было омрачено смертью Николая Наумовича, искренно опечалившею великую княгиню, не смотря на все прошлое, которое было ею, при видѣ покойника, прощено и забыто. Чоглоковъ заболѣлъ на Пасхѣ, а черезъ мѣсяцъ доктора объявили, что надежды на выздоровленіе не могло быть; поэтому его перенесли изъ дворца въ собственный домъ, а 25-го апрѣля онъ скончался. Екатерина по поводу смерти своего гофмаршала писала: „Я была очень опечалена, когда узнала состояніе, въ которомъ Чоглоковъ находится. Онъ умеръ именно въ то время, когда, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ непріятностей и работы, удалось сдѣлать изъ него человѣка, не только менѣе злаго и недоброжелательнаго, какимъ онъ былъ, но даже онъ сдѣлался податливымъ, и, зная его характеръ, съ нимъ можно было сладить. Что касается до его жены, то въ это время она меня искренно любила и изъ суроваго и недоброжелательнаго стража превратилась въ вѣрнаго и преданнаго друга“ *). Вмѣсто Чоглокова Императрица назначила къ великому князю графа Александра Ивановича Шувалова, начальника „тайной розыскныхъ дѣлъ канцеляріи“.

---

*) «Memoires», 210—211.

Но еще бо̀льшая непріятность для великой княгини угрожала тѣмъ, что Императрица уволила М. С. Чоглокову отъ должности и вмѣсто нея хотѣла назначить графиню Румянцеву — женщину, постоянно враждебно относившуюся къ Екатеринѣ Алексѣевнѣ и всѣми ненавидимую. Снисходя однако къ просьбамъ, слезамъ, а главное къ новому состоянію беременности великой княгини, назначеніе это не состоялось, и Императрица занялась приготовленіями для переѣзда въ Петербургъ.

XIV.

Весною 1754 года дворъ изъ Москвы переѣхалъ въ Петербургъ. Лѣто великая княгиня провела въ Петергофѣ, а въ августѣ, въ ожиданіи родовъ, вернулась въ лѣтній дворецъ. 20-го сентября 1754 года Екатерина Алексѣевна разрѣшилась отъ бремени сыномъ. Около новорожденнаго началась суматоха. „Лишь только его спеленали, — разсказываетъ Екатерина, — Императрица позвала своего духовника, который нарекъ ребенка именемъ Павла, послѣ чего Императрица немедленно приказала повивальной бабкѣ взять ребенка и слѣдовать за нею. Я осталась на одрѣ болѣзни. Кровать моя была поставлена напротивъ двери, черезъ которую проходилъ свѣтъ; за нею было два большихъ окна, дурно закрывавшихся; по обѣ стороны были двери, изъ коихъ одна выходила въ мою уборную, а другая — въ комнату Владиславы. Только что Императрица вышла, какъ великій князь и Шуваловы тоже разошлись, каждый въ свою сторону, и съ двѣнадцати до трехъ часовъ я не видѣла никого. Я сильно потѣла и просила Владиславу перемѣнить бѣлье и уложить меня въ кровать; она мнѣ отвѣтила, что не смѣетъ. Она нѣсколько разъ посылала за повивальною бабкою, но та не приходила. Я попросила напиться, но полу-

чила тотъ же отвѣтъ. Наконецъ, черезъ три часа, пришла графиня Шувалова, чрезвычайно нарядная. Когда она меня увидѣла лежащею на томъ же мѣстѣ, на которомъ меня оставила, она воскликнула, что такъ меня можно убить. Это было чрезвычайно утѣшительно для меня, которая и безъ того заливалась слезами, въ особенности при видѣ, какъ меня всѣ покинули, какъ дурно и неудобно я лежала между почти незатворявшимися окнами и дверями и что, не имѣя силъ доползти до кровати, которая была въ двухъ шагахъ, никто не смѣлъ меня перетащить. Графиня Шувалова тотчасъ вышла, вѣроятно за повивальною бабкою, потому что послѣдняя пришла ко мнѣ полчаса спустя и объявила, что Императрица была такъ занята ребенкомъ, что не позволяла ей отлучиться ни на минуту. Эта забывчивость относительно меня мнѣ была мало лестна. Я умирала отъ жажды. Наконецъ меня уложили въ кровать, и весь день я уже больше не видѣла ни души; даже не присылали справиться о моемъ здоровьѣ. Великій князь, съ своей стороны, пировалъ съ тѣми, кого нашелъ, а Императрица занималась ребенкомъ. На слѣдующій день я почувствовала нестерпимую ревматическую боль въ лѣвой ногѣ. Эта боль лишила меня сна; вмѣстѣ съ тѣмъ у меня началась сильная лихорадка. Не смотря на это, вниманіе ко мнѣ и на слѣдующій день было то же. Я не видѣла никого и никто обо мнѣ не спрашивалъ. Великій князь впрочемъ вошелъ на минуту въ мою комнату, но сейчасъ же ушелъ, говоря, что у него не было времени оставаться. Я только и дѣлала, что плакала и стонала въ кровати; только одна Владислава находилась въ моей комнатѣ; въ сущности она меня жалѣла, но помочь мнѣ не могла. Кромѣ того, я не любила сама жаловаться и чтобы другіе обо мнѣ жалѣли: я была слишкомъ для этого горда, и одна мысль быть несча-

стливою была для меня невыносима; до сихъ поръ я дѣлала все, что могла, чтобы не казаться такою. Я могла бы видѣть графа Александра Шувалова и его жену, но это были личности такія непріятныя и скучныя, что я была всегда въ восторгѣ, когда ихъ не было“ *).

Такъ прошла почти цѣлая недѣля; Екатерина Алексѣевна не могла въ это время даже видѣть сына.

„На шестой день (25-го сентября), пишетъ она, происходили крестины моего сына. Онъ едва было не умеръ отъ молочницы. Я могла узнавать о немъ только украдкою: вопросы о немъ были бы истолкованы въ смыслѣ сомнѣнія въ заботливости Императрицы, что̀ было бы принято очень дурно. Впрочемъ Елизавета Петровна взяла его въ свои покои, спѣшила къ нему, лишь только онъ начиналъ кричать, и буквально душила его своимъ ухаживаніемъ. Онъ помѣщенъ былъ въ чрезвычайно жаркой комнатѣ, спеленутый фланелью, въ колыбели, обитой лисьимъ чернобурымъ мѣхомъ; покрывали его стеганнымъ на ватѣ атласнымъ одѣяломъ, сверхъ котораго настилали розоваго цвѣта бархатное одѣяло, подбитое мѣхомъ; я сама видѣла его нѣсколько разъ такъ уложеннымъ; потъ выступалъ у него на личикѣ и на всемъ тѣлѣ. Отъ этого произошло то, что, когда онъ выросъ, онъ простужался и заболѣвалъ отъ малѣйшаго вѣтра. Кромѣ того, онъ окруженъ былъ огромнымъ числомъ старухъ, которыя, благодаря ихъ неразумнымъ и безтолковымъ хлопотамъ, причиняли ему, вмѣсто добра, и физическое, и нравственное зло!

„Въ самый день крестинъ Павла Петровича, Императрица, по окончаніи обряда, пришла въ мою комнату и принесла мнѣ, на золотомъ блюдѣ, указъ кабинету о доставленіи мнѣ 100,000 рублей.

*) «Mémoires», 216—218.

„По прошествіи сорока дней, Императрица во второй разъ пришла ко мнѣ для молитвы. Я встала съ постели, чтобы ее привѣтствовать, но она нашла меня столь слабою и похудѣвшею, что приказала мнѣ сидѣть во время чтенія молитвы ея духовникомъ. Сына моего внесли въ мою комнату. Тутъ я увидѣла его въ первый разъ отъ рожденія. Я нашла его очень хорошенькимъ; видъ его немного меня порадовалъ, но тотчасъ по окончаніи молитвы Императрица удалилась и приказала унести его за собою.

„Послѣ Пасхи слѣдующаго (1755) года, я, вмѣстѣ съ супругомъ, отправилась въ Ораніенбаумъ. Передъ отъѣздомъ Императрица дозволила мнѣ взглянуть на сына, въ третій разъ послѣ его рожденія. Чтобы дойти до него, нужно было пройти всѣ покои Государыни; я нашла его, какъ уже говорено было, въ удушливой жарѣ“ *).

Вотъ какого рода участіе было дозволено матери относительно сына.

О рожденіи Павла увѣдомлены были нѣкоторые родственные иностранные дворы. Съ этою цѣлью посланы были: въ Вѣну камергеръ баронъ Сиверсъ, въ Цербстъ — капитанъ Хрущовъ и въ Стокгольмъ—камергеръ великаго князя-родителя—Сергѣй Васильевичъ Салтыковъ, вслѣдъ за тѣмъ назначенный 6-го декабря 1754 года посланникомъ, первоначально въ Гамбургъ, а потомъ въ Парижъ **).

Около года длилось празднество по случаю рожденія Павла Петровича. Кромѣ придворныхъ баловъ и маскарадовъ частные люди, съ своей стороны, старались не отставать отъ двора и наперерывъ другъ передъ другомъ устраивали у себя обѣды, балы, маскарады и

*) «Mémoires», 224—233. Кобеко, «Цесаревичъ Павелъ Петровичъ» 2, 3.
**) «Mémoires», 223. — Кобеко, 3. — «Cour», 167.

тому подобныя празднества съ иллюминаціями и фейерверками. Между ними особенно отличались роскошью праздники Разумовскихъ. Алексѣй Григорьевичъ принималъ дворъ то въ Аничковскомъ дворцѣ Государыни, то въ Цесаревниномъ домѣ, то на приморской своей дачѣ, то въ Мурзинкѣ, то въ Гостилицахъ. Отъ старшаго брата не отставалъ и Кириллъ Григорьевичъ. Столъ его славился во всемъ Петербургѣ, и поваровъ своихъ онъ выписывалъ изъ Парижа*). Между прочими празднествами у графа И. И. Шувалова былъ костюмированный балъ, продолжавшійся 48 часовъ и на которомъ маски смѣнялись **).

Празднества эти не были обычными только формальностями. Екатерина Алексѣвна, вышедшая замужъ очень молодою за слабаго здоровьемъ Петра Ѳедоровича, въ теченіе девяти лѣтъ супружества, не имѣла дѣтей, и рожденіе ея первенца привѣтствовано было не только какъ радость семьи царской, но и какъ залогъ утвержденія наслѣдственности престола, подвергавшейся въ Россіи, четверть вѣка назадъ, столь частымъ перемѣнамъ.

Рожденіе Павла воспѣлъ Ломоносовъ. Онъ высказывалъ новорожденному желаніе сравниться въ дѣлахъ съ Петромъ Великимъ; ему предстояло, по мнѣнію Ломоносова, освобождать святыя мѣста, вокругъ которыхъ „облегъ драконъ ужасный“, и перешагнуть чрезъ стѣны, отдѣляющія отъ Россіи Китай***).

Во время всѣхъ этихъ празднествъ, въ которыхъ великая княгиня естественно не могла принимать участіе, она скучала въ одиночествѣ, передумывала свое прошедшее, взвѣшивала настоящее и изыскивала способы убить время. На сколько позволяло ей болѣзнен-

*) «Осмнадцатый Вѣкъ». II, 507.
**) Кобеко, 4.
***) Тамъ-же.

ное состояніе, усложненное простудою, она старалась забыться въ чтеніи, и въ это время занялась „Исторіею Германіи“, „Всеобщею Исторіею“ Вольтера, Бароніусомъ, Монтескіё и Тацитомъ; неудивительно, что въ ея положеніи и подъ впечатлѣніемъ подобнаго чтенія она, какъ сознается, „начала все видѣть въ черномъ свѣтѣ“.

Что касается до дальнѣйшихъ отношеній ея къ сыну *), то, при Елизаветѣ Петровнѣ, Павелъ Петровичъ постоянно находился въ ея покояхъ. Елизавета хаживала къ нему ежедневно, въ иной день раза по два и по три, иногда ночью. Когда же онъ подросъ, то посѣщенія эти почти прекратились. „Причиною сего было то, что мамы такъ его напугали, что Павелъ трясся, какъ скоро ее увидитъ“ **).

Посѣщеніе Павла родителями были до того рѣдки, что въ камеръ-фурьерскихъ журналахъ того времени даже отмѣчалось, когда Екатерина навѣщала сына. Екатерина сама разсказываетъ, что когда, послѣ разныхъ пережитыхъ ею горестей, она выразила вице-канцлеру графу Воронцову желаніе возвратиться на родину и онъ заговорилъ ей о ея дѣтяхъ, Екатерина возразила, что она ихъ не видитъ и не можетъ ихъ видѣть безъ особаго разрѣшенія Императрицы; что она не сомнѣвается въ томъ, что Императрица очень о нихъ заботится, но такъ какъ она лишена возможности видѣться съ ними, то для нея безразлично, быть ли отъ нихъ въ разстояніи ста шаговъ или ста верстъ ***). Въ концѣ царствованія Елизаветы, Екатерина получила дозволеніе видѣть своего сына разъ въ недѣлю“ †).

---

*) «Подробности о младенчествѣ Павла Петровича» см. у Кобеко.

**) «Русск. В.» 1866. VIII, 445. Кобеко, 6.

***) «Memoires», 348.—Кобеко, 6.

†) «Mémoires de la princesse Dashkaw». — Арх. кн. Воронцова. XXI, стр. 28.

Въ годъ рожденія Павла Петровича здоровье Императрицы стало замѣтно слабѣть. Уже осенью 1755 года иностранные министры при Петербургскомъ дворѣ стали извѣщать о томъ своихъ государей она харкала кровью, задыхалась, постоянно кашляла, ноги у нея пухли. Въ 1756 году здоровье Императрицы не поправлялось; начали ждать печальной развязки; но что же будетъ въ случаѣ такой развязки?.... Наслѣдникъ престола есть, — великій князь Петръ Ѳедоровичъ; его права безспорны и по происхожденію и по назначенію царствующей Императрицы, согласно уставу Петра Великаго. Но ходили слухи, будто Императрица очень недовольна своимъ племянникомъ и думаетъ перемѣнить назначеніе, объявивъ наслѣдникомъ престола малолѣтняго великаго князя Павла Петровича*).

Состояніемъ Елизаветы Петровны не преминули воспользоваться Шуваловы, вліяніе которыхъ достигло въ это время высшей степени. Иванъ Ивановичъ, любимецъ Государыни, былъ всемогущъ; но вліяніе свое онъ, по мѣрѣ силъ, употреблялъ на пользу отечества, забывая о себѣ и довольствуясь личнымъ расположеніемъ Государыни. За то двоюродные его братья быстро достигли высшихъ государственныхъ почестей. Оба были уже Андреевскими кавалерами и графами; изъ нихъ графъ Александръ Ивановичъ, по смерти графа Ушакова, назначенъ былъ начальникомъ страшной тайной канцеляріи и вмѣстѣ съ тѣмъ оберъ-гофмейстеромъ, съ огромными правами, двора великаго князя Наслѣдника, а графъ Петръ Ивановичъ—настоящая глава всей Шуваловской партіи,—въ 1756 году получилъ мѣсто генералъ-фельдцейгмейстера.

Благодаря женѣ своей, графинѣ Маврѣ Егоровнѣ,

---

*) Соловьевъ. XXIV, 47.

нѣкогда любимой камерфрау, а теперь всемогущей наперсницѣ Государыни, и двоюродному брату, графъ Петръ Шуваловъ успѣлъ завладѣть довѣренностью Елизаветы Петровны. Безпрестанные недуги ослабили нервы Императрицы: ей постоянно приходила на умъ первая ночь ея царствованія, и она опасалась, чтобы съ нею не поступили точно такъ, какъ нѣкогда поступила она съ Анной Леопольдовною. Этимъ настроеніемъ ловко воспользовался Шуваловъ; онъ старался еще болѣе усилить боязнь Императрицы, увѣрялъ ее, что она окружена тайными недоброжелателями, готовыми на всякое преступленіе, и наконецъ ему вполнѣ удалось убѣдить больную и слабѣющую Императрицу въ томъ, что только одинъ онъ въ состояніи оградить ее отъ дѣйствія скрытыхъ враговъ. Въ этомъ состояніи и была главная сила его при дворѣ.

Безъ всякой подготовки къ дѣламъ государственнымъ, лишенный образованія и познаній, крайне самонадѣянный, Шуваловъ на самомъ дѣлѣ способенъ былъ только къ однѣмъ мелкимъ придворнымъ интригамъ; но слишкомъ тщеславный и честолюбивый, онъ, не смотря на всю свою несостоятельность, стремился къ достиженію исключительнаго вліянія на дѣла и хотѣлъ стать въ главѣ управленія. Не имѣя никакой опытности въ вопросахъ дипломатическихъ, незнакомый съ тайными пружинами европейскихъ кабинетовъ, никогда не бывавшій на войнѣ и кое-какъ знавшій службу, онъ однако ни передъ чѣмъ не останавливался: брался и за составленіе новаго уложенія, и за финансовые вопросы, и за управленіе политикой русскаго двора, и за выдумку гаубицъ, и за учрежденіе военнаго строя. Достигнувъ почти исключительнаго вліянія, онъ, еще недавно съ покорностью склонявшій спину подъ батогами всемогущаго Разумовскаго, сдѣлался теперь самымъ

гордымъ временщикомъ двора Елизаветы. Даже многочисленные его кліенты, запрудившіе всѣ отрасли управленія, были надменности невыносимой. Не менѣе Бестужева падкій къ деньгамъ, Шуваловъ наживалъ себѣ богатство на счетъ народа, тогда какъ канцлеръ исключительно наживался деньгами, получаемыми отъ иностранныхъ державъ. Разумѣется, всѣ дѣйствія Шувалова носили отпечатокъ мелкости его способностей *).

Вотъ отъ этихъ-то Шуваловыхъ зависѣло, въ описываемую эпоху, благосостояніе Екатерины Алексѣевны. Во время болѣзни много пролила она слезъ, много горечи накипѣло у нея въ груди, многое и многое передумывала она, и пришла къ заключенію, что все, что она претерпѣла за послѣднее время оскорбленій, нападокъ и притѣсненій, было дѣломъ рукъ Шуваловской партіи. Но, оправившись окончательно отъ родовъ, оскорбленное чувство самолюбія требовало удовлетворенія: она рѣшилась „дать почувствовать виновникамъ ея страданій, что безнаказанно оскорблять ее было не такъ-то легко **)“. Но какъ вступить съ ними въ борьбу? на кого опереться? Естественно, что, при всемъ своемъ умѣ, при всемъ самообладаніи и твердости, Екатерина не могла полагаться только на себя, не имѣя ни въ комъ поддержки. Единственно, на кого она могла обратить взглядъ, это на Бестужева, но, съ возвышеніемъ Шуваловыхъ, его значеніе стало падать; сторонники его стали понемногу отъ него отшатываться; въ ней же онъ, до поры до времени, не нуждался, такъ какъ въ настоящемъ ея положеніи она мало могла принести ему пользы. Кромѣ того, Екатерина, если и имѣла нѣкоторое сочувствіе къ канцлеру, то должна была его скрывать, потому что въ случаѣ, еслибы слухи о немъ

*) «Осмнадцатый Вѣкъ». Кн. II, 517.

**) «Mémoires», 229.

дошли до Императрицы, то они сильно повредили бы и ей, и ему. Слѣдовательно, въ борьбѣ съ Шуваловыми Екатерина оставалась одна и могла дѣйствовать противъ нихъ только орудіями свѣтской женщины. Она на каждомъ шагу выказывала имъ глубочайшее презрѣніе, отыскивала ихъ смѣшныя стороны и преслѣдовала ихъ своими насмѣшками и сарказмами, которые повторялись по всему городу. Графы Шуваловы своею нетерпимою гордостью успѣли нажить себѣ много недоброжелателей; поэтому всякій охотно смѣялся и передавалъ знакомымъ колкости великой княгини, направленныя противъ нихъ. Кромѣ того, Екатерина болѣе чѣмъ когда-либо ласкала Разумовскихъ, всегда впрочемъ ею особенно любимыхъ, и этимъ опять-таки досаждала Шуваловымъ, такъ какъ послѣдніе были, въ описываемое время, открытыми недоброжелателями графовъ Алексѣя и Кирилла Григорьевичей *).

Вскорѣ сближеніе Екатерины съ Разумовскими сдѣлалось еще прочнѣе вслѣдствіе брака, который она устроила въ ихъ семьѣ. Екатерина сосватала племянницу Разумовскихъ, Марину Осиповну Закревскую, за Льва Александровича Нарышкина. Ей эта парочка чрезвычайно нравилась, и она находила ихъ совершенно подходящими другъ къ другу. Ее еще болѣе подстрекало къ этому то, что Нарышкина сватали въ городѣ за племянницу Шуваловыхъ, Хитрову. Сговоръ состоялся; Закревская конечно нашла партію слишкомъ выгодною, чтобы отъ нея отказаться. Разумовскіе, не медля, обратились къ Государынѣ съ просьбою о соизволеніи на бракъ, и тотчасъ его получили. Оба брата были крайне благодарны Екатеринѣ за то, что она устроила для ихъ племянницы такую блистательную и богатую партію.

---

*) «Mémoires», 229, 422. «Осмнадцатый Вѣкъ». Кн. II, 517.

Это еще болѣе сдружило ихъ; но, помимо этого, Разумовскіе особенно были довольны одержать верхъ надъ Шуваловыми, съ трудомъ скрывавшими досаду *).

Вскорѣ послѣ своего сватовства Левъ Александровичъ Нарышкинъ убѣдилъ гетмана приглашать къ себѣ великаго князя по секрету на вечера, разъ или два въ недѣлю; на вечерахъ этихъ присутствовали только гетманъ, Марья Павловна Нарышкина **), великій князь, Матрена Герасимовна Теплова и самъ Нарышкинъ. Собранія эти происходили великимъ постомъ и подали поводъ къ новой выдумкѣ. Домъ гетмана былъ въ то время деревянный; въ комнатахъ графини Екатерины Ивановны ежедневно собирались гости, и такъ какъ хозяйка любила играть въ карты, то тамъ по вечерамъ бывала постоянная игра. Гетманъ иногда являлся въ гостиную жены, любезничалъ съ гостями и опять исчезалъ, а на его половинѣ въ то же время, даже въ тѣ дни, когда не бывало великаго князя, собиралось другое общество. Кириллъ Григорьевичъ нѣсколько разъ бывалъ у великой княгини и захотѣлъ въ свою очередь принять ее у себя. Великой княгинѣ и ея обществу отводились двѣ или три комнаты въ нижнемъ этажѣ гетманскаго дома, называемыя гетманскимъ Эрмитажемъ. Извѣстно, что Наслѣднику и его супругѣ строжайше было запрещено выѣзжать изъ дворца безъ особаго дозволенія Императрицы. Окруженные шпіонами, они только тайкомъ могли выходить изъ своихъ аппартаментовъ, причемъ великій князь таился отъ великой княгини, а великая княгиня отъ великаго князя. Такимъ образомъ, у Кирилла Григорьевича, въ одномъ и томъ же домѣ и въ одно время, собиралось по три и по четыре различ-

---

*) «Mémoires», 273—275.

**) Вѣроятно жена оберъ-егермейстера Семена Кирилловича. — П. Бартеневъ.

ныхъ общества. Одинъ только хозяинъ да приближенные Екатерины знали о томъ, что происходило въ домѣ; другіе же, начиная съ хозяйки, и не подозрѣвали того, что дѣлалось за стѣнами графининой гостиной, и возвращались домой, увѣренные, что были единственными гостями хлѣбосольнаго гетмана*).

Ненависть Екатерины къ Шуваловымъ сдѣлалась для послѣднихъ очевидною. Великая княгиня противодѣйствовала имъ открыто; относительно ихъ она держала голову высоко и, казалось, скорѣе походила на вожака значительной партіи, чѣмъ на личность оскорбленную и униженную. Шуваловы же одно время не знали, какъ себя держать. Они составили совѣтъ и прибѣгли къ хитростямъ и интригамъ, а орудіемъ избрали себѣ нѣкоего голштинца Брокдорфа. Брокдорфъ прибылъ въ Россію въ 1754 году, но раньше еще проѣзжалъ, то подъ видомъ егеря, то стекольщикомъ, принужденный скрывать свое имя, потому что всѣмъ голштинцамъ было запрещено являться сюда безъ паспорта, подписаннаго великимъ княземъ. Но состоявшіе въ то время при великимъ князѣ Брюммеръ и Берхгольцъ, зная Брокдорфа съ весьма дурной стороны, выслали его изъ Риги; не смотря на то, теперь онъ пробрался и какъ разъ пришелся кстати Шуваловымъ. Въ качествѣ камергера великаго князя, какъ герцога Голштинскаго, Брокдорфъ имѣлъ къ нему доступъ, и, какъ голштинецъ, конечно, понравился. Вмѣстѣ съ тѣмъ, ему удалось познакомиться съ графомъ Петромъ Шуваловымъ, который воспользовался случаемъ, чтобы сдѣлать изъ него орудіе своихъ козней противъ Екатерины. При первомъ же свиданіи, графъ увѣрилъ Брокдорфа въ своей привязанности къ великому князю,

*) «Mémoires», 278-279. «Осмнадцатый Вѣкъ», II, 547.

нажаловался на великую княгиню и настроилъ его такъ, чтобы тотъ убѣдилъ Петра Ѳедоровича обуздать свою супругу. При первомъ же удобномъ случаѣ, разговоръ этотъ былъ переданъ великому князю.

Этотъ разговоръ былъ первымъ плодомъ заочнаго знакомства Екатерины съ Брокдорфомъ. Вскорѣ за тѣмъ, въ Ораніенбаумѣ, ей пришлось изъ за него перенести не мало непріятностей.

XV.

Послѣ Пасхи 1755 года, великокняжескій дворъ переѣхалъ въ Ораніенбаумъ. Легко можно себѣ представить удивленіе Екатерины, когда здѣсь она вдругъ увидѣла цѣлый отрядъ голштинцевъ, которыхъ Петръ Ѳедоровичъ тайкомъ выписалъ сюда. Этотъ сюрпризъ былъ устроенъ Брокдорфомъ, потакавшимъ всѣмъ слабостямъ великаго князя. Но такъ какъ нельзя было раньше выписать ихъ, не заручившись согласіемъ Шуваловыхъ, то Брокдорфу немного стоило труда убѣдить ихъ, что, доставивши эту забаву великому князю, они обезпечатъ за собою его благорасположеніе, и, предоставивъ ему свободу въ занятіяхъ съ голштинцами, они впередъ заручатся одобреніемъ его во всемъ, что только пожелаютъ предпринять. Отъ Императрицы, которая терпѣть не могла голштинцевъ вообще и подобнаго рода забавъ, кажется, вначалѣ скрыли ихъ пріѣздъ, или по крайней мѣрѣ представили ей это дѣло такимъ пустячнымъ, что о немъ не стоило говорить и что, впрочемъ, одно присутствіе въ Ораніенбаумѣ Шувалова достаточно, чтобы пребываніе ихъ тамъ, не могло имѣть дурныхъ послѣдствій. Отъ супруги своей, по совѣту Брокдорфа, Петръ Ѳедоровичъ держалъ пріѣздъ голштинцевъ въ величайшей тайнѣ.

Голштинцы, посаженные на суда въ Килѣ, прибыли въ Кронштадтъ, а оттуда прямо въ Ораніенбаумъ. Великій князь, будучи подполковникомъ Преображенскаго полка и шефомъ Кирасирскаго, и при Чоглоковыхъ носившій голштинскій мундиръ только въ своихъ аппартаментахъ, и то какъ бы украдкою, теперь же съ нимъ не разставался. „Признаюсь, пишетъ по этому поводу Екатерина, когда я это узнала, я содрогнулась при мысли, какое отвратительное впечатлѣніе этотъ поступокъ великаго князя произведетъ на русскихъ и даже во мнѣніи Императрицы“ *).

Негодованіе въ войскахъ не замедлило высказаться. При видѣ проходившихъ голштинцевъ, солдаты Ингерманландскаго и Астраханскаго полковъ, занимавшіе караулы въ Ораніенбаумѣ, не могли удержаться, чтобы не говорить: „Эти проклятые нѣмцы всѣ проданы прусскому королю; это все измѣнники, которыхъ приводятъ въ Россію“. Вообще, публика была чрезвычайно смущена ихъ появленіемъ; самые умѣренные, и тѣ пожимали плечами и находили, что это по меньшей мѣрѣ смѣшно. Великая княгиня молчала; она въ самой себѣ таила негодованіе; когда съ ней объ этомъ заговаривали, то она, не стѣсняясь, высказывала свое мнѣніе такъ, чтобы другіе поняли, что она вовсе не сочувствуетъ этой новости и находитъ ее крайне вредною для великаго князя.

Великій князь былъ въ восторгѣ отъ своего отряда и все время проводилъ въ его лагерѣ, устроенномъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ дворца. Когда Екатерина Алексѣевна узнала все то, что тамъ происходило, она рѣшилась держаться какъ можно дальше отъ этой опасной забавы и даже прогулки свои, съ этого времени,

---

*) «Mémoires», 235.

старалась устраивать въ сторонѣ, противоположной лагерю и какъ можно дальше отъ него.

Избѣгая общество Петра, Екатерина старалась создать занятіе собственно для себя. Ей пришла мысль устроить въ Ораніенбаумѣ садъ; но такъ какъ она впередъ знала, что супругъ не дастъ ей на это ни клочка земли, то пришлось прибѣгнуть къ покупкѣ. Подходящее мѣсто нашлось; оно принадлежало князьямъ Голицынымъ, которые охотно уступили великой княгинѣ пустопорожній участокъ. Въ помощники Екатерина Алексѣевна избрала себѣ садовника Ламберти, раньше служившаго у цесаревны Елизаветы Петровны, но удаленнаго изъ Царскаго Села, потому что цесаревна его боялась, такъ какъ Ламберти занимался, кромѣ садоводства, еще предсказаніями. Этотъ Ламберти, между прочимъ, не разъ предсказывалъ и Екатеринѣ, что она будетъ самодержавною императрицею, проживетъ очень долго, увидитъ сыновей, внуковъ и правнуковъ. Екатерина прибавляетъ, что онъ даже опредѣлилъ годъ восшествія ея на престолъ, но только шестью годами раньше совершившагося событія *). Помимо занятій въ саду, Екатерина продолжала занятія чтеніемъ, о которыхъ мы уже имѣли случай говорить.

Въ описываемый нами годъ, Екатерина Алексѣевна впервые приняла участіе въ дѣлахъ политики, но вмѣшательство ея касалось только Голштиніи.

Петръ Ѳедоровичъ, сдѣлавшись Наслѣдникомъ всероссійскаго престола, оставался въ то же время владѣтельнымъ герцогомъ маленькой Голштиніи, въ территоріальномъ отношеніи сильно умаленной Даніею (послѣдняя отняла у нея Шлезвигъ). При дворѣ великаго князя, для веденія дѣлъ по управленію Голштиніею,

---

*) «Mémoires», 237.

былъ особый министръ, баронъ Пехлинъ, котораго впослѣдствіи замѣнилъ Штамбке. Хотя Петръ Ѳедоровичъ весьма мало или даже вовсе не занимался дѣлами Голштиніи, тѣмъ не менѣе все, что напоминало Петру его родину, онъ высоко цѣнилъ, и, къ величайшему прискорбію Императрицы, заходилъ въ своемъ пристрастіи очень далеко *).

Въ это время, великій князь, видя свою страну отягощенною долгами и тѣснимою кредиторами, изъ которыхъ нѣкоторые уступали свои права королямъ Датскому и Прусскому, говорилъ графу Александру Шувалову, чтобы Императрица заплатила за него долги. Шуваловъ хотѣлъ отличиться при своемъ поступленіи къ великокняжескому двору и выхлопоталъ 70 тысячъ рублей, чтобы утишить самыя настоятельныя притязанія кредиторовъ. Онъ собралъ свѣденія о долгахъ Наслѣдника и узналъ, что самымъ тяжкимъ бременемъ для герцогства были войска. Шуваловъ придумалъ и предложилъ, именемъ Императрицы, уволить всѣхъ этихъ людей, безполезныхъ и убыточныхъ, съ тѣмъ, что, вмѣсто 200 человѣкъ, Императрица будетъ содержать двѣ тысячи русскихъ войскъ въ Голштиніи, которыми великій князь будетъ распоряжаться по своей волѣ. Великій князь горячо схватился за такое предложеніе, но, къ несчастію, разсказалъ Брокдорфу, а этотъ отклонилъ его отъ того, подъ предлогомъ, что въ Голштиніи каждый русскій ненавидимъ и что тамошніе жители побьютъ ихъ. Такимъ образомъ не осуществилось предположеніе, которое могло бы имѣть великія, полезныя и добрыя послѣдствія. Это случилось двѣ недѣли послѣ его пріѣзда, а въ концѣ 1754 года великій князь, видя, что положеніе его дѣлъ было въ состояніи, грозившемъ совершеннымъ банкрот-

*) Семевскій. «Шесть мѣсяцевъ изъ русской исторіи» — «Отеч. Зап.» 1867 г.

ствомъ, рѣшился поручить великой княгинѣ заботы о поправленіи своихъ дѣлъ.

Великая княгиня сначала не хотѣла на это согласиться, предвидя препятствія къ поправленію такого безнадежнаго состоянія и, кромѣ того, ревность и зависть, которыя пришлось бы навлечь на себя изъ за этого. Но, въ концѣ концовъ, боясь огорчить великаго князя и быть причиною упрековъ, она наконецъ рѣшилась согласиться. Прежде всего она потребовала себѣ, за подписью великаго князя, указъ для его чиновниковъ, чтобы они ее слушались. Указъ принялъ Пехлинъ. Затѣмъ надлежало выяснить финансовое положеніе дѣлъ. Для этого она велѣла подать себѣ финансовый и долговой списки. Изъ нихъ она усмотрѣла, что ежегодный расходъ превышалъ доходъ на 27 тысячъ талеровъ. Въ общемъ итогѣ она увидѣла милліоны долговъ и 180 тысячъ талеровъ дохода. Раздумывая о средствахъ противъ такого превышенія, потому что великій князь не хотѣлъ и слышать о сокращеніи войскъ, она предполагала заключить договоръ съ вѣнскимъ дворомъ, по которому ему давалось бы 100 тысячъ талеровъ въ годъ, и эти деньги, будучи хорошо распредѣлены, возстановили бы все и уплатили бы всѣ долги. Брокдорфъ возсталъ противъ этого договора и, чтобы остановить подпись великаго князя, возбудилъ опасеніе, что король Прусскій отниметъ у него владѣнія. Событія показали, что ничего подобнаго не случилось *). Какова была личность Брокдорфа — можно составить себѣ понятіе изъ слѣдующаго: у него въ Голштиніи былъ врагъ, нѣкій Эдельсгеймъ, котораго онъ, желая засадить въ тюрьму, обвинилъ въ казнокрадствѣ. Екатерина разсказываетъ по этому поводу слѣдующій характерный разговоръ, происходившій

*) «Сборн. Русск. Истор. Общ.». VII, 93—94.

съ великимъ княземъ. „Петръ Ѳедоровичъ однажды вошелъ въ мой кабинетъ и объявилъ, что ему представили, будто необходимо нужно послать секретный указъ въ Голштинію, чтобы тамъ арестовали одну изъ самыхъ вліятельныхъ по должности и по довѣрію личность, Эдельсгейма, который, хотя и незнатнаго происхожденія, но достигъ положенія, благодаря своему образованію и способностямъ. На это я у него спросила, что̀ имѣютъ противъ этого человѣка и что̀ онъ такое сдѣлалъ, что бы могло дать поводъ къ его аресту. На это онъ мнѣ отвѣтилъ:—„Вотъ видите ли, говорятъ, будто его подозрѣваютъ въ казнокрадствѣ“. Я снова спросила, кто именно его обвиняетъ. На это онъ, считая себя совершенно въ правѣ, отвѣтилъ: „О! обвинителей теперь не имѣется, такъ какъ его всѣ уважаютъ и боятся въ странѣ; поэтому-то и нужно, чтобы я его арестовалъ; а только что онъ будетъ арестованъ, меня увѣряютъ, что обвинителей найдется сколько угодно“. Я была поражена тѣмъ, что онъ мнѣ сказалъ и возразила ему: „Но, при такомъ способѣ дѣйствій, не найдется на всемъ свѣтѣ невинныхъ; достаточно одного завистника, который распуститъ какой угодно слухъ, на основаніи котораго арестуютъ кого угодно, говоря: обвиненія и преступленія найдутся потомъ“ *). Тогда великій князь указалъ на Брокдорфа, говоря, что это его настояніе, и затѣмъ, чтобы убѣдить великую княгиню въ необходимости привести предполагаемую мѣру въ исполненіе, онъ послалъ къ ней самого Брокдорфа для объясненій. Екатерина сказала ему, что если у него въ рукахъ есть доказательства противъ Эдельсгейма, то она согласна на его желаніе. Но онъ не былъ въ состояніи ихъ представить, увѣряя только, что если бы

*) «Mémoires», 262.

это лицо было арестовано, то доказательства его виновности нашлись бы во множествѣ. Брокдорфъ, видя, что не могъ убѣдить великую княгиню сдѣлать несправедливость, желалъ, въ отмщеніе за то, одержать надъ нею верхъ, и взялся за это такъ хорошо, что великій князь согласился на арестованіе вопреки ея мнѣнію *). Екатерина узнала объ этомъ рѣшеніи черезъ секретаря великаго князя, состоявшаго при Пехлинѣ, Цейтса. Партія Пехлина вообще не одобряла всѣхъ сильныхъ и неумѣстныхъ мѣръ, которыми пользовался Брокдорфъ, чтобы заставить трепетать Голштинію **).

Но этимъ разсчеты съ Брокдорфомъ еще не прекратились; это было только началомъ возникавшей борьбы между великою княгинею и имъ. Для уясненія дальнѣйшихъ отношеній Екатерины Алексѣевны съ этимъ вреднымъ человѣкомъ, приводимъ разсказъ изъ ея замѣтокъ. „Я потребовала къ себѣ, пишетъ Екатерина, дѣлопроизводство, такъ какъ всѣ бумаги изъ Голштиніи должны были, по распоряженію великаго князя, проходить черезъ мои руки. Брокдорфъ устроилъ такъ, что былъ назначенъ главою коммиссіи противъ своего врага и часто припрятывалъ отъ меня тѣ бумаги, которыя считалъ неудобнымъ для себя мнѣ показывать. Съ этой поры онъ явился моимъ врагомъ и предъ великимъ княземъ отзывался презрительно обо всемъ, что я ни предпринимала. Я крѣпко стояла за истину, не теряла присутствія духа и, для блага великаго князя, примирилась, съ самымъ смертельнымъ врагомъ моимъ, канцлеромъ Бестужевымъ. Брокдорфъ, когда бѣдствовалъ, часто передавалъ мнѣ объ опасныхъ предположеніяхъ, въ которыхъ публика подозрѣвала Шуваловыхъ. Я презирала такіе толки.

*) «Сборн. Русск. Истор. Общ.». VII, 94.
**) «Mémoires», 266.

Брокдорфъ переносилъ ихъ великому князю, который былъ ими испуганъ и удивлялся, видя меня спокойною, тогда какъ онъ считалъ себя въ опасности. Брокдорфъ счелъ нужнымъ совѣтовать мнѣ о принятіи мѣръ, которыя онъ самъ подробно излагалъ, противъ означенныхъ предположеній. Я смѣялась ему въ глаза, и онъ, видя меня рѣшившеюся не слѣдовать его мнѣніямъ и занятою приведеніемъ въ исполненіе намѣренія выслать его обратно въ Голштинію, перекинулся на сторону господъ (Шуваловыхъ?), предлагая имъ свои услуги у великаго князя. Онъ ввелъ ихъ въ милость у великаго князя тѣмъ, что занималъ у нихъ деньги для него, при посредствѣ покойнаго Брауна. Брокдорфъ изъ бывшаго обвинителя сдѣлался ихъ защитникомъ, воспользовался размолвкою, которую возбудилъ онъ между великимъ княземъ (и мною?), и болѣе и болѣе утвердился въ милости у него всѣми возможными, самыми гадкими средствами. Тогда я письменно изложила о всѣхъ противорѣчіяхъ дѣйствій Брокдорфа, о его поступкахъ за и противъ Шуваловыхъ и о его обвиненіяхъ и передала эту бумагу великому князю. Брокдорфъ убѣдилъ его разсказать все ея содержаніе графу Александру Шувалову, который, повѣря Брокдорфу, считалъ меня сочинительницею всего, что было написано въ бумагѣ противъ нихъ. Шуваловы ненавидѣли канцлера: подозрѣнія и страхъ, чтобы мои сношенія съ нимъ не повредили имъ когда либо, ускорили его паденіе. Тогда не могли себѣ представить, чтобы послѣдовательный образъ дѣйствій былъ плодомъ женскаго ума; чтобы женщина имѣла уже въ рукахъ всѣ большія и малыя дѣла своего мужа; чтобы она не терпѣла казнокрадства, наушничествъ, несправедливости и проч.—перспектива ужасная! Необходимо было трудиться о пораженіи ея. Брокдорфъ, говоря обо мнѣ, употреблялъ выраженіе:

„надо раздавить змѣю“ и, когда канцлеръ былъ взятъ, онъ клятвенно завѣрялъ великаго князя, что я затѣвала заговоръ противъ его жизни и не знаю еще что̀. Выходя изъ комнаты великаго князя, онъ говорилъ: „я сейчасъ раздавилъ голову змѣѣ“. Невинность открылась: великій князь, въ минуту, когда думали торжествовать, примирился со мною. Онъ выказалъ предо мною угрызеніе совѣсти и питалъ великое недовѣріе къ тѣмъ, которые побуждали его ко злу. Я отказалась отъ приведенія въ порядокъ его дѣлъ, его приближенные должны быть тѣмъ довольны, и потому эти дѣла непоправимы. Чтобы окончить изображеніе сердца Брокдорфа, прибавлю, что я слышала его утверждавшимъ при всѣхъ за столомъ, что, „для сдѣланія арміи болѣе дѣятельною, необходимо убивать всѣхъ раненыхъ“. И когда великій князь возражалъ противъ такой жестокости, то Брокдорфъ приводилъ въ подтвержденіе, что шведы всегда такъ поступали. Графъ А. Шуваловъ сидѣлъ тогда около меня, и я, толкнувъ его локтемъ, сказала притомъ: Я слышала этого человѣка утверждавшимъ, что „всякій русскій есть мошенникъ и измѣнникъ, но что нѣсколько нѣмецкихъ совѣтниковъ могутъ легко справиться съ ними“. Не было такого казнокрадства, котораго бы онъ не дѣлалъ. Когда я усмотрѣла дурныя правила этого человѣка, то просила свиданія съ Императрицею и разсказала все, что знала; я думала, что она удалитъ или по крайней мѣрѣ исправитъ его, но вмѣсто этого, въ разгаръ моей ссоры съ великимъ княземъ, ее убѣдили объявить, что я, безъ его вѣдома, сдѣлала, что могла, для изгнанія отъ него его вѣрнаго служителя Брокдорфа, но что она вмѣсто того назначила ему семь тысячъ жалованья, предложивъ великому князю пользоваться совѣтами этого почтеннаго человѣка. Повѣрятъ ли этому когда нибудь,

а между тѣмъ это правда. Окончимъ тѣмъ, что этотъ человѣкъ укралъ у великаго князя пятнадцать тысячъ рублей, и этотъ его уличилъ въ томъ письменными доказательствами“ *).

Вмѣшательство Екатерины въ дѣла Голштиніи продолжалось до самой катастрофы съ канцлеромъ Бестужевымъ, по совѣту котораго, послѣ смерти Пехлина, должность управляющаго дѣлами Голштиніи была замѣщена Штамбке. Послѣ ареста Бестужева, обнаружились сношенія его съ Штамбке, вслѣдствіе чего, по повелѣнію Императрицы, послѣдній былъ отосланъ обратно въ Голштинію. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Елизавета Петровно выразила великому князю неудовольствіе за вмѣшательство великой княгини въ его дѣла **). Такимъ образомъ, Екатерина Алексѣевна прекратила свою политическую дѣятельность въ отношеніи маленькаго герцогства, но съ тѣмъ, чтобы принять дѣятельное участіе въ европейскомъ политическомъ и въ придворномъ водоворотахъ.

Раздѣляя съ Петромъ участіе въ правленіи Голштиніею, Екатерина старалась заинтересовать своего супруга въ дѣлахъ, касающихся государства, которымъ онъ современемъ будетъ призванъ управлять. Она убѣждала его отказаться отъ предубѣжденій противъ Россіи, стараться снискать любовь и уваженіе будущихъ своихъ подданныхъ и просить Императрицу дать ему средства познакомиться съ дѣлами Имперіи. Но попытки эти были тщетны; Петръ Ѳедоровичъ повторялъ ей нѣсколько разъ одно и то же: что онъ чувствуетъ, что не рожденъ для Россіи, что онъ непригоденъ русскимъ и русскіе непригодны ему и что онъ убѣжденъ, что въ Россіи ему придется погибнуть. Тѣмъ не менѣе,

*) «Сборн. Русск. Истор. Общ.». VII, 96—97.
**) «Mémoires», 321.

при посредствѣ Шуваловыхъ, Екатеринѣ удалось устроить, чтобы великій князь былъ назначенъ членомъ конференціи. Его допускали въ засѣданія въ то время, когда тамъ присутствовала Императрица; но Елизавета Петровна сама бывала тамъ всего раза два или три, и, слѣдовательно, этимъ ограничилось все участіе великаго князя въ дѣлахъ правленія *).

Не чувствуя въ себѣ никакого расположенія къ Россіи, Петръ Ѳедоровичъ, напротивъ того, отдалъ всѣ свои симпатіи Пруссіи. Подъ вліяніемъ постоянныхъ бесѣдъ съ голштинскими офицерами и ихъ восторженныхъ разсказовъ о бывалыхъ и небывалыхъ подвигахъ прусскаго героя — Фридриха II, великій князь сталъ строить планы, какъ онъ будетъ воевать за родную Голштинію съ исконнымъ врагомъ ея, Даніею, и при этомъ въ немъ, подъ вліяніемъ окружавшихъ его нѣмцевъ, явилось убѣжденіе, что надежнѣйшимъ пособникомъ его будетъ не кто другой, какъ Фридрихъ, сдѣлавшійся отнынѣ его совершеннымъ кумиромъ. „Великаго Князя увѣрили, — писалъ саксонскій министръ Линаръ, — что король Прусскій его любитъ, говоритъ о немъ не иначе, какъ съ великимъ уваженіемъ, и вообще отзывается о немъ весьма лестно; поэтому онъ думаетъ, что какъ скоро онъ взойдетъ на престолъ, то Прусскій король будетъ искать его дружбы и будетъ во всемъ помогать ему“.

Съ началомъ семилѣтней войны, извѣстіе о каждомъ успѣхѣ союзниковъ противъ Пруссіи повергало великаго князя въ совершенное отчаяніе; получая изъ какого-то таинственнаго источника извѣстія съ прусской стороны, Петръ Ѳедоровичъ не хотѣлъ вѣрить никакимъ реляціямъ о неудачахъ Фридриха II: „Все

---

*) «Mémoires», 271. — Соловьевъ. XXIV, 61.

это ложь, — говорилъ онъ: — мои извѣстія говорятъ совсѣмъ другое".

Когда пришло извѣстіе о смерти шведскаго короля и о восшествіи на престолъ Адольфа-Фридриха, то Петръ не удержался выразить передъ русскими, въ самыхъ оскорбительныхъ для нихъ словахъ, свою грусть о потерѣ шведскаго престола*).

Видя постоянное ухудшеніе здоровья Императрицы и тревожимый опасеніями за будущее, при такихъ выходкахъ Наслѣдника престола, предусмотрительный и искусный канцлеръ Бестужевъ не могъ оставаться безучастнымъ зрителемъ перспективы, которая представлялась ему въ будущемъ. У него въ головѣ созрѣвалъ уже проэктъ престолонаслѣдія на случай смерти Императрицы; но для выполненія его необходимо было сблизиться съ великою княгинею.

*) Lynar. — «Hinterlassene Staatsschriften». — Соловьевъ, XXIV. 57.

XVI.

Извѣстно, на сколько канцлеръ Бестужевъ противился браку великаго князя съ принцессою Ангальтъ-Цербстскою, на сколько онъ былъ недоволенъ при извѣстіи о ея пріѣздѣ; съ другой стороны, какъ мать Екатерины Алексѣевны домогалась паденія ненавистнаго ей и прусскому двору министра, и какъ бы, ей въ отвѣтъ, Бестужевъ, съ своей стороны, добивался скорѣйшаго удаленія принцессы Іоганны-Елизаветы изъ Россіи. Затѣмъ, послѣ бракосочетанія Петра съ Екатериною, для лицъ, назначенныхъ состоять при нихъ, была выработана инструкція, цѣлью которой было по возможности стѣснить свободу дѣйствій великой княгини и лишить ее всякой самостоятельности. При такихъ условіяхъ, тѣмъ важнѣйшее значеніе должна была имѣть та перемѣна отношеній, которая послѣдовала между Екатериною и канцлеромъ въ началѣ пятидесятыхъ годовъ. Въ то же время явленіе совершенно противоположное замѣчается въ отношеніи Бестужева къ великому князю.

Въ декабрѣ 1752 года, Императрица и великій князь съ супругою переѣхали въ Москву. Великій канцлеръ вначалѣ не сопутствовалъ двору, такъ какъ дѣла и здоровье задерживали его въ Петербургѣ.

Грозная туча стояла на политическомъ горизонтѣ, а при дворѣ ряды пріятелей канцлера замѣтно пустѣли.

Хотя онъ слѣпо вѣрилъ въ свое счастіе и, вполнѣ сознавая свои таланты, разсчитывалъ на нихъ твердо, однако онъ съ безпокойствомъ сталъ примѣчать, что царедворцы, не скрываясь, избѣгали его. По пріѣздѣ въ Москву, онъ лихорадочно началъ искать себѣ союзниковъ.

Уже съ нѣкоторыхъ поръ остановила на себѣ его вниманіе молодая великая княгиня, старавшаяся, въ неравной борьбѣ съ нимъ, воздавать ему, по мѣрѣ силъ, око за око и зубъ за зубъ. Стойкость и хитрость, съ которыми Екатерина защищала интересы и права мужа въ вопросѣ о герцогствѣ Голштинскомъ, доказали ему, что онъ имѣлъ дѣло съ женщиною далеко не обыкновенною; Бестужевъ зналъ, что въ семейной жизни великая княгиня была несчастлива. Что же касалось великаго князя, Бестужевъ уже давно понялъ, чего могла ожидать отъ него Россія; къ тому же онъ его ненавидѣлъ — какъ друга Фридриха Великаго и сторонника Шуваловыхъ. Беременность Екатерины давала надежду, что скоро родится наслѣдникъ престола, а здоровье Государыни, по свидѣтельству лечившихъ ее врачей, не предвѣщало долгаго царствованія. Канцлеръ первый разгадалъ и понялъ Екатерину и рѣшился съ нею сблизиться. Черезъ Сергѣя Васильевича Салтыкова узнала она, что канцлеръ ищетъ ея дружбы. Хотя не мало накипѣло у нея въ сердцѣ злобы противъ Бестужева, однако пренебрегать такимъ предложеніемъ было нечего. Голштинецъ Бремзенъ, вполнѣ преданный канцлеру, служилъ при великомъ князѣ по дѣламъ его герцогства. Ему поручила Екатерина объявить Бестужеву, что она готова войти съ нимъ въ дружескія сношенія. Такимъ образомъ тайный союзъ былъ заключенъ*).

---

*) «Осмнадцатый Вѣкъ». II, 501.

Бестужевъ, на 16-мъ году царствованія Елизаветы, оставался все тѣмъ-же, какимъ былъ при началѣ его, т. е. единственнымъ человѣкомъ, способнымъ управлять кормиломъ государства среди волненій внѣшней политики. Съ большою опытностью въ дѣлахъ дипломатическихъ онъ соединялъ рѣдкія познанія и несомнѣнно желалъ величія Россіи, хотя иногда любовь къ родинѣ подчинялъ личнымъ выгодамъ. Теперь, когда труднѣе чѣмъ когда нибудь было управленіе дѣлами государственными, Бестужевъ долженъ былъ непрестанно бороться съ сильными противниками, на каждомъ шагу натыкаться на подкопы и интриги и видѣть, какъ, подъ мѣткими ударами враговъ, сокрушалось зданіе его политики, съ такимъ трудомъ и терпѣніемъ возведенное.

Характеръ и поведеніе великаго князя заставляли сильно задуматься на счетъ будущаго Россіи; Бестужевъ не предвидѣлъ ничего хорошаго ни для Россіи, ни для себя въ этомъ будущемъ. Особенно, какъ видно, оттолкнулъ его отъ себя великій князь во время переговоровъ съ Даніею о Голштиніи. Канцлеръ предусматривалъ что Петръ, сдѣлавшись Императоромъ, не остановится ни передъ чѣмъ, и принесетъ въ жертву русскіе интересы голштинскимъ. Петръ отчасти самъ высказался уже въ этомъ смыслѣ, сказавъ однажды Пехлину: „Я уже буду знать, какъ приняться за дѣло, чтобы съ помощью шведовъ возвратить отъ Даніи Шлезвигъ“. Бестужевъ не сомнѣвался, что Петръ, какъ скоро сдѣлается Императоромъ, возвратитъ шведамъ часть завоеваній Петра Великаго, съ тѣмъ чтобы, съ ихъ помощью, завоевать у Даніи Шлезвигъ. Кромѣ этихъ голштинскихъ привязанностей, канцлера сильно безпокоили еще прусскія привязанности Петра, выражавшіяся чрезмѣрнымъ благоговѣніемъ передъ Фридрихомъ II-мъ. Бестужевъ говорилъ, что, кромѣ уступокъ шведамъ,

отъ Петра надобно ожидать, что онъ будетъ стараться снискать расположеніе Прусскаго короля на счетъ Австріи, — слѣдовательно, совершенно измѣнитъ политику, которую проводилъ Бестужевъ.

При такихъ выходкахъ Наслѣдника престола, Бестужевъ, тревожимый опасеніями за будущее, послѣ сближенія своего съ великою княгинею, составилъ планъ, въ которомъ прежде всего не забылъ самого себя. Планъ состоялъ въ томъ, чтобы, по смерти Императрицы, великій князъ былъ провозглашенъ Императоромъ, но въ то же время и Екатерина должна быть провозглашена участницею въ правленіи; онъ, Бестужевъ, получаетъ при этомъ чинъ подполковника четырехъ гвардейскихъ полковъ и президентство въ трехъ коллегіяхъ — иностранныхъ дѣлъ, военной и адмиралтейской. Въ послѣднее время канцлеръ написалъ уже въ этомъ смыслѣ и проэктъ манифеста и переслалъ его великой княгинѣ черезъ графа Понятовскаго. Екатерина поручила Понятовскому устно благодарить Бестужева за его доброе расположеніе къ ней и сказать, что она не считаетъ это дѣло легкимъ. Канцлеръ, вслѣдствіе этого замѣчанія, нѣсколько разъ принимался за проэктъ, дополнялъ и сокращалъ его. Екатерина говоритъ, что она вовсе не относилась къ дѣлу серьезно, но не хотѣла противорѣчить старику, упорному въ своихъ планахъ *).

Тѣмъ не менѣе, скрывая свое удовольствіе по поводу плановъ канцлера и вообще перемѣны отношеній къ нему, Екатерина Алексѣевна внутренно радовалась, лелѣяла проэктъ и гораздо болѣе дорожила Бестужевымъ, чѣмъ высказывала это на словахъ. Въ августѣ 1754 года она писала матери: „Je

*) Соловьевъ. XXIV, 57.

suis charmée, que vous aprouviez la liaison étroite, mais extrémement secrète, que j'ai avec S. E. Mr. le Chancelier. Il faudrait être plus qu'ingrate, pour ne pas reconnaitre les soins généreux de ce respectable ami; non seulement il m'assiste de ses conseils, mais il prévient encore, avec sa prudence consommée, tout ce qu'il croit me pouvoir nuire le moins du monde. J'avoue que j'admire son procédé et que j'ai pour lui une confiance sans bornes. Dieu veuille prolonger ses jours et sa santé" *). Въ другомъ мѣстѣ она пишетъ: „J'espère, Madame, que vôtre sévérité ne sera poin offensée des billets doux que j' écris à S. E. Mr. le Chancelier" **).

Мы видѣли, что въ тайныхъ сношеніяхъ между канцлеромъ и великою княгиною является человѣкомъ вполнѣ довѣреннымъ у обоихъ графъ Понятовскій. Двадцатитрехлѣтній графъ Станиславъ Понятовскій, одинъ изъ самыхъ блестящихъ, самыхъ привлекательныхъ людей своего времени, былъ племянникомъ Чарторыйскихъ. Незадолго передъ описываемымъ временемъ, англійскій посланникъ Уильямсъ былъ въ Польшѣ и сдружился съ фамиліею Чарторыйскихъ; когда же онъ отправлялся въ Петербургъ, то взялъ туда съ собою, въ качествѣ секретаря посольства, ихъ племянника.

---

*) Переводъ:

«Я въ восторгѣ, что вы одобряете тѣсный, но чрезвычайно секретный союзъ между мною и Его Превосходительствомъ Г-номъ Канцлеромъ. Нужно быть болѣе чѣмъ неблагодарною, чтобы не оцѣнить щедрыхъ услугъ этого почтеннаго друга; онъ не только помогаетъ мнѣ совѣтами, но онъ еще предупреждаетъ, со свойственною ему чрезвычайною осторожностью, все, что по его мнѣнію могло бы мнѣ сколько-нибудь вредить. Я сознаюсь, что восхищаюсь его отношеніями ко мнѣ и что питаю къ нему неограниченное довѣріе. Да продлитъ Господь его дни и здоровье».

**) «Надѣюсь, Милостивая Государыня, что Ваша строгость не будетъ оскорблена нѣжными записками, которыя я пишу Е. П. Г-ну Канцлеру».

Herrman. «Der russische Hof unter Kaiserin Elisabeth, VI, 302—303. Brückner. 56.

Понятовскій, какъ только прибылъ въ Петербургъ, тотчасъ появился въ высшемъ петербургскомъ кругу, былъ замѣченъ великою княгинею и очень понравился великому князю, потому что безпощадно насмѣхался надъ королемъ Августомъ, котораго Петръ ненавидѣлъ какъ врага Фридриха II. Скоро Понятовскій сдѣлался постояннымъ посѣтителемъ молодаго двора, но не надолго, такъ какъ долженъ былъ быть обратно отозванъ въ Польшу. Между тѣмъ молодой дворъ не могъ обойтись безъ Понятовскаго, и великая княгиня, при помощи канцлера, настояла на томъ, чтобы Понятовскій былъ назначенъ польско-саксонскимъ посланникомъ при петербургскомъ дворѣ. Впослѣдствіи Понятовскій, сдѣланный королемъ Польши, оставилъ послѣ себя записки объ отношеніяхъ своихъ къ Екатеринѣ Алексѣвнѣ и о восшествіи своемъ на королевскій престолъ.

Вернемся къ графу Бестужеву. Канцлеръ, разрабатывая свои проэкты о престолонаслѣдіи, старался между тѣмъ всячески возбуждать Елизавету Петровну противъ племянника. Это было ему легко. Поведеніе Петра Ѳедоровича уже давно сильно огорчало Императрицу; она не могла провести съ нимъ четверти часа спокойно, не почувствовавъ досады, гнѣва или печали; въ обществѣ близкихъ людей, когда рѣчь заходила о немъ, Елизавета съ горькими слезами жаловалась на несчастіе имѣть такого наслѣдника; будучи вспыльчива, она не разбирала словъ для выраженія своей досады на Петра. Но этого было недовольно.

Чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе проэкты Бестужева развивались и становились смѣлѣе. Съ рожденіемъ Павла Петровича, объ Иванѣ Антоновичѣ никто уже не думалъ; поэтому графъ рѣшилъ, въ случаѣ кончины Государыни, уже не ограничиваться только совмѣстнымъ правленіемъ Петра и Екатерины, но просто возвести на

престолъ ея внука, а правительницею государства провозгласить Екатерину. Съ рожденіемъ правнука Петра Великаго, на мѣсто Петра Ѳедоровича, котораго легко можно было отправить въ Голштинію или заключить въ какія нибудь Холмогоры, представлялся не иностранный принцъ, а свой кровный князь.

Ко всему этому слѣдовало подготовить Государыню; но дѣло было крайне затрудительно, такъ какъ Елизавета Петровна страшно боялась смерти. Всякій намекъ на ея кончину могъ бы дорого стоить тому, кто бы на него отважился. Въ планахъ своихъ Бестужевъ нашелъ споспѣшника. То былъ графъ Алексѣй Григорьевичъ Разумовскій. Явное презрѣніе ко всему русскому, пренебреженіе всѣми обрядами православной вѣры, страсть ко всему нѣмецкому уже давно отдалили старшаго Разумовскаго отъ великаго князя. Какъ ни избѣгалъ онъ интригъ, какъ ни держалъ себя вдали отъ дѣлъ государственныхъ, однако въ этомъ случаѣ онъ охотно, какъ видно, поддался вліянію Бестужева. Все дѣло было однако содержимо въ глубокой тайнѣ. Шуваловы ничего не подозрѣвали, а великій канцлеръ и Екатерина, не спѣша и тихомолкомъ, подготовляли свой планъ дѣйствія *).

Здѣсь будетъ у мѣста упомянуть о попыткѣ, и, насколько извѣстно, единственной въ своемъ родѣ, произвести государственный переворотъ въ пользу Петра Ѳедоровича. Поводъ ея нельзя приписать исключительно желанію видѣть на россійскомъ престолѣ племянника Елизаветы Петровны, а скорѣе это была попытка противодѣйствія ряду мѣръ, предпринятыхъ нѣсколко ранѣе описываемой эпохи и клонившихся къ прикрѣпленію податнаго сословія и расширенію предѣловъ господской

*) «Осмнадцатый Вѣкъ». II, 502.

власти. Безумная выходка подпоручика Ширванскаго полка, Іоасафа Батурина, въ 1749 году, была причиною нѣкотораго безпокойства Елизаветы Петровны и великой княгини и тѣмъ дала толчокъ вопросу о престолонаслѣдіи. Кромѣ того, послѣдствія ея выказали полную неспособность Петра Ѳедоровича быть центромъ какой бы то ни было политической партіи.

Въ то время, когда дворъ, въ 1749 году, проводилъ лѣто въ Москвѣ, на окрестныхъ съ городомъ фабрикахъ между рабочими происходили безпорядки, которыми Батуринъ хотѣлъ воспользоваться, чтобы произвести задуманный имъ государственный переворотъ и, при содѣйствіи нѣсколькихъ человѣкъ рабочихъ и солдатъ, свергнуть Елизавету Петровну, а на ея мѣсто возвести Петра Ѳедоровича. Петръ зналъ о сочувствіи, которое имѣли къ нему въ этихъ слояхъ; но когда однажды Батуринъ, выслѣдивъ Петра на охотѣ, встрѣтился съ нимъ въ лѣсу, привѣтствовалъ его какъ своего Государя и предложилъ ему свои услуги, Петръ Ѳедоровичъ совершенно потерялъ всякое присутствіе духа, испугался и ускакалъ отъ Батурина. Его смущеніе достигло высшихъ размѣровъ, когда онъ, вскорѣ послѣ того, узналъ объ арестованіи Батурина и съ нимъ нѣкоторыхъ другихъ лицъ. Онъ считалъ себя сильно скомпрометтированнымъ и съ ужасомъ ожидалъ каждую минуту обыска и допроса. Не безъ нѣкоторой насмѣшки разсказываетъ Екатерина въ своихъ запискахъ про полное отсутствіе самообладанія Петра, который посвятилъ ее въ свою тайну и разсказалъ ей про бывшій съ нимъ случай и про его опасенія за послѣдствія. Происшествіе съ Батуринымъ не имѣло для великаго князя никакихъ послѣдствій. Разыгралась эта попытка переворота тѣмъ, что самъ Батуринъ и нѣкоторыя причастныя къ его дѣлу лица высидѣли нѣсколько лѣтъ

въ крѣпости. Но этотъ эпизодъ имѣлъ то значеніе, что ясно выказалъ, насколько Петръ Ѳедоровичъ, въ политическомъ отношеніи, не могъ играть роли и тѣмъ болѣе не съумѣлъ бы никогда самостоятельно поддерживать свои права на престолонаслѣдіе. Екатерина Алексѣевна въ этомъ случаѣ не придала, въ глазахъ великаго князя, никакого значенія происшествію его съ Батуринымъ и ограничилась лишь выговоромъ за то, что онъ проводилъ время, шутилъ и кутилъ со всякими егерями и псарями своей охоты и выслушивалъ отъ нихъ всевозможные вздорные разсказы *).

Хотя по дѣлу Батурина великій князь избѣжалъ допроса, тѣмъ не менѣе, отношенія между Императрицею и ея племянникомъ должны были обостриться. Противорѣчіе между дворомъ Елизаветы Петровны и „молодымъ голштинскимъ“ великокняжескимъ—уже можно было замѣтить—существовало довольно рѣзкое. Но еще рѣзче выражалось оно внутри послѣдняго. Петръ судилъ о всякомъ дѣлѣ необдуманно, слѣдовалъ минутному внушенію, выказывалъ полную неспособность къ политическому труду; ему недоставало спокойствія и сосредоточенія, сообразительности и выдержки, мужества и послѣдовательности. Екатерина, напротивъ того, умѣла составлять себѣ партію, пріобрѣтать сильныхъ союзниковъ, а во время опасности обнаруживала большую осмотрительность и присутствіе духа. Она сама самостоятельно и обдуманно направляла и вела политическую игру, послѣ которой она впослѣдствіи, съ такою легкостью и съ такими прочными залогами, вышла побѣдительницею.

Еще въ первое время супружеской жизни Петра Ѳедоровича, неудовольствіе Елизаветы Петровны на

*) «Mémoires», 120.—Барсуковъ. «Іоасафъ Батуринъ». «Древн. и Нов. Россія» 1875. I, 170. — Соловьевъ, XXIII. 208. — Brückner, 48—49.

своего племяника дошло до такой степени, что она даже угрожала ему поступить съ нимъ такъ, какъ поступилъ Петръ I со своимъ сыномъ Алексѣемъ *). Всѣ тѣ, которые въ это время выказывали какую либо привязанность къ нему, немедленно удалялись. Петръ не умѣлъ самостоятельно выходить изъ подобнаго рода ненормальнаго положенія. Онъ обыкновенно обращался къ заступничеству особъ, пользовавшихся извѣстнымъ вліяніемъ при Императрицѣ. При посредствѣ Ивана Ивановича Шувалова, онъ надѣялся пріобрѣсти нѣкоторую свободу для своихъ удовольствій: выпрашивалъ уплату своихъ долговъ, просилъ дозволить ему маленькое путешествіе за границу, жаловался на свое душевное разстройство, угрожалъ, что сознаніе своего жалкаго положенія изведетъ его и т. д.**). Во всевозможныхъ случаяхъ онъ искалъ себѣ помощи въ просьбахъ.

Въ положеніи Петра Ѳедоровича при Императрицѣ Елизаветѣ было много общаго съ положеніемъ царевича Алексѣя Петровича при Петрѣ Великомъ. Первый видѣлъ въ смерти отца для себя спасеніе. Такъ же точно великій князь ожидалъ кончины тетки. Пріобрѣсти самостоятельное политическое положеніе Петръ Ѳедоровичъ былъ такъ же неспособенъ, какъ и цесаревичъ Алексѣй. Обоимъ недоставало рѣшительности выдерживать какую либо борьбу. Но за то оба одинаково выказывали отсутствіе гражданскихъ доблестей въ дѣлахъ государственныхъ. Во время Семилѣтней войны, характеръ поведенія Петра Ѳедоровича близко подходилъ къ измѣнѣ. Въ то время, когда было запрещено имѣть у себя изображенія Фридриха Великаго, Петръ поддерживалъ тайныя сношенія съ королемъ Прусскимъ и радовался каждой побѣдѣ, которую пруссаки одер-

*) «Mémoires», 57.
**) «Русск. Арх.» 1866 г., 580—483.

живали надъ русскими. Вмѣстѣ съ тѣмъ, у него не было достаточно мужества, чтобы открыто, при Императрицѣ, выказывать свое расположеніе къ Фридриху. Сочувствіе его къ врагу Россіи происходило не вслѣдствіе какого-либо политическаго убѣжденія, а было только выраженіемъ личнаго чисто субъективнаго бреда къ королю. При такихъ задаткахъ, конечно, Петръ Ѳедоровичъ не могъ быть опасенъ Императрицѣ и ея правленію.

Совершенно въ другомъ родѣ являлась Екатерина Алексѣевна, которая представляла изъ себя силу, пріобрѣла себѣ вліятельныхъ приверженцевъ и, при случаѣ, была готова рѣшиться на крайнія мѣры.

Императрица Елизавета не могла имѣть преимущества передъ Екатериною ни въ отношеніи ума, ни силы характера; единственно, въ чемъ великая княгиня уступала Императрицѣ, это — въ красотѣ. Мелочность Елизаветы Петровны высказалась вполнѣ въ инструкціи, составленный Бестужевымъ въ 1746 году для лицъ, состоящихъ при великомъ князѣ и его супругѣ. Мы нарочно сопоставили этотъ документъ съ тѣми наставленіями, которыя, тридцать лѣтъ спустя, Екатерина II преподала супругѣ цесаревича Павла Петровича. Опека надъ взрослыми молодыми людьми, какими были Петръ и Екатерина, могла дѣйствовать только растлѣвающимъ образомъ. Уже ея одной достаточно было, чтобы сразу поселить въ отношеніяхъ между Елизаветою Петровною и Екатериною Алексѣевною недоброжелательство; о взаимномъ довѣріи не могло быть и рѣчи; внѣшность не могла не быть обманчива.

Отсюда естественно, что подобное положеніе великой княгини при дворѣ побуждало ее искать тайныхъ друзей, путемъ скрытности, доставлять себѣ нѣкоторыя выгоды, противуставлять строгому надзору, какому она была подвержена, нѣкоторую ловкость и лукав-

ство, какъ это и доказываютъ нѣкоторыя черты ея развлеченій.

Въ числѣ пунктовъ инструкціи, лицамъ, состоящимъ при великой княгинѣ, находится предписаніе ея высочеству: „не мѣшаться въ государственныя или голштинскаго правленія дѣла“. Въ такомъ же духѣ было составлено и наставленіе отца Екатерины передъ отъѣздомъ ея въ Россію, въ которомъ Христіанъ-Августъ, между прочимъ, убѣждалъ дочь держаться какъ можно дальше политики. Но понятное дѣло, что слова, какъ инструкціи, такъ и промеморіи князя Христіана, должны были оставаться только мертвыми буквами. Первый, кто вовлекъ Екатерину въ дѣла государственныя, былъ самъ же составитель инструкціи — канцлеръ Бестужевъ, а вслѣдъ за нимъ, сознавая все предстоящее значеніе Екатерины, ищутъ ея содѣйствія и иностранные министры. Такимъ образомъ, Екатерина невольно вовлечена была въ политику и стала центромъ какъ придворныхъ, такъ и дипломатическихъ дѣлъ.

XVII.

Въ то время, когда въ Петербургѣ весело праздновали рожденіе великаго князя Павла Петровича и тайные замыслы Бестужева и Екатерины черезъ рожденіе это получали новую силу, событія на западѣ быстро шли впередъ. Европа, умиротворенная Ахенскимъ конгрессомъ, снова грозила загорѣться всеобщею войною. Бестужевъ справедливо гордился Ахенскимъ миромъ и вполнѣ имѣлъ право смотрѣть на него какъ на свое твореніе. Ахенскій конгрессъ состоялся, благодаря появленію на Рейнѣ русскаго 30,000-го корпуса, содержимаго Англіею и Нидерландами. Россія, не тратя ни людей, ни денегъ, вдругъ заняла въ Европѣ первое мѣсто. Дружбы ея домогались первенствующія державы. Изъ Англіи, съ цѣлью заключить тѣсный союзъ, отправленъ былъ въ Россію сэръ Ганбюри-Уильямсъ, одинъ изъ искуснѣйшихъ политиковъ того времени. Но Императрица не скоро рѣшалась закончить какое либо дѣло. Мѣсяцы текли за мѣсяцами въ нерѣшимости и бездѣйствіи.

Между тѣмъ дипломатическія комбинаціи на западѣ усложнялись; союзы державъ измѣнялись; союзники превращались въ противниковъ, враги — въ друзей. Уильямсъ, домогавшійся союза Россіи съ Англіею противъ

Франціи, уже почти сталъ терять надежду на успѣхъ негоціацій, потому что партіи при дворѣ Елизаветы, руководимыя личными разсчетами, не были солидарны и противодѣйствовали одна другой. Но англійскій дипломатъ нашелъ средство для вѣрнѣйшаго достиженія цѣли. Вниманіе его было привлечено великою княгинею. Скромная и сдержанная молодая женщина, уже въ то время, сумѣла себя такъ поставить, что, по отзыву Уильямса, ее всѣ любили и уже боялись, и что даже тѣ, которые были въ прекрасныхъ отношеніяхъ къ Императрицѣ, искали всякій удобный случай, чтобы тайно ухаживать за ея высочествомъ *).

Уильямсъ старался предупредить пріѣздъ французскаго министра и сблизиться съ Екатериною Алексѣевною. Почти отчаяваясь заручиться союзомъ Россіи, его поддерживала только надежда на то, что состояніе здоровья Императрицы постоянно ухудшается. Онъ не думалъ, чтобы она могла прожить долѣе шести мѣсяцевъ, а послѣ ея смерти онъ былъ убѣжденъ, что правленіе всецѣло перейдетъ въ руки Екатерины. При этомъ Уильямсъ еще болѣе развивалъ свой планъ и мечталъ уже играть современемъ въ Россіи ту же роль, которую игралъ маркизъ де-ля-Шетарди въ началѣ царствованія Елизаветы Петровны.

Не смотря на строгій надзоръ, которымъ старались обставить Екатерину Алексѣевну, она нашла возможнымъ высказать свои политическія убѣжденія Уильямсу. Послѣднему, свиданія съ Екатериною не представляли большихъ затрудненій. Онъ, въ отзывѣ о ней, съ которымъ мы частію уже имѣли случай познакомиться **), между прочимъ доносилъ своему королю отъ 20-го декабря 1855 года: „Мнѣ легко наблюдать за ея высочествомъ,

*) «Cour», 138.

**) См. стр. 74.

потому что я часто имѣю возможность говорить съ нею въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ, такъ какъ по должности своей занимаю во время ужиновъ мѣсто рядомъ съ нею“ *).

Стремленіе Уильямса вовлечь Екатерину въ дѣла политики не было для великой княгини первою пробою на этомъ поприщѣ. Она уже два года передъ тѣмъ принимала участіе, хотя не оффиціальное, но косвенное, въ переговорахъ по поводу обмѣна герцогства Голштиніи на графство Ольденбургское. При этомъ мнѣніе ея восторжествовало. Обмѣнъ предложила Данія; Императрица такъ или иначе желала отдѣлаться отъ герцогства, обладаніе которымъ туманило лишь голову ея племянника; переговоры привели было къ желаемому результату; дипломатамъ удалось получить согласіе самого Петра Ѳедоровича, но Екатерина Алексѣевна, какъ сама свидѣтельствуетъ, „будучи воспитана въ старыхъ предубѣжденіяхъ голштинскаго дома противъ Даніи, не иначе говорила объ этой негоціаціи, какъ съ неудовольствіемъ и безпокойствомъ, и всѣми мѣрами старалась отклонить отъ нея великаго князя“ **). Усилія Екатерины увѣнчались успѣхомъ. Петръ Ѳедоровичъ сталъ ссылаться на волю своего отца, Карла-Фридриха, который завѣщалъ ему не отступаться отъ притязаній относительно Даніи, а также напоминалъ и то, что Екатерина I заповѣдала своимъ преемникамъ употребить всевозможныя усилія, чтобы возвратить герцогству Голштинскому отнятый у него Даніею Шлезвигъ. Такимъ образомъ, сохраняя претензію на Данію, Петръ отказался вести съ нею какіе либо переговоры, и негоціаціи по этому дѣлу совершенно прекратились ***).

Теперь вопросы предстояли гораздо большей важ-

*) «Cour», 168.
**) «Mémoires», 139.
***) Семевскій, 170.

ности, и Екатерина Алексѣевна, не смотря на свою молодость и кажущуюся неопытность, не стѣснялась высказывать чужестранному дипломату свое мнѣніе объ отношеніяхъ Россіи къ сосѣднимъ державамъ. Уильямсъ доносилъ 20-го октября 1755 года: „Великая княгиня высказала мнѣ надняхъ свои чувства по отношенію къ прусскому королю. Она не только убѣждена, что онъ природный врагъ Россіи и что его больше всѣхъ надо бояться, но, какъ кажется, она питаетъ къ нему личную ненависть. Она недавно мнѣ сказала, говоря о принцѣ прусскомъ, что у него умъ не таковъ, какъ у короля, но что касается его сердца, то оно не могло быть такъ дурно, какъ его брата, потому что король прусскій безъ сомнѣнія самый дурной человѣкъ въ свѣтѣ.

„Она никогда иначе не говоритъ о королѣ Англіи, какъ въ выраженіяхъ глубочайшаго уваженія и чрезвычайно высоко его цѣнитъ. Она вполнѣ убѣждена въ необходимости тѣснаго союза между Англіею и Россіею; она всегда называетъ его величество лучшимъ и самымъ значительнымъ союзникомъ Императрицы и надѣется, что король распространитъ свою дружбу и покровительство на великаго князя и на нее“ *).

Была ли въ это время великая княгиня откровенна, выражаясь подобнымъ образомъ о королѣ Прусскомъ, или измѣнила она позже мнѣніе, потому что заключеніе союза съ Англіею было равносильно союзу Пруссіи съ Россіею—дѣло не въ этомъ. Важно то, что въ описываемое время Екатерина была уже погружена въ европейскую политику и горячо принимала къ сердцу всякіе фазисы, которымъ она подвергалась, Поэтому Уильямсъ могъ писать 11-го апрѣля слѣдующаго года:

---

*) «Cour», 137.

„Великая княгиня продолжаетъ держаться своего мнѣнія и ищетъ всевозможные случаи оказывать англійскому королю всѣ услуги, которыя въ ея власти. Она мнѣ призналась, что была поражена, когда узнала въ первый разъ о соглашеніи съ Пруссіею; но какъ только оно было объяснено ей канцлеромъ и мною, она болѣе ничего не возражала, а надѣялась только, что союзъ между Англіею, Австріею и Россіею останется непоколебимъ и будетъ политикою трехъ дворовъ...

„Дѣятельность великой княгини очень велика. Она объявила, что тотъ, кто будетъ пытаться уничтожить союзъ между Англіею, Австріею и Россіею, будетъ недругомъ этой Имперіи“ *).

Уильямсъ торжествовалъ. Болѣе чѣмъ когда-либо онъ старался завладѣть довѣріемъ великой княгини и не пренебрегалъ никакими способами снискать ея расположеніе. Подмѣчая слабыя стороны Екатерины, онъ предугадывалъ недосказанное ею, старался войти въ ея частную жизнь, рѣшался давать ей совѣты и направлять ея образъ дѣйствій. Уильямсъ убѣждалъ великую княгиню въ томъ, что „тайныя интриги, скрытая месть недостойны ни ея положенія, ни ея генія; что такъ какъ большинство людей слабо, то рѣшительные характеры всегда имѣютъ превосходство, что, переставъ сдерживаться, громко признавая тѣхъ, которыхъ она удостаиваетъ своими милостями, давъ почувствовать, что все, что будетъ предпринято противъ нихъ, она сочтетъ личнымъ для себя оскорбленіемъ, она могла бы жить такъ, какъ ей хочется **).

Цѣль Уильямса повидимому была достигнута. Екатерина вполнѣ склонилась на его сторону, сочувствовала Англіи и была расположена дѣйствовать въ ея

*) «Cour», 138.
**) «Cour», 169.

пользу; но при всемъ томъ англійскому дипломату угрожала другая опасность: онъ могъ столкнуться съ французскимъ посланникомъ, пріѣзда котораго съ нетерпѣніемъ ожидала партія Шуваловыхъ. У англичанина было сознаніе, что съ французскимъ дипломатомъ ему не справиться, что французъ дастъ сильную помощь своимъ приверженцамъ, т. е. Шуваловымъ и Воронцову. Бестужеву, разумѣется, тяжело было сознаться, что преимущество на сторонѣ его враговъ. Въ разговорѣ съ Уильямсомъ онъ давалъ дѣлу такой видъ, что сближеніе съ Франціею не есть что-либо разумное, необходимое, но есть случайность, прихоть фаворита, которому нравится все французское и которому поэтому желательно имѣть въ Петербургѣ французскаго посланника. „Какое несчастіе, говорилъ канцлеръ, что у насъ теперь молодой фаворитъ, который умѣетъ говорить по-французски, любитъ французовъ и ихъ моды и радуется пріѣзду сюда французскаго посланника съ многочисленною свитою“. Конечно, ни самъ Бестужевъ, ни его собесѣдникъ не вѣрили, что дѣйствительно такова была причина сближенія Россіи съ Франціею; но имъ было пріятно и выгодно представлять дѣло такимъ образомъ; они должны были изо всѣхъ силъ хлопотать, чтобы французскій посланникъ не пріѣзжалъ въ Петербургъ *).

Отъ 9-го іюля н. с. Уильямсъ далъ знать своему двору, что имѣлъ секретный разговоръ съ великою княгинею: „Она — пишетъ Уильямсъ — очень недовольна сближеніемъ русскаго двора съ Франціею и пріѣздомъ сюда францускаго посланника. Она предложила мнѣ сдѣлать все, что я придумаю, для воспрепятствованія этому. Она знаетъ, что ея дружба съ канцлеромъ

*) Соловьевъ, XXIV, 59.

сдѣлала Шуваловыхъ ея тайными врагами; что Шуваловы, сами по себѣ, не имѣютъ ни довольно благоразумія, ни храбрости, ни денегъ, чтобъ помѣшать ея наслѣдству; но что пріѣздъ французскаго посланника можетъ перемѣнить сцену, и когда онъ увидитъ, какіе политическіе взгляды у ихъ императорскихъ высочествъ, то не пощадитъ ни трудовъ, ни денегъ, чтобъ помѣшать имъ въ достиженіи власти. Я умолялъ ее вспомнить интриги Шетарди, здѣсь и ихъ послѣдствія. Предложеніе англичанина было ясно: французскій посланникъ дастъ Шуваловымъ денегъ, чтобъ помочь имъ въ ихъ замыслахъ; займите денегъ у меня, какъ заняла ихъ Елизавета у Шетарди, чтобъ ниспровергнуть замыслы Шуваловыхъ и не допустить французскаго посланника. Она — продолжаетъ Уильямсъ — усердно меня благодарила и сказала: „я вижу опасность и буду побуждать великаго князя сдѣлать все возможное для ея удаленія; я сдѣлала бы еще болѣе, еслибъ у меня были деньги, потому что безъ денегъ здѣсь ничего сдѣлать нельзя; я должна даже платить императрицынымъ горничнымъ; мнѣ не къ кому обратиться въ этомъ случаѣ, моя собственная фамилія бѣдна; но если вашъ король будетъ такъ любезенъ и великодушенъ, что дастъ мнѣ взаймы извѣстную сумму денегъ, то я дамъ расписку и заплачу долгъ при первой возможности, причемъ могу дать королю честное слово, что каждая копѣйка будетъ употреблена для нашей общей съ нимъ пользы, какъ я понимаю дѣло, и я желаю, чтобы вы поручились его величеству за мой образъ мыслей и дѣйствій“. По просьбѣ Уильямса она назначила сумму — десять тысячъ фунтовъ стерлинговъ, которые и были даны *).

*) Raumer. «Beiträge zur neueren Geschichte». II. 348 и слѣд. — Brükner, 57. — Соловьевъ. XXIV, 59, 60.

Между тѣмъ болѣзнь Елизаветы заставляла и Шуваловыхъ предложить Екатеринѣ свои услуги. Предложеніе было сдѣлано сперва черезъ старика князя Никиту Юрьевича Трубецкаго, потомъ черезъ племянника его, Ивана Ивановича Бецкаго. Екатерина отвѣчала, что согласна сблизиться съ Шуваловыми, если они будутъ содѣйствовать ея видамъ. Уильямсъ сильно обрадовался этому, все въ надеждѣ, что Шуваловы теперь откажутся проводить французскій союзъ. Въ длинномъ письмѣ къ великой княгинѣ онъ опять представлялъ ей всю опасность отъ пріѣзда французскаго посла и упрашивалъ сойтись съ Шуваловыми; онъ представлялъ, что Шуваловы, боясь восшествія на престолъ Петра, который будетъ мстить имъ за дѣйствія противъ Пруссіи и, не любя Екатерины за ея дружбу съ Разумовскими и Бестужевымъ, будутъ хлопотать, съ помощію французскаго и австрійскаго пословъ, чтобы наслѣдникомъ былъ провозглашенъ великій князь Павелъ, а родители его удалены изъ Россіи. Екатерина отвѣчала, что французскаго посла допускать не надобно, потому что съ его пріѣздомъ будетъ интриганомъ больше; но что все же опасность отъ его прибытія и Шуваловскихъ замысловъ преувеличивается: Елизавета при жизни своей не отстранитъ племянника отъ престола по своей нерѣшительности и въ виду династическихъ опасностей; а если захотятъ что-нибудь сдѣлать въ минуту ея смерти, то она, Екатерина, сумѣетъ разрушить замыселъ: „Или умру, или буду царствовать, а не поступлю какъ шведскій король“, писала Екатерина; тутъ же писала она, что склонить Шуваловыхъ къ перемѣнѣ политики невозможно *).

Но, не смотря на самоувѣренность Екатерины,

*) Соловьевъ. 65, 61.

Уильямсъ былъ въ сильномъ раздраженіи, потому что дѣло о сближеніи Россіи съ Франціею шло безпрепятственно. Онъ видѣлъ, что нѣтъ успѣха въ его дѣлѣ и все больше и больше сердился на Бестужева, смотрѣлъ на него какъ на измѣнника, писалъ Екатеринѣ, чтобъ она порвала связь съ канцлеромъ и перешла на сторону Шуваловыхъ. Великая княгиня прямо написала къ Ив. Ив. Шувалову, предлагая союзъ на прежнихъ условіяхъ: они должны дѣлать все для нея въ настоящемъ, она — все для нихъ въ будущемъ. Письмо повезъ одинъ изъ приближенныхъ къ молодому двору людей, Левъ Нарышкинъ, и, возвратясь, разсказывалъ, что Шуваловъ, прочитавъ письмо, пришелъ въ такой восторгъ, что бросился на колѣни передъ образомъ и долго оставался въ религіозномъ экстазѣ. На сколько Нарышкинъ, по своему обыкновенію, позволилъ себѣ преувеличенія, чтобъ посмѣяться надъ фаворитомъ, это остается неизвѣстнымъ. Ив. Ив. Шуваловъ, по своему характеру, по своему стремленію облагородить значеніе фаворита, пріобрѣсти всеобщее расположеніе, въ борьбѣ партій играть роль примирителя, всюду подкладывать свою мягкую руку подъ жесткую часто руку родственника своего, графа Петра, — Ив. Ив. Шуваловъ, разумѣется, былъ очень радъ предложенію Екатерины и готовъ былъ сдѣлать для нея все возможное; но вопросъ заключался въ томъ, что̀ могли сдѣлать Шуваловы? Конечно, не то, чего хотѣлось Уильямсу, потому что этого не желала Императрица.

Всѣ описанныя движенія происходили въ ожиданіи скорой кончины Елизаветы Петровны. Повидимому Императрица сильно страдала; жаловалась на страшный кашель и отдышку; это уже не была прежняя красавица, отъ которой не хотѣлось отвести глазъ; на придворныхъ праздникахъ она болѣе не ходила безъ устали изъ ком-

наты въ комнату, не присаживаясь; но при упадкѣ физическихъ силъ — душевныя не падали: Елизавета не переставала твердить, что сама хочетъ принять начальство надъ войскомъ. Бестужевъ разсказалъ великой княгинѣ, что разъ ему случилось сказать при Елизаветѣ, что Фридрихъ II, — если русскіе нападутъ на него, — выдастъ манифестъ въ пользу Ивана Антоновича, на что Императрица отвѣтила: „Тогда я велю сейчасъ же отрубить Ивану голову". 22-го октября въ здоровьѣ Елизаветы Петровны произошла рѣшительная перемѣна къ лучшему, и разные толки, возбужденные ожиданіемъ ея смерти, стали прекращаться, а съ ними исчезли и надежды Уильямса помѣшать сближенію Россіи съ Франціею *).

Между тѣмъ англійскій кабинетъ, видя, что его политика при русскомъ дворѣ потерпѣла неудачу и сваливая всю вину на Уильямса, отозвалъ послѣдняго. Наканунѣ отъѣзда, 18-го августа 1757 года, сиръ Уильямсъ получилъ два письма, которыя должны были послужитъ ему утѣшеніемъ въ его немилости. Одно письмо было отъ великаго князя, очень короткое по содержанію; оно заключало однако въ себѣ фразу, которую стоитъ упомянуть: „Я не сомнѣваюсь — писалъ великій князь — въ вашей привязанности къ моимъ интересамъ, которые во многомъ соединены съ интересами англійскаго короля. Надѣюсь, что общій врагъ когда-нибудь раскается". Письмо великой княгини было болѣе многозначительно. Она ему писала:

„Я рѣшилась вамъ писать, такъ какъ не могла васъ видѣть, чтобы съ вами проститься. Мои самыя искреннія сожалѣнія сопутствуютъ тому, кого я считаю въ числѣ лучшихъ своихъ друзей и поведеніе котораго

*) Соловьевъ. XXIV — 63, 64.

пріобрѣло мое уваженіе и дружбу. Я никогда не забуду, на сколько я вамъ обязана. Чтобъ васъ вознаградить соотвѣтственно благородству вашихъ чувствъ, я вамъ скажу, что хочу дѣлать: я буду пользоваться всѣми возможными средствами, чтобы привести Россію къ ея, по моимъ понятіямъ, настоящимъ выгодамъ, то есть быть тѣсною союзницею Англіи; подавать ей всю помощь, какая только во власти человѣка, и превосходство, которое она должна имѣть для блага всей Европы, и въ особенности Россіи, надъ Франціею, ихъ общимъ враговъ, величіе которой есть позоръ для Россіи. Я буду себя изучать, какимъ образомъ эти взгляды осуществлю на практикѣ; на нихъ я хочу построить свою славу, и я докажу ихъ прочность королю, вашему государю. Будьте увѣрены, что одно изъ величайшихъ моихъ желаній—это увидѣть васъ возвращающимся сюда съ торжествомъ. Я увѣрена, что, будетъ время, король, вашъ государь, не откажетъ мнѣ въ милости, которую я у него прошу, снова васъ здѣсь увидѣть. Она только можетъ послужить ему въ пользу" *).

Такимъ образомъ Екатерина Алексѣевна, уже въ серединѣ пятидесятыхъ годовъ, выказывала свои способности и твердость на столько, что могла не только поддерживать тайныя сношенія съ высшими государственными дѣятелями, раздѣлять съ ними опасную и трудную государственную работу, но даже самостоятельно проявлять свою дѣятельность на политическомъ поприщѣ. Уже въ то время она подготовляла себѣ власть и обдумывала планъ, чтобы, въ случаѣ перемѣны правленія, быть вполнѣ на-готовѣ и одержать побѣду.

*) «Cour», 155, 156.

XVIII.

Съ отъѣздомъ Уильямса, вмѣшательство Екатерины Алексѣевны въ дѣла европейской политики прекращается. Но за то, съ этого времени, она съ полною энергіею принимается создавать фундаментъ, на которомъ впослѣдствіи суждено ей было воздвигнуть себѣ престолъ.

Здоровье Императрицы продолжало ухудшаться; при этомъ появились новые признаки, заставлявшіе каждую минуту опасаться за ея жизнь. У нея начались припадки, застигавшіе ее иногда на улицѣ. Такъ, въ 1758 году, въ день Рождества Христова, Императрица пѣшкомъ пошла къ обѣднѣ изъ дворца въ сосѣднюю приходскую церковь; но едва началось богослуженіе, какъ она почувствовала себя дурно, вышла изъ церкви и, едва сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, упала на траву безъ чувствъ, посреди огромной толпы народа. Никто не осмѣливался къ ней подойти и подать первую помощь. Пока разыскивали доктора и фельдшера, Императрицу покрыли платкомъ, а съ прибытіемъ послѣднихъ, ей начали тутъ же, посреди народа, пускать кровь и приводить въ чувство; вся эта процедура продолжалась болѣе двухъ часовъ, пока наконецъ не рѣшились перенести Елизавету Петровну во дворецъ. Но и здѣсь, только по прошествіи нѣсколькихъ дней, она могла съ

трудомъ возстановить способность владѣть языкомъ. Происшествіе это получило, конечно, полную огласку, и легко себѣ представить, какое тяжелое впечатлѣніе произвело оно на весь дворъ. Съ одной стороны, соболѣзнуя Императрицѣ, ея приближенные опасались за ея здоровье, но съ другой — ихъ тревожила мысль: что̀ станетъ послѣ нея?

Этотъ послѣдній вопросъ долженъ былъ безпокоить великую княгиню тѣмъ болѣе, что чѣмъ дальше, тѣмъ положеніе ея при дворѣ становилось невыносимѣе. Именно въ то время, когда самая блестящая будущность должна была передъ нею раскрыться, когда самые предусмотрительные политики стали обращать свои взоры къ ней, какъ къ восходящему солнцу, подъ ея ногами, незамѣтно для нея, разверзалась пропасть, которая легко могла ее погубить. Ей грозила двоякая опасность: отъ Императрицы и отъ мужа. Первая еще недавно, если вѣрить слухамъ, намѣревалась вовсе лишить племянника и его супругу наслѣдства; второй, подъ вліяніемъ ея враговъ и своей новой фаворитки, Елизаветы Воронцовой, по всѣмъ вѣроятіямъ, надо было ожидать, постарается отдѣлаться отъ своей супруги и принять относительно ея какія-либо крайнія мѣры.

Припомнимъ, что еще не такъ давно несчастный ребенокъ, Императоръ Иванъ Антоновичъ, со своими родителями находился, какъ бы вслѣдствіе забывчивости, въ Ригѣ, до тѣхъ поръ, пока наконецъ король Фридрихъ, устраивая бракъ принцессы Цербстской съ наслѣдникомъ Россійскаго престола, не обратился къ Елизаветѣ Петровнѣ съ просьбою: „перевести Брауншвейгскую фамилію въ какое-либо другое мѣсто“. Елизавета Петровна не замедлила исполнить просьбу короля. Не вдаваясь въ подробности участи, постигшей Брауншвейгскую семью, приведемъ только слова депеши

Шварца, губернатора Прибалтійскаго края, къ сиру Митчелю, англійскому резиденту въ Берлинѣ, написанную 17-го октября 1757 года:

„Въ началѣ прошлой зимы, Иванъ былъ переведенъ въ Шлиссельбургъ, а оттуда въ Петербургъ, гдѣ онъ былъ помѣщенъ въ хорошемъ домѣ, принадлежащемъ вдовѣ секретаря тайной канцеляріи, гдѣ онъ строго содержится. Императрица потребовала его въ Зимній дворецъ и его видѣла, будучи сама одѣта мужчиною. Сомнѣваются, кому достанется престолъ: великому ли князю и великой княгинѣ или Ивану, и задаются вопросомъ, что Шуваловъ, который пріобрѣлъ большую власть и огромное состояніе, не будетъ ли работать самъ за себя“ *).

Свиданіе Елизаветы Петровны съ Иваномъ Антоновичемъ не могло долго оставаться тайною и слухъ о немъ встревожилъ всѣхъ придворныхъ, которые съ боязнію старались разгадать намѣренія Императрицы. Послѣдствія этого свиданія, болѣе чѣмъ кого либо, должны были касаться Екатерины Алексѣевны. Ей было извѣстно, также какъ и всѣмъ прочимъ, что Елизавета Петровна питала къ своему племяннику полное презрѣніе и не могла ему простить непріязнь его къ Шуваловымъ и къ ихъ партіи. Ей было также небезизвѣстно, что благорасположеніе, которымъ она сама вначалѣ пользовалась у Императрицы, теперь болѣе не существовало. Всемогущіе въ это время Шуваловы, видя сближеніе Екатерины съ Понятовскимъ и роль посредника, которую онъ игралъ между ею и ихъ злѣйшимъ врагомъ Бестужевымъ, вооружились противъ Екатерины и добились отозванія Понятовскаго.

И такъ, Екатерина была со всѣхъ сторонъ окружена

*) «Cour», 172.

недоброжелателями. Но, до сихъ поръ, всякіе подкопы велись противъ нея тайно; отозваніе же Понятовскаго, въ которомъ она теряла вѣрнаго друга и пособника въ политическихъ дѣлахъ, было явною интригою Шуваловыхъ. Впрочемъ, при содѣйствіи канцлера, ей удалось въ этомъ отношеніи отстоять свои интересы, и Понятовскій вернулся въ качествѣ польско-саксонскаго посланника къ петербургскому двору *).

Тяжелое положеніе Екатерины Алексѣевны усложнилось еще въ описываемый періодъ тѣмъ, что она была беременна, къ великому неудовольствію Петра Ѳедоровича, не только не раздѣлявшаго радости супруги, но, напротивъ того, своими невоздержными выходками, причинявшаго ей не мало огорченій и безпокойства на счетъ ея будущности **).

9-го декабря 1757 года, Екатерина разрѣшилась отъ бремени дочерью. Мать просила Императрицу дозволить назвать новорожденную ея именемъ, но Елизавета Петровна рѣшила дать ей имя Анны, въ честь старшей своей сестры, герцогини Голштинской, матери великаго князя. На шестой день Императрица окрестила ребенка и дала указъ кабинету о выдачѣ Екатеринѣ 60,000 рублей. Столько же послала она и великому князю. Послѣ крестинъ, начались празднества. „Говорятъ, прибавляетъ Екатерина, что въ числѣ ихъ были и очень блистательныя, но я не видѣла ни одного; я оставалась въ постели совсѣмъ исхудалая; вокругъ меня не было ни души, потому что, едва лишь разрѣшилась я отъ бремени, не только Императрица, какъ и въ первый разъ, взяла ребенка къ себѣ, но, подъ предлогомъ, что мнѣ необходимо спокойствіе, меня покинули всѣ, какъ несчастную бѣдняжку; никто не сту-

*) «Cour», 172.—Соловьевъ. XXIV, 58.
**) «Mémoires», 294.

палъ ногою въ мою комнату, никто меня не посѣщалъ, никто даже не освѣдомлялся о моемъ здоровьи“ *).

Черезъ годъ и три мѣсяца (7-го марта 1759 г.) великая княжна Анна Петровна скончалась.

Во время болѣзни, Екатерина Алексѣевна, взвѣшивая положеніе дѣлъ и установившіяся отношенія къ Елизаветѣ Петровнѣ и великому князю, пришла къ убѣжденію, что если ею не будутъ приняты мѣры къ огражденію себя въ будущемъ, то ей предстоитъ судьба самая неотрадная. Напрягая усилія заглянуть впередъ, передъ нею обрисовывались три исхода: во-первыхъ, раздѣлять участь великаго князя, какова бы она ни представилась; во-вторыхъ, окончательно подвергаться всякимъ его выходкамъ, каковы бы онѣ ни были — за или противъ нея, и наконецъ избрать себѣ самой путь, независимый ни отъ какихъ обстоятельствъ. „Но, говоритъ Екатерина, чтобы точнѣе выразиться, дѣло стояло такъ: погибнуть съ нимъ или черезъ него, или же спасти себя, дѣтей и, можетъ быть, даже само государство отъ гибели, которую предвѣщали всѣ склонности, какъ умственныя, такъ и физическія, князя. Послѣднее предположеніе мнѣ казалось наиболѣе вѣрнымъ. И такъ, я рѣшилась, на сколько буду имѣть возможность, продолжать содѣйствовать ему для его блага совѣтами, но никогда, въ случаѣ его несогласія, не настаивать на нихъ и тѣмъ не возбуждать его гнѣва, какъ это бывало прежде; каждый разъ, что будетъ представляться случай, обращать его вниманіе на все то, что составляетъ его собственный интересъ; все прочее время сохранять самое глубокое молчаніе; съ другой стороны, въ публикѣ, соблюдать свои интересы такимъ образомъ, чтобы она, при случаѣ, искала во мнѣ спасительницу“ **).

*) «Mémoires», 302—304. — Кобеко 4—5.
**) «Mémoires», 301.

Въ головѣ Екатерины Алексѣевны вполнѣ созрѣлъ планъ дѣйствій въ минуту смерти Императрицы. Она, еще за нѣсколько лѣтъ до восшествія своего на престолъ, сообщила его Уильямсу: „Я иду прямо въ комнату моего сына; если встрѣчу Алексѣя Разумовскаго, то оставлю его подлѣ маленькаго Павла; если же нѣтъ, то возьму ребенка въ свою комнату; въ ту же минуту посылаю довѣреннаго человѣка дать знать пяти офицерамъ гвардіи, изъ которыхъ каждый приведетъ ко мнѣ 50 солдатъ, и эти солдаты будутъ слушаться только великаго князя или меня. Въ то же время я посылаю за Бестужевымъ, Апраксинымъ и Ливеномъ, а сама иду въ комнату умирающей, гдѣ заставлю присягнуть капитана гвардіи и оставлю его при себѣ. Если замѣчу малѣйшее движеніе, то овладѣю Шуваловыми“. Екатерина имѣла тайное свиданіе съ гетманомъ Кирилломъ Разумовскимъ, который увѣрялъ ее въ успѣхѣ ея дѣла, ручаясь, что Измайловскій полкъ, въ которомъ онъ состоялъ подполковникомъ, послѣдуетъ за нимъ. Гетманъ обѣщалъ также, что братъ его въ предсмертныя минуты Елизаветы, возьметъ великаго князя Павла и сбережетъ его. Екатерина просила гетмана забыть прежнюю вражду его съ Бестужевымъ, потому что всѣ ея друзья должны дѣйствовать за-одно. Гетманъ же долженъ былъ склонить въ пользу Екатерины Бутурлина, Трубецкаго и даже Воронцова, который втайнѣ ненавидѣлъ Шувалова. Въ одномъ письмѣ къ Уильямсу, Екатерина писала: „Іоаннъ Васильевичъ (царь) хотѣлъ уѣхать въ Англію; но я не намѣрена просить убѣжище у англійскаго короля, потому что рѣшилась или царствовать, или погибнуть“. У нея были вѣрные люди, которые должны были ее увѣдомить, въ случаѣ если бы Иванъ Шуваловъ вздумалъ что либо писать предъ Императрицею. Сенаторъ Бутурлинъ обѣщалъ говорить въ конферен-

ціяхъ по ея внушеніямъ. „Хотя, писала великая княгиня, это человѣкъ слабаго характера и наклоненъ къ плутовству, однако можно и изъ него извлечь пользу“ *).

Опасенія Екатерины за будущность не были ни преждевременны, ни преувеличены. Вскорѣ надъ нею разразилась гроза, чуть-чуть не погубившая ея. Счастіе измѣнило великому канцлеру Бестужеву; онъ былъ обвиненъ въ государственныхъ преступленіяхъ, и, при слѣдствіи, были обнаружены сношенія его съ великою княгинею.

Соловьевъ. XXIV, 62.

XIX.

Императрица все продолжала хворать, и царедворцы ясно видѣли, что едва ли можно было надѣяться на ея выздоровленіе. Такимъ образомъ прошли 1755 и 1756 годы. Со всѣхъ сторонъ готовились къ войнѣ; Бестужевъ не переставалъ надѣяться, что, по крайней мѣрѣ для Россіи, до открытой войны дѣло не дойдетъ и, вѣрный своему плану, выдвинулъ къ границамъ войско подъ начальствомъ фельдмаршала Степана Ѳедоровича Апраксина, лучшаго своего друга, находившагося тоже въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ съ графомъ Алексѣемъ Григорьевичемъ Разумовскимъ. Противъ выбора главнокомандующаго Шуваловы не возстали, такъ какъ дочь Апраксина, княгиня Елена Степановна Куракина, находилась въ самыхъ близкихъ сношеніяхъ съ графомъ Петромъ Ивановичемъ *).

Апраксину Бестужевъ предписалъ всячески избѣгать столкновенія съ пруссаками и какъ можно медленнѣе подвигаться къ границамъ, а самъ съ новымъ рвеніемъ сталъ бороться съ врагами внутренними, трудиться надъ своимъ планомъ объ удаленіи великаго князя отъ престолонаслѣдія и хлопотать о заключеніи тѣснаго союза съ Англіею. Послѣднее домогательство сильно способствовало его погибели. Съ большимъ тру-

*) «Осмнадцатый Вѣкъ», Кн. II, 518.

домъ успѣлъ онъ уговорить Государыню подписать союзъ съ Англіею. Сиръ Уильямсъ торжествовалъ — это была цѣль всѣхъ его усилій; но на другой день ему пришлось узнать отъ самого же Бестужева, что Россія присоединилась къ конвенціи, заключенной въ Версали между Австріею и Франціею. Такимъ образомъ союзъ съ Англіею дѣлался одною пустою, никуда непригодною формулою. За то Австрія, а особенно Франція, имѣя на своей сторонѣ Шуваловыхъ, одержали верхъ и теперь настаивали на отставкѣ или, вѣрнѣе, на паденіи Бестужева.

Великій канцлеръ едва держался; онъ уже не въ силахъ былъ бороться съ ежедневно усиливавшеюся партіею Шуваловыхъ. Придворныя интриги роковымъ образомъ уносили его; онъ чувствовалъ, какъ нетвердо стоитъ при дворѣ, и, не думая уже о томъ, чтобы руководить событіями, сталъ заботиться только о собственномъ спасеніи. Въ Петербургъ явился, такъ нетерпѣливо ожидаемый Шуваловыми, маркизъ Лопиталь — „царедворецъ въ полномъ и худшемъ смыслѣ этого слова“ *), и Россія начала войну безславную, не смотря на взятіе Берлина и побѣды при Гроссъ-Егерсдорфѣ и Кунерсдорфѣ, гдѣ мы, въ полномъ смыслѣ слова, задавили непріятеля вдесетяро сильнѣйшею его арміею, — войну, стоившую Россіи болѣе трехъ сотъ тысячъ человѣкъ и тридцати милліоновъ рублей.

Хотя по характеру нашего сочиненія мы не можемъ входить въ подробности военныхъ дѣйствій графа Апраксина, тѣмъ не менѣе, для выясненія послѣдующихъ событій, должны упомянуть въ общихъ чертахъ о руководившихъ его соображеніяхъ.

Уже въ самомъ началѣ кампаніи, Апраксинъ обна-

*) «Сборн. Р. И. О.» Кн. I, стр. 284. Письма Екат. II къ г-жѣ Жоффренъ.

ружилъ непонятную медленность въ военныхъ дѣйствіяхъ. Въ Петербургѣ поэтому имъ были недовольны. Канцлера Бестужева очень безпокоило это неудовольствіе: значеніе его видимо понизилось; онъ былъ окруженъ сильными и торжествующими врагами; Апраксинъ оставался у него естественный другъ съ важнымъ значеніемъ; успѣхъ послѣдняго на войнѣ былъ чрезвычайно выгоденъ для Бестужева; неудача же его лишала канцлера послѣдней опоры; притомъ канцлеръ могъ бояться, что враги припишутъ медленность фельдмаршала его внушеніямъ. Все это заставляло Бестужева торопить Апраксина. Апраксинъ сердился; добрый человѣкъ и уже немолодой, мирный фельдмаршалъ, любившій со всѣми жить дружно и спокойно, весело и роскошно, онъ вовсе не хотѣлъ торопиться походомъ и имѣлъ основаніе надѣяться, что дѣло не дойдетъ до настоящей войны, что все ограничится такимъ же походомъ, каковы были походы на западъ вспомогательныхъ русскихъ отрядовъ при Императрицѣ Аннѣ и недавно при Елизаветѣ, — прогулки для возбужденія страха и ускоренія мира. Кромѣ того, молодой дворъ былъ противъ войны, а идти наперекоръ Наслѣднику престола и его супругѣ далеко не входило въ планы Апраксина, да и пріятель его, умный канцлеръ, былъ на сторонѣ молодаго двора и, при прощаньи, сказалъ ему, чтобы въ походъ не выступать до тѣхъ поръ, пока все не будетъ къ нему приготовлено.

Тѣмъ не менѣе, медленность Апраксина начала уже безпокоить Бестужева; онъ просилъ его торопиться и къ письму своему приложилъ другое отъ великой княгини, въ которомъ и она также просила больше не медлить. Такимъ образомъ военныя дѣйствія открылись и армія перешла границу въ концѣ мая мѣсяца. Опустимъ описаніе кампаній; скажемъ только что 28-го августа жители

Петербурга были разбужены пушечною пальбою, возвѣщавшею побѣду, одержанную 19-го числа русскимъ войскомъ надъ прусскимъ фельдмаршаломъ Левальдомъ при деревнѣ Гросъ-Егерсдорфѣ. Побѣда обѣщала дать блистательные результаты, но, къ удивленію русскихъ, Апраксинъ, вмѣсто того чтобы воспользоваться своимъ успѣхомъ, началъ отступать.

Непонятное поведеніе Апраксина до сихъ поръ еще не совершенно уяснено. Былъ ли причастенъ къ этому дѣлу Бестужевъ или нѣтъ, опредѣлить трудно. Всѣ бумаги, касающіяся до плановъ канцлера, были имъ сожжены. Въ запискахъ своихъ Екатерина совершенно его оправдываетъ. Быть можетъ, что Апраксинъ самъ отъ себя рѣшился внезапно отступить послѣ побѣды, и тѣмъ подвергнулъ русское войско горькимъ упрекамъ и насмѣшкамъ союзниковъ; быть можетъ, что Бестужевъ нуждался, для приведенія въ исполненіе своихъ плановъ, въ присутствіи войска въ Петербургѣ.

Между тѣмъ здоровье Государыни все слабѣло; каждый мѣсяцъ съ нею бывали страшныя конвульсіи, которыя совершенно истощали ея организмъ. Послѣ каждой конвульсіи, съ нею дѣлались припадки въ родѣ летаргіи. Придворные ожидали близкаго конца, и Бестужевъ, если вѣрить преданію, хотѣлъ воспользоваться однимъ изъ такихъ припадковъ, чтобы окончательно рѣшить вопросъ о престолонаслѣдіи въ пользу великаго князя Павла Петровича и Екатерины. Для этого ему, особенно же въ случаѣ кончины Государыни, нужна была подмога Апраксина и войска, находившагося подъ его командою. Но Бестужевъ нашелъ нежданнаго противника въ архіепископѣ новгородскомъ Димитріѣ Сѣченовѣ. Не смотря на скрытность канцлера, тайна стала разглашаться по городу и дошла до святителя, который поспѣшилъ во дворецъ и уговорилъ Елизавету Петровну

не лишать престола законнаго своего Наслѣдника. Во всякомъ случаѣ, Бестужевъ вѣроятно не разсчитывалъ на крайнюю неловкость Апраксина. Подъ предлогомъ недостатка съѣстныхъ припасовъ, послѣ совершеннаго пораженія пруссаковъ, фельдмаршалъ повелъ армію назадъ съ такою поспѣшностью, что отступленіе походило на бѣгство. Государыня снова поправилась и была крайне раздражена противъ Апраксина и Бестужева. Сами друзья фельдмаршала не знали, что̀ сказать въ его оправданіе.

Великая княгиня сблизилась съ гр. Апраксинымъ незадолго до начала войны черезъ Бестужева. Сближеніе произошло при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Передъ отъѣздомъ своимъ къ мужу, на границу Пруссіи, фельдмаршальша Аграфена Леонтьевна Апраксина явилась откланяться къ Екатеринѣ. Послѣдняя, между прочимъ, сообщила ей свои опасенія на счетъ здоровья Императрицы; изъявила сожалѣніе о томъ, что мужъ ея получилъ такое щекотливое назначеніе въ то время, какъ, по всѣмъ предположеніямъ, Шуваловымъ недолго придется удержаться при дворѣ, и добавила, что она „на Шуваловыхъ смотритъ какъ на личныхъ враговъ, страшно на нее злившихся за то, что она имъ предпочитала ихъ недоброжелателей, графовъ Разумовскихъ“ *). Слова эти были, разумѣется, переданы Апраксину, и между имъ и великою княгинею завязалась тайная переписка, которою воспользовался Бестужевъ. Испуганный своею неудачею и впечатлѣніемъ, которое произвело на Императрицу и на всю Россію отступленіе нашихъ войскъ, Бестужевъ, съ своей стороны, обратился къ Екатеринѣ съ просьбою неотлагательно написать къ Апраксину и остановить его постыдное бѣгство, которое враги объясняли самымъ неблагопріятнымъ и постыднымъ для него образомъ. Письмо

*) «Mémoires». 247.

пришло слишкомъ поздно. Графъ Эстергази и маркизъ Лопиталь громко жаловались на измѣну. Вслѣдъ за этимъ былъ назначенъ преемникъ Апраксину Генералъ Ферморъ *).

Въ Петербургѣ, послѣ отступленія Апраксина, отношенія къ нему партій измѣнились. Во дворцѣ и въ конференціи онъ нашелъ себѣ сильнаго защитника въ графѣ Петрѣ Ив. Шуваловѣ; но сильнѣе всѣхъ нападалъ на него канцлеръ Бестужевъ, во-первыхъ, изъ желанія прекратить толки о своемъ участіи въ отступленіи, а во-вторыхъ, изъ враждебнаго чувства къ Апраксину, которое явилось въ немъ именно вслѣдствіе сильнаго заступничества Шувалова. Канцлеру было ясно, что Апраксинъ очень близокъ и дорогъ Шувалову, — слѣдовательно, Шуваловъ считалъ его вполнѣ себѣ преданнымъ. Враги Бестужева толковали, что канцлеръ замѣшанъ въ дѣло объ отступленіи, а Бестужевъ толковалъ, что виноватъ во всемъ Шуваловъ: онъ такъ защищаетъ Апраксина передъ Императрицею, что тотъ не боится никакой отвѣтственности и дѣлаетъ, что хочетъ **).

18-го октября 1857 года Апраксинъ получилъ указъ ѣхать въ Петербургъ и писалъ Императрицѣ, что указъ этотъ „совершенно отчаянную жизнь вновь ему возвратилъ“. Въ началѣ ноября, Апраксинъ пріѣхалъ въ Нарву и получилъ, черезъ ординарца лейбъ-кампаніи вице-капрала Суворова, высочайшее обнадеживаніе монаршею милостію, при чемъ приказано ему отдать всѣ находящіяся у него письма. Причиною этаго отобранія писемъ была переписка съ нимъ великой княгини, о которой провѣдали такимъ образомъ: Бестужевъ, получая письма отъ Екатерины для пересылки Апраксину, показывалъ ихъ саксонскому совѣтнику посольства Прассе

*) «Осмнадцатый Вѣкъ». II, 542—543.
**) Соловьевъ. XXIV, 176.

и пріѣзжавшему въ Петербургъ австрійскому генералу Буккову для успокоенія ихъ на счетъ добраго расположенія молодаго двора къ общему дѣлу, потому что въ нихъ Екатерина убѣждала Апраксина спѣшить походомъ. Букковъ разсказалъ объ этихъ письмахъ Эстергази, и теперь, когда захотѣли повредить Апраксину и Бестужеву вмѣстѣ, Эстергази сообщилъ объ этой перепискѣ великой княгини съ Апраксинымъ самой Императрицѣ, представивъ это дѣло очень опаснымъ **).

Въ сущности Апраксинъ не подвергался опалѣ за отступленіе: онъ былъ жертвою, принесенною для успокоенія союзниковъ, для поддержанія общаго дѣла; разумѣется, Апраксинъ былъ бы достаточно вознагражденъ за эту роль жертвы, еслибы все дѣло состояло въ отступленіи. Но дѣло состояло теперь главнымъ образомъ въ перепискѣ съ нимъ великой княгини. Письма сами по себѣ не могли бы быть поставлены въ вину ни писавшей, ни получавшему ихъ; но зачѣмъ сношенія, переписка между этими лицами? не было ли какихъ нибудь другихъ внушеній со стороны Екатерины? Бестужевъ — подозрительный канцлеръ — служитъ посредникомъ!

Въ январѣ 1758 года, начальникъ тайной канцеляріи Александръ Иван. Шуваловъ отправился въ Нарву поговорить съ Апраксинымъ на счетъ переписки; какъ видно, ничего особеннаго не вышло изъ этихъ разговоровъ; носился слухъ, будто Апраксинъ далъ клятвенное заявленіе, что онъ никакихъ обѣщаній молодому двору не давалъ и никакихъ внушеній въ пользу короля Прусскаго отъ него не получалъ. На этомъ дѣло должно было остановиться. Императрица обходилась холодно съ великою княгинею, холодно и съ канцлеромъ. Противъ Бестужева, кромѣ

**) Тамъ же, 177.

переписки, были и другія причины неудовольствія. Польско-саксонскій дворъ, принимая въ соображеніе неудовольствіе Императрицы и требованія Франціи и Австріи, рѣшился отозвать Понятовскаго изъ Петербурга; но Бестужевъ воспротивился этому и настоялъ на своемъ; кромѣ того, Бестужевъ выхлопоталъ польскій орденъ Бѣлаго Орла для тайнаго совѣтника Штамбке, завѣдывавшаго голштинскими дѣлами при великомъ князѣ, а было извѣстно, что Штамбке — довѣренный человѣкъ Бестужева. Разсказывали и о проектѣ канцлера относительно престолонаслѣдія; говорили, что конференцъ-секретарь Волковъ, бывшій долгое время довѣреннымъ человѣкомъ у Бестужева, открылъ теперь о существованіи этого проекта врагамъ канцлера. Но всѣ эти догадки,—что Бестужевъ удержалъ Понятовскаго, выхлопоталъ Штамбке Бѣлаго Орла, слухъ, что у Бестужева есть какой-то планъ относительно престолонаслѣдія,—все это еще не могло повести къ сверженію канцлера; все ограничивалось раздраженіемъ и непріятными толками.

Но, рядомъ съ этимъ, положеніе великой княгини сдѣлалось очень опаснымъ. Опасность была тѣмъ сильнѣйшею, что враги ея, пустивши въ ходъ всевозможныя клеветы и всякаго рода злонамѣренные толки, до того вооружили противъ нея Государыню, что та рѣшительно уклонялась отъ всякаго съ нею личнаго объясненія. Братья, Петръ и Александръ Шуваловы, главнѣйшіе враги Бестужева и великой княгини, дѣйствовали на совершенномъ просторѣ и вполнѣ возбудили противъ нея великаго князя.

Арестованіе Апраксина и слѣдствіе надъ нимъ нанесли окончательный ударъ Бестужеву. Онъ висѣлъ на волоскѣ, и этотъ волосокъ не замедлили разорвать его враги. Надобно было убѣдить Елизавету Петровну, что

противъ Бестужева существуютъ важныя подозрѣнія; удалить его отъ дѣлъ по однимъ подозрѣніямъ нельзя; но уличить его можно только арестовавши его, захвативши бумаги и довѣренныхъ людей. Арестъ канцлера и слѣдствіе надъ нимъ были рѣшены.

Великій канцлеръ былъ арестованъ 25-го февраля 1758 г. вечеромъ, въ то время, когда онъ пріѣхалъ во дворецъ на конференцію. Солдаты, которые должны были арестовать Бестужева, радовались, думая, что имъ велятъ схватить Шуваловыхъ. По свидѣтельству Екатерины, общественное мнѣніе было совершенно на сторонѣ Бестужева. Въ одно время съ Бестужевымъ захвачены были два друга графа Алексѣя Григорьевича Разумовскаго — герольдмейстеръ Василій Евдокимовичъ Ададуровъ и любимый адъютантъ его Иванъ Перфильевичъ Елагинъ. Напали на слѣды переписки Екатерины съ Апраксинымъ и подозрѣніе о тайныхъ сношеніяхъ ея съ канцлеромъ получило основаніе. Присутствіе духа Бестужева однако спасло Екатерину: всѣ бумаги и письма ея были имъ истреблены.

Великая княгиня, проснувшись на другой день послѣ арестованія Бестужева, получила записку отъ графа Понятовскаго слѣдующаго содержанія: „Графъ Бестужевъ арестованъ, лишенъ всѣхъ чиновъ и должностей; съ нимъ арестованы вашъ брилліантщикъ Бернарди, Елагинъ и Ададуровъ“. Первая мысль Екатерины по прочтеніи была та, что бѣда ея не минуетъ. Бернарди, умный и ловкій италіянецъ, по своему ремеслу былъ вхожъ во всѣ дома; почти всѣ были ему что нибудь должны, почти всѣмъ онъ оказалъ какую нибудь маленькую услугу. Такъ какъ онъ постоянно бѣгалъ по домамъ, то ему давали порученія; записки, посланныя съ нимъ, доходили скорѣе и вѣрнѣе, чѣмъ отправленныя съ слугою; такимъ же коммиссіонеромъ служилъ онъ и великой

княгинѣ. Въ тотъ же день вечеромъ, на балу, Екатерина Алексѣевна подошла къ князю Никитѣ Трубецкому и спросила его: „Что это у васъ за новости: нашли ли вы больше преступниковъ, чѣмъ преступленій“?—„Мы сдѣлали то, что намъ приказано,—отвѣчалъ Трубецкой;—преступленія еще отыскиваютъ, и до сихъ поръ неудачно“. Потомъ Екатерина подошла къ фельдмаршалу Бутурлину, который сказалъ ей: „Бестужевъ арестованъ, а теперь мы ищемъ причины, за что его арестовали“ *).

На другой день, къ великой княгинѣ пришелъ Штамбке и объявилъ, что получилъ записку отъ Бестужева, въ которой тотъ приказывалъ ему сказать Екатеринѣ, чтобъ она не боялась, такъ какъ все сожжено: дѣло шло о проектѣ относительно престолонаслѣдія. Записку принесъ музыкантъ Бестужева, и было условлено на будущее время класть записки въ груду кирпичей, находившуюся недалеко отъ дома бывшаго канцлера. По порученію Бестужева, Штамбке долженъ былъ также дать знать Бернарди, чтобы тотъ при допросахъ показывалъ сущую правду и потомъ далъ бы знать Бестужеву, о чемъ его спрашивали. Но эта переписка арестантовъ скоро прекратилась: черезъ нѣсколько дней, рано утромъ, входитъ къ великой княгинѣ Штамбке, блѣдный, измѣнившійся, и объявляетъ, что переписка открыта, музыкантъ схваченъ и, по всѣмъ вѣроятіямъ, послѣднія письма—въ рукахъ людей, которые стерегутъ Бестужева **).

Штамбке не обманулся: письма очутились въ слѣдственной коммиссіи, наряженной по дѣлу Бестужева; она состояла изъ трехъ членовъ: фельдмаршаловъ князя Трубецкаго и Бутурлина и графа Александра Шува-

*) Соловьевъ, XXIV. 181. — «Mémoires», 313—314.
**) «Mémoires», 314.

лова; секретаремъ былъ назначенъ Волковъ. Слѣдственное дѣло о Бестужевѣ не имѣетъ полноты: нѣкоторыхъ отвѣтовъ подсудимаго нѣтъ, не сохранилось также перваго допроса и отвѣтовъ. Изъ дѣла видно, что допросы уже сдѣланы были 26-го февраля и отвѣтами бывшаго канцлера Императрица осталась недовольна, почему на другой день, 27 февраля, Бестужеву было объявлено: „Ея Императорское Величество твоими наканунѣ того учиненными отвѣтами такъ недовольна, что повелѣваетъ еще да и въ послѣднія спросить съ такимъ точнымъ объявленіемъ, что, ежели малѣйшая скрытность и непрямое совѣсти и долга очищеніе окажется, то тотчасъ повелитъ въ крѣпость взять и поступить какъ съ крайнимъ злодѣемъ". 27-го числа былъ предложенъ вопросъ: „для чего онъ предпочтительно искалъ милости у великой княгини, а не такъ много у великаго князя и скрылъ отъ Ея Императорскаго Величества такую корреспонденцію (переписку Екатерины съ Апраксинымъ), о которой по должности и вѣрности донести надлежало"? Бестужевъ отвѣчалъ: „У великой княгини милости не искалъ, паче же старался, съ вѣденія Ея Императорскаго Величества, открывать ея письма, ибо тогда великая княгиня была предана королю прусскому, Швеціи и Франціи по тогдашней системѣ; но какъ съ годъ тому времени или съ полтора перемѣнила ея высочество совсѣмъ свое мнѣніе и возненавидѣла короля прусскаго и шведовъ, кромѣ токмо что короля дядю своего весьма любитъ, то канцлеръ старался не только утвердить въ томъ ея высочество, но и побуждалъ, дабы она и великаго князя на такія жъ съ Ея Императорскимъ Величествомъ согласныя мнѣнія привела, о чемъ великая княгиня и трудилася, но, сколько ему сказывала, что труды ея разрушаются, присовокупляя этому нѣмецкую пословицу: Was ich baue das reissen die andern nieder (что

я строю, то другіе разрушаютъ), и упоминая, что то дѣлаютъ наипаче полковникъ Броунъ, природный пруссакъ, оберъ-камергеръ Брокдорфъ и другіе около великаго князя находящіеся офицеры, о чемъ онъ, канцлеръ, и Ея Императорскому Величеству въ то время доносилъ, но только о томъ не упомянулъ, что онъ всѣ сіи обстоятельства отъ великой княгини вѣдаетъ". На основаніи записки, посланной къ великой княгинѣ изъ подъ ареста, былъ сдѣланъ вопросъ: „Совѣтуешь ты великой княгинѣ поступать смѣло и бодро съ твердостію, присовокупляя, что подозрѣніями ничего доказать не можно. Нельзя тебѣ не признаться, что сіи послѣднія слова особенно весьма много значатъ и великой важности суть, и такъ чистосердечное изъясненіе паче всего потребно". Бестужевъ отвѣчалъ: „Великой княгинѣ поступать смѣло и бодро съ твердостію я совѣтовалъ, но только для того, что письма ея къ фельдмаршалу Апраксину ничего предосудительнаго въ себѣ не содержали" *).

Въ допросахъ сильно настаивалось на частыхъ и необычайныхъ конференціяхъ канцлера съ Штамбке и Понятовскимъ. Бестужевъ клялся, что такихъ конференцій не бывало. Но его продолжали допрашивать: „Такъ какъ Штамбекъ и Понятовскій были въ безпрестанныхъ и необычайныхъ конференціяхъ, всемѣрно надобно, чтобъ и больше въ томъ участниковъ и конфидентовъ было; и потому имѣешь безъ утайки объявить всѣхъ оныхъ, а притомъ и то не скрыть, что понеже все сіе безъ всякаго намѣренія дѣлано быть не могло, то спрашивается: не было ли соглашаемо и постановлено какого плана, какъ на нынѣшнее, такъ и на будущее время"? Такъ какъ въ бумагахъ Бестужева не

*) Соловьевъ. XXIV, 183.

найдено никакихъ слѣдовъ проекта о престолонаслѣдіи, то хотѣли принудить его проговориться, настаивая на частыя свиданія съ Штамбке и Понятовскимъ. Но Бестужевъ держался твердо, зная, что уликъ нѣтъ, а подозрѣніями ничего доказать не можно. Онъ отвѣчалъ даже прямѣе, чѣмъ былъ поставленъ вопросъ: „Ни съ Штамбекомъ, ниже съ Понятовскимъ и другими какими конфидентами, коихъ у меня и не было, не думывалъ ни о какомъ планѣ ни на нынѣшнее время, ниже на будущее, да и возможно ли о томъ думать, ибо наслѣдство уже присягами всего государства утверждено“.

Отвѣтами, разумѣется, были недовольны, и 4-го марта Бестужеву, именемъ Императрицы, повторено было требованіе, чтобъ признавался искреннѣе, повторена была и прежняя угроза. Спрашивалось: „Показалъ ты, якобы великой княгинѣ поступать смѣло и бодро, съ твердостію совѣтовалъ ты только для того, что письма ея къ фельдмаршалу Апраксину ничего предосудительнаго въ себѣ не содержали; но понеже ты къ тому присовокупилъ точныя слова, что подозрѣніями ничего доказать не можно, то изъ сего ясно, что ты надежду свою только въ томъ полагаешь, якобы прямыхъ доказательствъ не будетъ, а впрочемъ уже признаешься, что къ подозрѣніямъ много причинъ подано: и такъ имѣешь ты точно объявить, чего подозрѣніями доказать не можно, такожь и то, противъ кого совѣтуешь ты поступать смѣло и бодро, съ твердостію?— Чрезъ кого ты свѣдалъ, что великая княгиня вдругъ свои мысли перемѣнила и, возненавидя короля прусскаго и шведовъ, любитъ токмо весьма короля своего дядю, и что за причина была такой скоропостижной перемѣны? Какимъ образомъ открылась тебѣ великая княгиня толь много, что именовала тебѣ всѣхъ тѣхъ, кои развращаютъ великаго князя, когда ты говорышь,

что милости ея никогда не искалъ? Сверхъ тѣхъ писемъ, о которыхъ ты уже винился, что получалъ отъ великой княгини чрезъ Бернардія, извѣстно Ея Императорскому Величеству еще гораздо больше таковыхъ, какъ отъ ея высочества къ тебѣ, такъ и отъ тебя къ ея высочеству чрезъ того жь Бернардія переносимо было, и потому надлежитъ тебѣ показать, въ чемъ точно состояла сія переписка, гдѣ теперь всѣ сіи письма, для чего пересылаемы были они не прямымъ каналомъ, но толь непозволительнымъ образомъ, и для чего не доносилъ ты о томъ никогда Ея Императорскому Величеству? буде сжегъ, то для чего *)?

Изъ этихъ допросовъ видно, на сколько нѣкоторые вопросные пункты были оригинальны; такъ, напримѣръ: черезъ кого Бестужевъ узналъ, что великая княгиня перемѣнила мысли, какимъ образомъ она такъ много ему открылась? Отвѣтъ былъ ясенъ: узналъ отъ нея самой, а указала она на людей, которые препятствуютъ доброму дѣлу, желая заявить, что она этому дѣлу содѣйствуетъ; впрочемъ Бестужевъ могъ и отказаться отвѣчать на подобные вопросы и потребовать, чтобъ о внутреннихъ побужденіяхъ Екатерины спрашивали у нея самой, а не у него. Впрочемъ хотѣли подробностей, и Бестужевъ не поскупился на нихъ; въ особенности онъ постарался какъ можно подробнѣе объяснить свои отношенія къ польско-саксонскому двору, потому что неискренность въ этомъ отношеніи паче всего возбуждала гнѣвъ Императрицы, и кромѣ того эти подробности могли быть непріятны только одному Эстергази, котораго бывшему канцлеру вовсе не нужно было щадить.

По окончаніи слѣдствія, члены судной коммиссіи жаловались Императрицѣ на отсутствіе искренности въ по-

*) Соловьевъ, XXIV, 183—185.

казаніяхъ Бестужева, на то, что онъ запирается съ клятвами и для окончательнаго подтвержденія правды своихъ показаній пріобщился св. Тайнъ, послѣ чего дальнѣйшее слѣдствіе безполезно. Написали вины, изъ коихъ первая была та, что канцлеръ „клеветалъ Ея Императорскому Величеству на ихъ высочествъ, а въ то же время старался преогорчить и ихъ высочествъ противъ Ея Императорскаго Величества“.

Рѣшенія по дѣлу Бестужева долго не было. Онъ все содержался подъ арестомъ въ собственномъ домѣ. 2-го января 1759 года бывшаго канцлера вызвали въ коммиссію, для того чтобъ показать ему золотую табакерку съ портретомъ великой княгини и спросить, откуда получилъ. Бестужевъ отвѣчалъ прямо, что табакерку подарила ему сама великая княгиня во дворцѣ, на куртагѣ, за нѣсколько мѣсяцевъ до его ареста: это было послѣднее, что оставалось у слѣдователей. Въ апрѣлѣ дѣло кончилось ссылкою Бестужева въ одну изъ его деревень; все недвижимое имущество оставлено за нимъ, но были взысканы казенные долги. Фельдмаршалъ Апраксинъ былъ переведенъ изъ Нарвы поближе къ Петербургу, въ мѣстность, называемую Четыре Руки, и здѣсь ему были дѣланы допросы. Понятно, что въ ихъ числѣ нельзя было встрѣтить допросовъ о причинахъ возвращенія къ границамъ послѣ Гросъ-Егерсдорфской битвы; дѣло было окончательно рѣшено объясненіями новаго главнокомандующаго Фермора. Допросы касались переписки Апраксина съ Бестужевымъ и великою княгинею; изъ отвѣтовъ обнаруживалось одно, что и канцлеръ, и великая княгиня побуждали его идти скорѣе въ походъ, тогда какъ прежде, въ Петербургѣ, оба они были другого мнѣнія. Апраксинъ оказывался виноватъ въ томъ, что не имѣлъ охоты выступать изъ Риги и состоялъ въ непозволенной перепискѣ съ великою княгинею. Конечно,

были рады и этимъ двумъ винамъ, иначе отнятіе у него начальства надъ войскомъ не имѣло бы оправданія. Апраксинъ умеръ внезапно 6-го августа 1758 года. Другихъ причастныхъ къ дѣлу наказали почетною ссылкою — Ададурова назначили въ Оренбургъ товарищемъ губернатора; Штамбке былъ высланъ за границу; Бернарди сосланъ на житье въ Казань; Елагинъ въ казанскую деревню.

До насъ дошла переписка Екатерины съ однимъ изъ сосланныхъ, Елагинымъ, о которомъ она въ своихъ запискахъ говоритъ: „это былъ человѣкъ вѣрный и честный: если кто пользовался его привязанностью, то не скоро терялъ ее у него. Онъ всегда выказывалъ усердіе и предпочтеніе ко мнѣ“ *). Къ Елагину писалъ также украдкою записки и графъ Понятовскій. Великая княгиня и графъ, оба стараются арестованнаго утѣшать, облегчать его страданія; оба посылаютъ ему деньги; оба обѣщаютъ помнить его преданность и услуги; оба высказываютъ ему надежду, что все окончится хорошо. Понятно, что во всѣхъ запискахъ о происшедшемъ событіи упоминается только намёкомъ. Въ записочкахъ настоящія имена нѣкоторыхъ пособниковъ великой княгини скрыты подъ псевдонимами Золотаго человѣка (Homme d'or), Неподвижимаго (Berg) и проч. Подъ буквами М. М. очевидно скрывается сама Екатерина; Нетерпѣливымъ человѣкомъ названъ ею графъ Понятовскій.

Посылая Елагину деньги и лаская надеждою скораго освобожденія изъ ссылки, Екатерина писала ему: „По теперешней перемѣнѣ, иного предмета не имѣю, какъ наискорѣй васъ освободить и покамѣсть къ вамъ посылаю для перваго случая 300 черв. Надѣюсь получить благополучный успѣхъ, но въ первомъ моментѣ

*) «Mémoires», 311, 312. — «Cour», 170.

еще объ томъ упомянуть нельзя было. Homme d'or здѣсь, и хорошій ему пріемъ, и мы всѣ не оставимъ о васъ упомянуть; будь здоровъ и увѣренъ, что невинность и усердіе твое вѣкъ изъ ума не выйдутъ" *). Въ другомъ письмѣ Екатерина говоритъ: „Неподвижимаго рѣдко вижу, и канала почти нѣтъ, но со всѣмъ съ тѣмъ не пропущу ему напомнить и подвигать ко всему тому, что вамъ полезно будетъ" **). Въ другихъ запискахъ Екатерина съ грустью говоритъ объ отъѣздѣ Понятовскаго, высказываетъ надежду на его возвращеніе; крайне осторожно выражаетъ чрезвычайное свое желаніе какъ можно скорѣе дождаться конца процесса Бестужева. По нѣкоторымъ примѣчаніямъ видно, какъ секретно и осторожно происходилъ между великою княгинею и Елагинымъ обмѣнъ писемъ.

Паденіе Бестужева уничтожило на нѣкоторое время надежды, которыя лелѣяла Екатерина Алексѣевна относительно своей будущности. Она потеряла въ великомъ канцлерѣ вліятельнаго и могущественнаго союзника, который серьезно думалъ предоставить ей значеніе въ государственныхъ дѣлахъ и регентство въ случаѣ смерти Елизаветы Петровны. Вскорѣ послѣ катастрофы съ Бестужевымъ, она потеряла всякое вліяніе на голштинскія дѣла.

---

*) «Сборн. Р. И. О.», VII, 75.
**) Тамъ-же, 80.

XX.

Къ дѣлу Бестужева великая княгиня была сильно причастна; недозволенная переписка съ нею Апраксина и пересылка писемъ черезъ Бестужева лежали въ основаніи допросовъ и бывшему канцлеру, и бывшему главнокомандующему. Хотя Екатерина не могла бояться важныхъ обвиненій, потому что подозрѣніями ничего нельзя было доказать, тѣмъ не менѣе положеніе ея было тяжело: хотя подозрѣніями, ничего нельзя было доказать, но подозрѣнія могли оставаться въ головѣ Императрицы, да и помимо подозрѣній Екатерина знала, какъ Елизавету должно было раздражать ея вмѣшательство въ дѣла и вообще значеніе, пріобрѣтенное ею въ послѣднее время. Главнокомандующій, зная рѣшительныя намѣренія Государыни, несогласныя съ желаніями великой княгини, колеблется, сдерживается въ ихъ исполненіи. Гнѣвъ Императрицы на Екатерину былъ несомнѣненъ, но кто могъ защитить ее отъ этого гнѣва, кто могъ преложить его на милость? Люди преданные пали, судятся какъ государственные преступники, враги торжествуютъ, великій князь настроенъ крайне враждебно, въ чемъ, по свидѣтельству Екатерины, виноватъ былъ главнымъ образомъ Брокдорфъ, который, говоря о ней, выражался: „надобно раздавить змѣю“. Эстергази доносилъ своему

двору, что великая княгиня два раза присылала къ нему Штамбке за совѣтомъ и помощью, давая знать, что всѣ бѣды постигли ее за усердіе къ интересамъ Маріи Терезіи. „Но такъ какъ, писалъ Эстергази, Императрица Елизавета горько жаловалась мнѣ на поведеніе Екатерины и такъ какъ иностранный министръ не долженъ вмѣшиваться въ домашнія дѣла государей, то я отклонилъ отъ себя это дѣло, велѣвши сказать ей, что всего лучше, если она обратится къ посредничеству своего супруга, владѣющаго полною милостію и довѣренностію Императрицы“ *). Легко понять, что подобный отвѣтъ въ положеніи Екатерины былъ самою злою надъ нею насмѣшкою.

Вообще, послѣ процесса Бестужева, положеніе Екатерины Алексѣевны при дворѣ было самое невыносимое. По ея словамъ, всѣ боялись приближаться къ ней изъ страха, чтобы ихъ не сочли за ея соумышленниковъ. Великій князь даже боялся съ нею говорить и избѣгалъ входить въ ея комнаты. „Я сама, пишетъ Екатерина, избѣгала звать къ себѣ кого либо, изъ боязни подвергнуть ихъ какимъ либо несчастіямъ или непріятностямъ“. Въ концѣ Масляной недѣли, въ дворцовомъ театрѣ былъ назначенъ русскій спектакль. По этому поводу Екатерина замѣчаетъ, что „графъ Понятовскій просилъ меня непременно присутствовать во время спектакля, потому что начали уже распускать слухи, будто меня собираются отослать, не позволяютъ показываться и разное тому подобное, и каждый разъ, что я не показывалась во время спектакля или при дворѣ, всѣ были заинтересованы знать причину, можетъ быть, болѣе изъ любопытства, чѣмъ изъ сочувствія ко мнѣ“ **).

*) Соловьевъ. XXIV, 190.
**) «Mémoires», 323.

Въ томъ тяжкомъ положеніи, въ которомъ находилась Екатерина Алексѣевна, она выбрала самое вѣрное средство выйти изъ него — это обратиться прямо къ Елизаветѣ Петровнѣ, которая очень добра, которая не переноситъ вида чужихъ слезъ и которая очень хорошо знаетъ и понимаетъ положеніе Екатерины въ семьѣ. Съ другой стороны, это было прекраснымъ средствомъ противъ ходившихъ слуховъ, будто великую княгиню удалятъ изъ Россіи, хотя слухи были несбыточные, потому что Елизавета Петровна никогда не рѣшилась бы на такой скандалъ изъ за нѣсколькихъ писемъ къ Апраксину, но тѣмъ лучше можно было отнять у враговъ эту угрозу и обратить ее противъ нихъ же самихъ, — другими словами, перемѣнить оборону въ наступленіе. При такомъ положеніи дѣла, Екатерина написала письмо къ государынѣ, въ которомъ, выставляя на видъ свое горестное положеніе, она благодарила Императрицу за всѣ милости, оказанныя ею, поручала ея заботамъ своихъ дѣтей и умоляла отпустить ее заграницу сначала на воды для леченія разстроеннаго здоровья, а оттуда навсегда къ ея роднымъ.

Какъ ни было убѣдительно письмо великой княгини, однако ей не скоро удалось бы видѣть Государыню, еслибъ за нее не явился новый и краснорѣчивый ходатай — духовникъ Императрицы.

Вмѣшательство его въ дѣло Екатерины произошло слѣдующимъ образомъ: нѣсколько дней послѣ того что Екатерина Алексѣевна написала Елизаветѣ Петровнѣ письмо, вечеромъ, къ ней вошла въ спальню одна изъ ея горничныхъ, Екатерина Ивановна Шерегородская и со слезами сказала ей: „Мы всѣ боимся за ваше положеніе, въ которомъ васъ видимъ; позвольте мнѣ отправиться сегодня къ моему дядѣ, отцу Дубенскому, духовнику Императрицы и вашему; я съ нимъ

поговорю и передамъ ему все, что вы мнѣ прикажете, и я вамъ обѣщаюсь, что онъ сумѣетъ такъ говорить съ Государынею, что вы останетесь довольны". Великая княгиня, видя преданность горничной, разсказала ей, въ какомъ положеніи она находится, и содержаніе написаннаго ею письма къ Императрицѣ. Шерегородская отправилась къ дядѣ, передала ему все слышанное, расположила его въ пользу великой княгини и, въ 11 часовъ вечера, вернулась съ совѣтомъ духовника ночью сказаться больною, потребовать его подъ предлогомъ исповѣди, передать ему все, что найдетъ нужнымъ, съ тѣмъ что бы онъ могъ въ томъ же духѣ говорить съ Елизаветою Петровною. Совѣтъ этотъ понравился Екатеринѣ Алексѣевнѣ, и она, въ эту же ночь, въ точности привела его въ исполненіе. Потребовавъ къ себѣ духовника, она нарисовала ему картинку прошлаго и настоящаго ея положенія, поведеніе великаго князя относительно ея, ненависть Шуваловыхъ, постоянныя отсылки тѣхъ, которые при ней состояли и которыхъ она любила, наконецъ существующее положеніе дѣла и поводы, побудившіе ее писать Императрицѣ. Она просила его выхлопотать ей скорый отвѣтъ на ея просьбу.

Дубенскій отнесся къ великой княгинѣ чрезвычайно сочувственно; онъ вполнѣ ее понялъ и оправдывалъ. Онъ сознался, что съ Екатериною обращаются крайне жестоко, что Императрица, вызвавъ ее въ Россію чрезвычайно молодою, предоставила ее на произволъ ея враговъ, и что она гораздо лучше сдѣлала бы, если бы удалила ея соперницъ, въ особенности Елизавету Воронцову, сдерживала бы фаворитовъ, которые превратились для народа въ піявокъ, высасывая изъ него постоянными монополіями соки, и которые, кромѣ того, возмущали всѣхъ своими несправедливостями. Онъ обнадежилъ Екатерину тѣмъ, что письмо, написанное ею,

произведетъ эффектъ и что она должна настаивать на своемъ отъѣздѣ, но что ея ни за что не отправятъ, потому что подобный поступокъ не будутъ въ состояніи ничѣмъ оправдать въ глазахъ публики, взоры которой обращены на нее. Наконецъ онъ кончилъ бесѣду тѣмъ, что обѣщалъ тотчасъ же отправиться къ Императрицѣ, дождаться ея пробужденія, представить ей положеніе великой княгини въ настоящемъ свѣтѣ и убѣдить ускорить обѣщанное свиданія *).

Передъ убѣжденіемъ такого ходатая, какъ духовникъ, Государыня склонилась: свиданіе ея съ Екатериной состоялось.

13-го апрѣля 1758 г. графъ Александръ Ивановичъ Шуваловъ пришелъ въ комнату великой княгини и сказалъ, что Императрица зоветъ ее къ себѣ. Екатерина предупреждена была о предстоящемъ свиданіи еще съ вечера. Свиданіе происходило за-полночь. Въ комнатѣ Императрицы, кромѣ нея и великой княгини, находились еще великій князь и графъ Шуваловъ.

Вотъ какъ разсказываетъ Екатерина Алексѣевна объ этомъ весьма интересномъ и — въ жизни этой замѣчательной женщины — весьма важномъ событіи**).

Увидавши Императрицу, Екатерина бросилась передъ нею на колѣна и со слезами стала умолять отправить ее къ роднымъ за границу. Императрица хотѣла ее поднять, но Екатерина не вставала. Если Ив. Ив. Шуваловъ совѣтовалъ ей, какъ разсказывали, за нѣсколько дней до свиданія, оказать немного покорности, то она употребила сильный пріемъ, и тѣмъ скорѣе достигла своей цѣли. На лицѣ Елизаветы была написана печаль, а не гнѣвъ, на глазахъ блистали слезы.

---

*) «Mémoires», 333—336.

**) «Mémoires», 337—344. — Соловьевъ, XXIV. 191—193. — Семевскій, 174—177. Brückner, 65. — «Cour» 176.

— Какъ же мнѣ отпустить тебя? — сказала она сквозь слезы: — вспомни, что у тебя есть дѣти?

Екатерина на это ловко затронула другую нѣжную сторону человѣческаго сердца:

„Мои дѣти, отвѣчала она, на вашихъ рукахъ, и лучшаго для нихъ желать нечего; я надѣюсь, что вы ихъ не оставите“.

— Но что же я скажу другимъ? по какой причинѣ я тебя удалила? — спросила Елизавета.

„Ваше Императорское Величество изложите причины, почему я навлекла на себя вашу немилость и ненависть великаго князя“.

— А чѣмъ же ты будешь жить у своихъ родныхъ?

„Тѣмъ же, чѣмъ жила прежде, когда не имѣла чести быть здѣсь“.

— Но твоя мать.... она принуждена была удалиться изъ дому и отправилась въ Парижъ.

„Я знаю объ этомъ; король прусскій преслѣдуетъ ее за излишнюю приверженность къ русскимъ интересамъ“.

Тутъ Императрица во второй разъ приказала Екатеринѣ встать; та повиновалась. Елизавета Петровна отошла отъ нея въ раздумьи. Она чувствовала, что потерпѣла пораженіе отъ женщины, которая стояла передъ нею на колѣнахъ; надобно было собрать силы для нападенія. Но это было трудно сдѣлать, и атака поведена была въ разстройствѣ, въ безпорядкѣ. Разговоръ происходилъ въ длинной комнатѣ о трехъ окнахъ; въ простѣнкахъ стояли столы съ золотыми туалетами Елизаветы. Напротивъ оконъ, позади дивана, висѣли густыя занавѣски; за ними стоялъ графъ Ив. Ив. Шуваловъ. На одномъ изъ туалетовъ видны были свернутыя письма.

— Богъ мнѣ свидѣтель, — заговорила Императрица, вновь подходя къ великой княгинѣ, — какъ я объ тебѣ

плакала, когда ты была при смерти больна, по пріѣздѣ твоемъ въ Россію; еслибъ я тебя не любила, я тогда-же отпустила бы тебя.

Екатерина стала благодарить Императрицу за ея всегдашнія къ ней милости.

— Но ты чрезвычайно горда, — продолжала Государыня:—вспомни, какъ однажды, въ лѣтнемъ дворцѣ, я подошла къ тебѣ и спросила, не болитъ ли у тебя шея, потому что я видѣла, что ты мнѣ едва поклонилась; ты не захотѣла мнѣ поклониться какъ слѣдуетъ изъ гордости.

„Боже мой! — воскликнула Екатерина: — неужели ваше величество думаете, что мнѣ когда нибудь могло придти въ голову гордиться передъ вами? Клянусь вамъ, что я никогда не подозрѣвала, чтобы тотъ вопросъ, который вы мнѣ сдѣлали четыре года тому назадъ, могъ имѣть подобное значеніе“!

— Ты воображаешь, что нѣтъ на свѣтѣ человѣка умнѣе тебя!

„Если бы я такъ думала, то настоящее положеніе мое и самый разговоръ этотъ, кажется, должны вывести меня изъ подобнаго самообольщенія, потому что я, по глупости моей, до сихъ поръ не умѣла понять того, что ваше величество изволили сказать мнѣ четыре года тому назадъ“.

Разговоръ затѣмъ начался между Императрицею и великимъ княземъ, но недолго; отъ него она снова подошла къ Екатеринѣ и рѣзко обратилась къ ней со словами:

— А ты вмѣшиваешься во многія дѣла, которыя до тебя не касаются; я не смѣла этого дѣлать во время Императрицы Анны. Какъ, напримѣръ, осмѣлилась ты посылать приказанія фельдмаршалу Апраксину?

„Я!.. Никогда. Мнѣ и въ голову не приходило посылать ему приказанія“.

— Какъ ты можешь запираться въ перепискѣ съ нимъ, — возразила Елизавета, — твои письма вотъ тамъ на туалетѣ (она показала на нихъ пальцемъ). Тебѣ вѣдь запрещено было писать.

„Правда, я писала безъ позволенія, и прошу за то простить меня; но такъ какъ письма мои здѣсь, то, изъ этихъ трехъ писемъ ваше величество можете увидѣть, что я никогда не посылала ему приказаній; но въ одномъ письмѣ передавала ему, что говорятъ объ его поступкахъ".

— Зачѣмъ же ты писала ему объ этомъ?

„Затѣмъ, что я принимала въ немъ участіе и очень любила его. Я просила его исполнять ваши приказанія. Въ двухъ же остальныхъ письмахъ я — въ одномъ — поздравляла его съ рожденіемъ сына, а въ другомъ—съ новымъ годомъ".

— Бестужевъ говоритъ, что было много другихъ писемъ, — сказала Елизавета.

„Если Бестужевъ это говоритъ, то онъ лжетъ", — отвѣчала Екатерина.

Тутъ Елизавета употребила нравственную пытку, чтобы вынудить признаніе: „Хорошо, — сказала она, — если онъ на тебя лжетъ, то я велю пытать его". Но Екатерина не испугалась и отвѣчала. „По самодержавной власти вашей—вы можете дѣлать все, что найдете нужнымъ, но я все-таки писала къ Апраксину только эти три письма". Елизавета ничего не сказала на это.

Разговоръ, вновь перешедшій на разныя обстоятельства супружеской жизни Петра и Екатерины, продолжался около полутора часа, но не привелъ къ окончательному результату. Императрица, по своему обыкновенію, ходила по комнатѣ, обращаясь то къ великой княгинѣ, то къ великому князю, всего же чаще къ Шувалову. Весь этотъ разговоръ производилъ на нее тя-

желое впечатлѣніе, но не раздражалъ ея; даже гнѣвъ ея на великую княгиню за сношенія, при посредствѣ Бестужева, съ Апраксинымъ, значительно смягчился, и Елизавета нисколько не обнаруживала желанія отпустить Екатерину за-границу. Но за то непріязненность отношеній молодыхъ супруговъ, высказавшаяся во взаимныхъ упрекахъ передъ Императрицею, еще болѣе усилилась. Великій князь при этомъ до того горячился, что Государыня—приводимъ слова Екатерины—„подошла ко мнѣ и сказала вполголоса: „У меня есть много еще о чемъ поговорить съ тобою, но теперь я не могу, потому что не хочу, чтобы вы еще болѣе разсорились“. Глазами и головою она мнѣ показала, что не хочетъ больше говорить при другихъ. За такой знакъ доброжелательства въ моемъ критическомъ положеніи — продолжаетъ великая княгиня — я почувствовала къ ней живѣйшую благодарность и отвѣчала тоже почти шопотомъ: „Я также не могу говорить, хотя мнѣ чрезвычайно хотѣлось бы открыть вамъ мою душу и мое сердце“. Елизавета была очень тронута этими словами, слезы навернулись у нея на глазахъ, и чтобы другіе не замѣтили, какъ она растрогана, она отпустила великаго князя и великую княгиню, говоря, что уже очень поздно: дѣйствительно было около трехъ часовъ утра.

„Нѣсколько минутъ спустя, графъ Александръ Ивановичъ Шуваловъ — продолжаетъ Екатерина — явился въ мои покои и объявилъ, что Императрица призывала его къ себѣ и, поговоривъ съ нимъ нѣсколько времени, поручила ему передать мнѣ ея поклонъ и сказать, чтобы я не огорчалась, и что она будетъ имѣть со мною разговоръ наединѣ. Я отдала графу Шувалову низкій поклонъ и велѣла передать Ея Величеству мое глубочайшее почтеніе и благодарность за ея ми-

лости, которыя возвращаютъ меня къ жизни, прибавивъ, что буду съ живѣйшимъ нетерпѣніемъ ожидать этого втораго разговора, и прося, чтобы онъ, Шуваловъ, постарался ускорить его".

Въ ожиданіи втораго свиданія, Екатерина заперлась въ своей комнатѣ подъ предлогомъ нездоровья. Она въ это время читала пять первыхъ томовъ „Исторіи путешествій", съ картою на столѣ. Когда она уставала отъ этого чтенія, то перелистывала первые томы французской „Энциклопедіи". Скоро она имѣла удовольствіе убѣдиться, какъ удачно поступила она прося сама отпуска изъ Россіи: къ ней явился вице-канцлеръ Воронцовъ и, отъ имени Императрицы, сталъ упрашивать отказаться отъ мысли оставить Россію, ибо это намѣреніе сильно печалитъ Императрицу и всѣхъ честныхъ людей, въ томъ числѣ и его, Воронцова. Онъ обѣщалъ также, что Императрица будетъ имѣть съ нею вторичное свиданіе *).

Какою тайною ни облекали эти событія отъ лицъ постороннихъ, но иноземные послы при петербургскомъ дворѣ, не жалѣвшіе денегъ для того, чтобы развязать языки кому слѣдуетъ, знали все, происходившее въ царственной семьѣ, до мельчайшихъ подробностей; такимъ образомъ, англійскій министръ Кейтъ, передавъ въ своей депешѣ отъ 17-го (28-го) апрѣля 1758 г. сущность разговора, происходившаго между Государынею и великою княгинею, сообщаетъ и объ обѣщаніи Императрицы „поговорить съ Екатериною наединѣ": „Полагаютъ, что это объясненіе должно произойти въ будущую среду, такъ какъ Ея Величество, имѣющая въ сущности доброе и нѣжное сердце, должна въ этотъ день пріобщаться. Надѣются, добавляетъ англійскій

*) Соловьевъ. XXIV, 193.

посолъ, что за этимъ свиданіемъ послѣдуетъ примиреніе, чего, разумѣется, всѣ искренно желаютъ, такъ какъ у великой княгини много друзей между первостепенными лицами" *).

Такимъ образомъ, многіе ожидали скораго и совершенно благополучнаго исхода отъ этого втораго свиданія Государыни съ Екатериною; ждала его нетерпѣливо и сама Екатерина. Нѣсколько разъ просила она графа А. И. Шувалова ускорить моментъ, „когда наконецъ рѣшится ея участь"; но дни проходили за днями, недѣли за недѣлями, а Государыня не присылала за великою княгинею; тогда, наконецъ, 29-го мая, передъ отъѣздомъ своимъ въ деревню, Екатерина рѣшилась написать Императрицѣ новое письмо. О письмѣ этомъ Екатерина вовсе не упоминаетъ въ своихъ запискахъ,—тѣмъ интереснѣе намъ прочесть его. Приводимъ письмо въ исправленномъ отъ орѳографическихъ ошибокъ видѣ **).

„Всемилостивѣйшая Государыня.

„Столько видя неизреченныхъ отъ Вашего Императорскаго Величества милосердій ко мнѣ, я не могу отселѣ отдалиться, не припадавше къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества и съ истиннаго сердца приношеніемъ моего нелицемѣрнаго благодаренія, да благоволитъ Господь Богъ показать Вашему Императорскому Величеству, сколь я наполнена искреннѣйшаго почтенія, благодарности и подобострастія къ Вашему Императорскому Величеству. Нѣтъ того часа, чтобъ я Бога на колѣнахъ не просила о продолженіи неоцѣненнаго здравія Вашего Императорскаго Величества, да и быть инако не можетъ, покамѣсть я жива. Лишь я вспомню высочайшихъ милостей, которыхъ я удостои-

*) «Cour», 176. — Семевскій, 177.
**) «Сборн. Русск. Ист. Общ.». VII, 74. — Семевскій, 178.

лась слышать изъ навѣкъ благословенныхъ устъ Вашего Императорскаго Величества, слезы радостныя льются изъ моихъ глазъ. Сколь бы я счастлива называлась, еслибъ словесно могла донести, до моего отъѣзда, Вашему Императорскому Величеству, всенижайшую мою благодарность, припадше къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества, а все прочее время моего живота чрезъ послушаніе, любовь и откровенность глубины сердца моего, себя хотя малѣйше оказать достойна взгляда Вашего Императорскаго Величества. Всѣ мои желанія къ тому устремляются чрезъ то получить неизрѣченное для меня благополучіе увидѣть очи Вашего Императорскаго Величества и повергнуть себя къ ножкамъ Вашего Императорскаго Величества съ крайнѣйшею благодарностію и съ откровеніемъ прежде прискорбнымъ, но нынѣ, по всевысочайшей милости Ваше Императорское Величества, радости наполненнымъ сердцемъ, да благословитъ Господь Богъ Ваше Императорское Величество; да благословитъ Всевышній, чтобъ я изъяснить могла, съ какимъ глубочайшимъ почтеніемъ на вѣкъ есмь, всемилостивѣйшая Государыня, Вашего Императорскаго Величества всеподданнѣйшая, всепослушнѣйшая раба

„Екатерина, Великая Княгиня“.

29 мая 1758 года.

Второе свиданіе состоялось. Прежде всего Императрица потребовала, чтобы Екатерина отвѣчала ей сущую правду на ея вопросы, и первый изъ нихъ былъ: дѣйствительно ли она писала только три извѣстныя письма къ Апраксину? Екатерина поклялась, что только три. Потомъ Елизавета стала разспрашивать Екатерину о подробностяхъ жизни великаго князя.... На этомъ прекращается разсказъ Екатерины о свиданіи съ Императрицею и вмѣстѣ съ тѣмъ ея записки. Изъ депешъ ан-

глійскаго посла видно, что послѣ этого разговора Государыня сдѣлалась нѣсколько благосклоннѣе къ великой княгинѣ, да и отношенія Екатерины къ мужу нѣсколько улучшились *), тѣмъ не менѣе, великая княгиня видѣлась съ Государынею рѣдко, и о дѣлахъ, иногда для нея весьма нужныхъ, должна была обращаться письменно. Конечно, о полномъ расположеніи Елизаветы Петровны къ Екатеринѣ не могло быть и рѣчи, но цѣль была достигнута. Главная опасность исчезла: Екатерина „не была удалена“, она удержала за собою поле сраженія. Это было равносильно побѣдѣ, или, вѣрнѣе сказать, это было счастливое отраженіе изгнанія.

*) «Cour», 177.

XXI.

Въ слѣдующемъ, послѣ описанныхъ свиданій, году Екатерина Алексѣевна лишилась послѣдней своей связи съ прошлымъ — матери.

Живя въ Парижѣ, Іоганна-Елизавета вела жизнь роскошную, любила играть въ карты, окружала себя разными проходимцами, въ числѣ коихъ принимала у себя извѣстнаго чудодѣя гр. Сенъ-Жермена. Но жить пришлось ей недолго. Весною 1760 года, тяжко заболѣвъ, она пригласила къ себѣ русскаго посланника при французскомъ дворѣ князя Дм. Мих. Голицына, чтобы передать ему свои послѣднія желанія. Онъ такъ писалъ объ этомъ свиданіи въ Петербургъ къ великому канцлеру графу Воронцову:

„Сіятельнѣйшій графъ, милостивый государь мой Михаилъ Ларіоновичъ“.

„Изъ прежнихъ моихъ (писемъ) вашему сіятельству довольно извѣстно, что я, не токмо по пріѣздѣ моемъ сюды, ея свѣтлость княгиню Ангальтъ-Цербстскую нашелъ здѣсь въ весьма худомъ состояніи ея здоровья, но и что потомъ, дня ото дня, оная еще слабѣе прежняго становилась, а вчерашняго вечера ея свѣтлость, которая обрѣталась уже въ самыхъ истощенныхъ силахъ и по истинѣ жалостно было ее видѣть, нарочно меня къ себѣ призывать изволила и со мною въ цѣлой памяти

и здравомъ разумѣ говорила съ немалою прискорбностью, что она чувствуетъ, что конецъ ея жизни приближается. Причемъ она едва не безутѣшна остается, да и не можетъ спокойно умереть, даже *) не увѣрена будетъ, что Ея Императорское Величество, отъ коей она многими милостями, благодѣяніями и неизреченною щедростью взыскана была, ей великодушно отпустить соизволить все то, почему она несчастіе имѣла оной гнѣвъ на себя навлещи, о чемъ она крайне сожалѣетъ и въ томъ признается не въ иномъ какомъ видѣ и не упоминая ни мало о своихъ оставаемыхъ дѣлахъ, но единственно приноситъ свое повиновеніе по искренности ея сердца и должному респекту къ толь великой государынѣ. Которое все поручила мнѣ накрѣпко и со многою просьбою вашему сіятельству подробно донести; а притомъ изволила мнѣ отдать приложенный при семъ пакетъ къ вамъ, милостивому государю моему, со включенными въ немъ грамотами къ Ея Императорскому Величеству и къ Ея Императорскому Высочеству Государынѣ Великой Княгинѣ, чаятельно касающіяся до сей же матеріи, о которыхъ просила, чтобъ изволили ихъ тамъ при удобномъ случаѣ поднести. И какъ она съ жадностью ожидаетъ на сіе желаемаго отвѣта, а особливо чтобъ вышеозначенное порадованіе ее застать могло еще живу, того ради рекомендовала мнѣ сіе отправить отсюды съ нарочнымъ курьеромъ немедленно.

„Что жъ надлежитъ до ея свѣтлости домашнихъ дѣлъ и расположеній обо всемъ оставшемся по ней, то уповательно оное отъ нея поручено шведскому министру барону Шеферу, который всегда знакомъ былъ въ ея домѣ и во всю ея свѣтлости бытность здѣсь всякую ей угодность и услугу оказывалъ.

---

*) Слово *даже* князь Голицынъ употребляетъ вмѣсто *пока*.

„При семъ включаю описаніе ея болѣзни и какія средства къ излѣченію оной употреблялись, что я получилъ отъ доктора, который ея свѣтлость пользуетъ.

„Я остаюсь и пр. Кн. Д. Голицынъ.

„Парижъ въ 13 день апрѣля 1760 года". Получено 16-го мая.

Изъ описанія болѣзни принцессы Ангальтъ-Цербстской видно, что, еще въ декабрѣ 1759 года, она была весьма опасна. Болѣзнь ея въ концѣ перешла въ лихорадку и въ водяную. Судя по бумагамъ, Екатерина посылала своей матери чаю и ревеню; но эта посылка не застала ее въ живыхъ, ибо чай и ревень шли чрезвычайно медленно, и о нихъ производилась длинная переписка *).

Черезъ мѣсяцъ послѣ перваго донесенія, князь Голицынъ писалъ опять изъ Парижа отъ 20 мая 1750 г. что: „хотя ея свѣтлости около двухъ недѣль до сего отъ ея болѣзни нѣсколько и мягче быть становилось, однакожъ предъ тремя днями пока оная въ великую слабость пришедши, вчерась по-полуночи въ третьемъ часу уже жизнь свою скончала".

Составляя незадолго передъ смертью духовное завѣщаніе, касавшееся исключительно дѣлъ имущественныхъ, Іоганна-Елизавета ни единымъ словомъ не упоминаетъ въ немъ о дочери.

При французскомъ дворѣ наложенъ былъ по кончинѣ Іоганны-Елизаветы трауръ на четыре дня; „а ихъ королевскія высочества дофинъ и дофина изъ особливой атенціи носили оный еще три дни долѣе большаго двора". При нашемъ дворѣ трауръ наложенъ уже гораздо позднѣе, именно, со 2-го октября, на три недѣли.

Сынъ покойной принцессы самъ не пріѣхалъ, а вмѣсто

---

*) «Осмнадцатый Вѣкъ». 37, 38.

себя прислалъ, въ августѣ 1760 г., „статскаго министра и обермаршала барона Буркерсроде“, который принялъ въ Петербургѣ двухъ-годичную пенсію, присланную изъ Россіи покойной княгинѣ (30 тысячъ руб., или 124,500 ливровъ). Многочисленнымъ заимодавцамъ не было уплачено, и послѣ къ русскому двору обращались съ требованіями объ уплатѣ дѣйствительныхъ и вымышленныхъ долговъ княгини Цербстской *).

Кончина матери была событіемъ въ жизни Екатерины II-й лишь въ томъ отношеніи, что окончательно обрывались черезъ то связи ея съ Германіею. Годъ тому назадъ, во время таинственныхъ объясненій съ Императрицею Елизаветою, черезъ духовника Дубенскаго, Екатерина еще могла просить, чтобъ ее отослали назадъ въ Германію. Теперь, съ 1760 года, ей не на кого больше сослаться, не на кого опереться. Судьба ея окончательно связалась съ Русскимъ государствомъ....

Впрочемъ, одна еще связь съ роднею оставалась — это дѣла, или, иначе сказать, денежные долги, въ которыхъ запуталась принцесса Цербская и которые, послѣ ея смерти, Екатеринѣ пришлось расхлебывать. Какъ ни тяжело было ей въ этомъ случаѣ приносить въ жертву чувство самолюбія и прибѣгать къ помощи Елизаветы Петровны, но обстоятельства вынуждали, и она ей писала **):

„Всемилостивѣйшая Государыня.

„Въ надеждѣ ко всему свѣту, а наипаче мнѣ извѣстное неизреченное милосердіе Вашего Императорскаго Величества, и не имѣя помощи и надежды окромѣ безмѣрнаго великодушія Вашего Императорскаго Величества, наипаки дерзновеніе принимаю прибѣгать къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества. Знаю и чув-

*) «Осмнадцатый Вѣкъ». I, 44.

**) «Сборн. Русск. Ист. Общ.» VII. 80, 81.

ствую, сколь велика проливаемая на родителей моихъ, на меня и родственниковъ моихъ безпрестанная милость и благодѣянія Вашего Императорскаго Величества были, такъ что единымъ словомъ сказать должная моя благодарность ни перомъ написать, ни языкомъ выговорить словъ довольныхъ не имѣю; но, какъ уже Вашему Императорскому Величеству извѣстно, что я послѣ покойной матери моей вмѣстѣ съ моимъ братомъ въ оставшемъ имѣніи завѣщаніемъ сдѣлана наслѣдницей. Оставшія въ Парижѣ вещи, по большей части жалованныя матери моей отъ Вашего Императорскаго Величества, оныя всѣ заложены, которымъ если выкупу не будетъ, то проданы будутъ съ публичнаго аукціона послѣ святой недѣли по новому штилю, т. е. въ мартъ мѣсяцъ. По такимъ обстоятельствамъ осмѣливаюсь доложить и просить Вашего Императорскаго Величества, изъ единственной милости всемилостивѣйшей Государыни, не будетъ ли угодно оныя вещи купить. А если соизволенія Вашего Императорскаго Величества на оную мою всенижайшую просьбу не будетъ, то прошу, всемилостивѣйшая Государыня, изъ природнаго материнскаго милосердія, пожаловать съ вычетомъ всякой годъ по десяти тысячъ рублевъ изъ тридцати тысячъ моего жалованья сто тысячь рублевъ. Я, въ надеждѣ на извѣстное Вашего Императорскаго Величества великодушіе и милость, тѣмъ болѣе осмѣливаюсь Вашего Императорскаго Величества утруждать, дабы публичною продажею убѣжать какого либо стыда. Препоручая впрочемъ какъ себя, такъ и оное дѣло монаршей волѣ Вашего Императорскаго Величества, знаю, что все, что сдѣлать изволите, будетъ мнѣ знакомъ благоволенія и милости Вашего Императорккаго Величества. Еще осмѣливаюсь упомянуть, не соизволено ли мнѣ будетъ отъ Вашего Императорскаго Величества, дабы брату моему оста-

новки не было въ происшествіе сего дѣла, послать по времени письмо и кому Ваше Императорское Величество оное изволите приказать отдать. Не осталось мнѣ инаго, какъ покорить себя во всемъ волѣ Вашего Императорскаго Величества, чувствуя совершенно, сколь велика моя благодарность за безчисленныя милости Вашего Императорскаго Величества есть, и должна быть покомѣсть жива, всемилостивѣйшая Государыня, Вашего Императорскаго Величества всепокорнѣйшая, всепослушнѣйшая (зачеркнуто: „всеподданнѣйшая племянница“) и подданнѣйшая

„Екатерина, Великая Княгиня“.

Съ паденіемъ Бестужева, Екатерина Алексѣевна потеряла всякую возможность разсчитывать имѣть какое-либо государственное значеніе, а тѣмъ болѣе, оставаясь на законной почвѣ, пріобрѣсти правленіе. Она могла только надѣяться, пріобрѣсти еще бо̀льшую популярность, какъ контрастъ нелюбви къ великому князю. И дѣйствительно, она рѣшилась воспользоваться каждымъ казавшимся ей благопріятнымъ обстоятельствомъ, чтобы отстоять свое положеніе. Взглядъ ея на образъ дѣйствій, которому она считала болѣе удобнымъ слѣдовать, выразился въ ея замѣткахъ, относящихся къ этому времени: „Поздравляю себя съ рождающеюся милостію ко мнѣ, но я должна въ ней сомнѣваться, не смотря на увѣренія и подарки, которые мнѣ будутъ дѣлать. Однако это не должно мнѣ мѣшать дѣйствовать такъ, какъ будто я считала эту милость за дѣйствительную. Мнѣ будутъ всегда льстить когда и сколько будутъ недовольны... (великимъ княземъ)? Я слишкомъ молода и пр., чтобы сдѣлаться любимицею, но я должна дѣлать такъ, какъ будто думаю быть таковою“ *). Такова была по-

*) «Сборн. Русск. Истор. Общ.» VII, 98.

литика Екатерины въ послѣднее время царствованія Елизаветы Петровны. Что же касается послѣдней, то она не могла не признавать за Екатериною и умъ, и большія, несомнѣнныя достоинства; вотъ почему великой княгинѣ, хотя не безъ малыхъ трудовъ и борьбы, удавалось выйти изъ того положенія, въ которое она была поставлена катастрофою, разразившеюся надъ ея старымъ другомъ, графомъ Бестужевымъ-Рюминымъ, и которое дѣйствительно было критическое.

Напротивъ того, Петръ Ѳедоровичъ не воспользовался тѣми злополучными обстоятельствами, въ которыя брошены были его враги: опрометчивый, излишне говорливый, вѣчно отдающійся первому пылу своихъ помысловъ, онъ своими неосмотрительными выходками и многими привычками, усвоенными въ кругу ораніенбаумскихъ голштинцевъ, продолжалъ огорчать свою тетку. Очень легко могло случиться, что Елизавета Петровна, если бы прожила дольше, измѣнила бы свои первоначальныя намѣренія относительно престолонаслѣдія. Екатерина была права, когда писала въ своихъ запискахъ: „Касательно своего племянника, Императрица думала совершенно такъ же, какъ и я, и она его знала такъ хорошо, что уже, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, она не могла нигдѣ провести съ нимъ четверти часа, чтобы не почувствовать къ нему отвращенія, или гнѣва, или жалости, и когда рѣчь заходила о немъ у нея въ комнатѣ, то, говоря о немъ, она или заливалась слезами о несчастіи имѣть такого наслѣдника, какъ онъ, или же обнаруживала презрѣніе къ нему и часто давала ему эпитеты, которые онъ вполнѣ заслуживалъ. У меня на это были доказательства въ рукахъ, такъ какъ я нашла въ ея бумагахъ двѣ записки, написанныя рукою Императрицы, не знаю кому, но изъ коихъ одна, казалось, была Ивану Шувалову, а

другая—графу Разумовскому, въ которыхъ она проклинала своего племянника и посылала его къ „чорту". Въ одной находилось слѣдующее выраженіе: „Проклятый мой племянникъ досадилъ какъ нельзя болѣе"; а въ другой она писала: „Племянникъ мой уродъ, чортъ его возьми" *). Въ другомъ мѣстѣ Екатерина замѣчаетъ, что Елизавета и Петръ такъ мало другъ къ другу подходили, что они едва могли пробыть вмѣстѣ пять минутъ, чтобы не поссориться **).

Впослѣдствіи, послѣ воцаренія, Петръ III, однажды за обѣдомъ, вспоминая о прошломъ, говорилъ, что при томъ строгомъ рабствѣ, въ которомъ его держали, было большою оплошностью то, что ему дали 500 солдатъ, такъ какъ только отъ него зависѣло, при ихъ содѣйствіи, овладѣть особою Государыни и вступить на престолъ. Далѣе, продолжалъ Петръ, выполненіе этого предпріятія, которое его очень занимало, могло бы быть чрезвычайно легко приведено въ исполненіе въ Петергофѣ, благодаря совершенно незащищенному положенію павильона Марли, въ которомъ жила Государыня, но что онъ былъ слишкомъ добръ для того, чтобы этимъ воспользоваться ***).

Въ виду поведенія великаго князя и его образа жизни въ Ораніенбаумѣ, куда онъ постоянно стремился изъ Петербурга, Государыня все больше и больше озабочивалась тѣмъ, какъ онъ приметъ власть, когда приближающаяся ея кончина предоставитъ ему скипетръ и корону. Впрочемъ „послѣднихъ мыслей Императрицы Елизаветы Петровны о наслѣдствѣ — такъ писала Екатерина, уже послѣ смерти тетки и мужа своего — сказать не можно, ибо твердыхъ не было. То не су-

*) «Mémoires», 328—329.

**) «Русскій Архивъ» 1878. II, 287.

***) Донесеніе Брюля 1-го (12-го) мая 1762 г. Herrmann. V, 277.

мнительно, что она (Елизавета) не любила Петра III и что она его почитала за неспособнаго къ правленію, что она знала, что онъ русскихъ не любилъ, что она съ трепетомъ смотрѣла на смертный часъ и на то, что̀ послѣ нея происходить можетъ; но какъ она во всемъ имѣла рѣшимость весьма медлительную, особливо въ послѣдніе годы ея жизни, то догадываться можно, что и въ пунктѣ наслѣдства мысли болѣе колебались, нежели что нибудь опредѣлительное было въ ея мысли" *).

Опредѣлительнѣе смотрѣли на дѣло Шуваловы. Еще недавно, изъ чувства ли самосохраненія, изъ другихъ ли, болѣе высшихъ побужденій, спасши Петра отъ ловко задуманнаго замысла графа Бестужева-Рюмина, Шуваловы, незадолго до кончины Елизаветы, уже стали задумываться о томъ, не было ли бы лучше, и для отечества, и для нихъ самихъ, устранить великаго князя отъ наслѣдованія престола и возвести на престолъ малютку Павла Петровича. Въ этомъ смыслѣ сдѣлана была попытка графомъ Иваномъ Ивановичемъ — уговорить умирающую Государыню передать престолъ, помимо племянника, внуку; какъ бы то ни было, однако ко всѣмъ этимъ затѣямъ „фавориты, — какъ писала впослѣдствіи Екатерина, — не приступили, но оборотя всѣ мысли свои къ собственной ихъ безопасности, стали дворовыми вымыслами и происками стараться входить въ милости Петра III, въ коемъ отчасти и предуспѣли" **).

Не останавливаясь на подробностяхъ этихъ предположеній, мы привели о нихъ только собственныя слова Екатерины: ей хорошо извѣстно было, что часть русскаго общества желала видѣть на престолѣ ея сына.

Въ концѣ 1760-го и въ 1761 году здоровье Императ-

*) Замѣтка Екатерины. — «Русскій Архивъ» 1863 г. VII, стр. 567.
**) Тамъ-же, стр. 382. — Семевскій, 184—185.

рицы Елизаветы Петровны окончательно пошатнулось; всѣ признаки близкой кончины появлялись; она уже не была въ состояніи выѣзжать изъ дворца и, для развлеченія, ее переносили то въ комнаты Шувалова, то Разумовскаго, въ которыхъ она обѣдала или ужинала. Лѣтомъ 1761 года съ большимъ трудомъ Государыня переѣхала въ Петергофъ, откуда ее, едва живую, перевезли осенью обратно въ Петербургъ.

Во вторникъ, въ день Рождества Христова, 25-го декабря 1761 г., въ 2 часа, Императрица скончалась. Еще наканунѣ, чувствуя приближеніе смерти, государыня, будучи въ полномъ сознаніи, призвала къ себѣ во дворецъ (бывшій въ то время на углу Невскаго и Мойки) великаго князя Петра Ѳедоровича и великую княгиню Екатерину Алексѣевну. Императрица нѣжно прощалась съ ними, являя при этомъ большое присутствіе духа и благочестія. Она завѣщала племяннику любить своихъ подданныхъ, быть къ нимъ милостивымъ и стараться пріобрѣсть ихъ расположеніе. Вмѣстѣ съ тѣмъ, умирающая Императрица умоляла своего преемника жить съ женою согласно и любить малютку Павла; о младенцѣ этомъ Государыня говорила съ особенною нѣжностію. Современники свидѣтельствуютъ, что великій князь обѣщалъ свято выполнять завѣты своей тетки *).

Не успѣла еще Елизавета Петровна закрыть глаза, какъ сторонники Екатерины Алексѣевны мечтали уже о переворотѣ въ ея пользу. Первый, кому пришла мысль воспользоваться благопріятнымъ повидимому моментомъ, была молодая княгиня Е. Р. Дашкова. „Узнавъ, что Государынѣ осталось жить только нѣсколько дней, — писала она въ своихъ запискахъ, — 20-го декабря, не смотря на мое болѣзненное состояніе, я

*) «Cour», 178. — Семевскій, 160.

отправилась къ деревянному дворцу на Мойкѣ, въ которомъ жила Императрица и царская фамилія, и пѣшкомъ стала разыскивать маленькую лѣстницу, которая мнѣ была уже извѣстна черезъ прислугу ихъ высочествъ и по которой можно было добраться, не будучи замѣченною въ такой неурочный часъ (такъ какъ было уже 12 ночи), въ покои великой княгини. По счастливой случайности, старшая горничная великой княгини входила въ это время въ маленькую переднюю и спасла меня отъ несчастныхъ послѣдствій, потому что я совсѣмъ не знала расположенія комнатъ и могла бы такъ же легко очутиться въ комнатахъ камердинеровъ Петра III, какъ и въ комнатѣ его супруги. Назвавъ себя, я объявила ей, что желаю переговорить съ великою княгинею. „Она въ постели",—отвѣтили мнѣ. „Ничего не значитъ, — сказала я,— мнѣ необходимо съ нею переговорить". Такъ какъ я уже раньше успѣла пріобрѣсти дружбу и довѣріе горничной, то она впустила меня въ комнату и пошла доложить обо мнѣ ея высочеству, которая, при видѣ меня, чрезвычайно удивилась. Она съ трудомъ повѣрила Екатеринѣ Ивановнѣ, зная, что я была въ то время больна, и не могла допустить, чтобы я такъ рискнула одна, пѣшкомъ, въ сильный холодъ, когда всѣ входы и выходы были охраняемы или наблюдаемы. „Ради Бога пусть она войдетъ"! — воскликнула Екатерина. — Я вошла, и дѣйствительно застала великую княгиню въ постели, на которую она заставила меня сѣсть и отогрѣть ноги прежде чѣмъ позволила мнѣ говорить. Видя, что я нѣсколько оправилась и согрѣлась, она меня спросила: „Что васъ привело ко мнѣ въ такое время и заставило васъ, милая княгиня, пренебречь здоровьемъ столь дорогимъ какъ для меня, такъ и для вашего мужа"? „Я не могу долѣе противустоять желанію, чтобы имѣть нѣкоторое успокоеніе, при видѣ тучъ, которыя собираются надъ

вами. Имѣйте ко мнѣ, во имя Бога, довѣріе; я его заслужила и, надѣюсь, заслужу еще больше. Скажите мнѣ, какой вашъ планъ? Что предполагаете вы предпринять для вашей безопасности? Императрицѣ остается жить только нѣсколько дней, можетъ быть, нѣсколько часовъ; могу ли я вамъ быть полезною? приказывайте и направьте меня". Великая княгиня залилась слезами; она взяла мою руку прижала ее къ своему сердцу и сказала: „Не нахожу словъ, дорогая княгиня, выразить вамъ всю мою благодарность, и повѣрьте, что я вамъ скажу съ полнымъ довѣріемъ и величайшею истиною, что не составляла никакого плана, что не могу ничего предпринять и что должна и хочу смѣло встрѣтить все то, что должно со мною случиться, и что моя единственная надежда — это на Бога, на котораго я и полагаюсь". „Значитъ, ваше высочество, отвѣтила я,— надо, чтобы ваши друзья дѣйствовали за васъ; я же, съ своей стороны, не уступлю ни одному изъ нихъ въ стараніяхъ и средствахъ, которыя готова посвятить вамъ". „Бога ради, княгиня, не подвергайтесь изъ за меня никакимъ опасностямъ, не навлекайте на себя несчастій, о которыхъ мнѣ бы пришлось вѣчно сожалѣть. Впрочемъ, что же можно сдѣлать"? — „Все что я теперь могу вамъ сказать, — возразила я, — это то, что я не предприму ничего такого, что могло бы васъ скомпрометтировать; если придется страдать, то я буду страдать одна, и вы никогда не будете имѣть повода вспоминать о моей преданности къ вамъ, связанной съ какими бы то ни было непріятностями или несчастіями, касающимися лично васъ". Великая княгиня хотѣла еще со мною говорить, сдержать мое увлеченіе, можетъ быть даже неосторожность, неизбѣжную при неопытности въ 17-ти-лѣтней женщинѣ; но я ее прервала и, цѣлуя ея руку, сказала: „Я не могу оставаться у васъ долѣе,

не подвергая себя и васъ опасности". Она бросилась въ мои объятія, и мы въ такомъ положеніи оставались нѣсколько минутъ. Я соскочила съ постели, оставила ее въ видимомъ волненіи и безпокойствѣ и съ трудомъ добралась сама до кареты" *).

Лишь только Императрица Елизавета Петровна испустила послѣдній вздохъ и генералъ-фельдмаршалъ кн. Н. Ю. Трубецкой, выйдя въ „антикамеры", объявилъ о семъ присутствующимъ, то, какъ повѣствуетъ очевидецъ, „весь дворъ наполнился плачемъ и стенаніемъ. Но какъ оный (т. е. дворъ) вскорѣ потомъ допущенъ былъ передъ Ихъ Императорскія Величества, для приношенія рабской подданности, то слезы печали и прискорбія претворились въ слезы радости и умиленія. Ихъ Императорскія Величества, чувствуя печаль о кончинѣ любезнѣйшія тетки и проливая слезы, снисходили однакожь утѣшать приходящихъ вѣрныхъ подданныхъ и ободрять ихъ крайне милостивымъ пріемомъ" **).

Къ семи часамъ съѣхались во дворецъ сенаторы, члены сѵнода, генералитетъ и прочіе знатные члены въ цвѣтныхъ платьяхъ, а дамы первыхъ четырехъ классовъ въ робронахъ. Пришла со штандартомъ и знаменитая лейбъ-компанія и стала въ одной изъ залъ дворца; пришли и остальные полки, находившіеся въ столицѣ, и выстроились передъ дворцомъ. Государь съ Государынею, въ сопровожденіи всего двора, отправились въ большую придворную церковь. Здѣсь Волковъ прочелъ манифестъ, наскоро заготовленный Александромъ Ив. Глѣбовымъ. Манифестъ, напоминая многимъ дорогое имя Петра 1-го, былъ въ то же время нѣсколько страненъ; ни въ немъ, ни въ приложенномъ къ нему клятвенномъ

*) «Mémoires de la princesse Dashkaw». — «Арх. кн. Воронцова». XXI, 31—34.

**) «Камеръ-фурьерскій журналъ», 1761 г. стр. 1—2.

обѣщаніи — ни слова не упоминалось, ни о будущемъ наслѣдникѣ престола, Павлѣ Петровичѣ, ни о новой Императрицѣ, супругѣ Государя, Екатеринѣ Алексѣевнѣ*).

Было уже совсѣмъ темно, когда новый Императоръ вышелъ изъ дворца, чтобъ показаться войскамъ. Государь сѣлъ на лошадь, и, освѣщаемый факелами, объѣхалъ полки. Музыка играла, барабаны били, знамена преклонялись, и громкіе клики солдатъ и толпившагося вокругъ народа привѣтствовали Императора. Все совершилось „въ большомъ порядкѣ и чрезвычайно спокойно".

Петръ Ѳедоровичъ заключилъ первый день своего царствованія пиромъ: „тридцать три кавалера и сорокъ одна знатнѣйшихъ дамскихъ персонъ" сѣли съ нимъ въ галереѣ ужинать и встали изъ за стола лишь во второмъ часу ночи.

Не всѣ однако раздѣляли чувства радости и веселья, вызывавшіяся перемѣною правленія**): Многіе, частію зная слабости и недостатки новаго Государя, частію изъ личнаго къ нему нерасположенія, съ боязнію, въ тревожномъ ожиданіи, смотрѣли на грядущее; другіе — сомкнувшись въ тѣсный кружокъ сторонниковъ новой Императрицы — ждали только вождя, чтобъ воспользоваться промахами и ошибками новаго Государя и затѣмъ начать дѣйствовать, смотря по обстоятельствамъ***).

---

*) Семевскій, 161.
**) «Cour», 179.
***) Семевскій, 164.

XXII.

Первыя дѣйствія Петра Ѳедоровича, по восшествіи его на престолъ, ярко очерчиваютъ во всей цѣлости характеръ этого государя. Страстность, порывистость во всѣхъ дѣйствіяхъ, сопровождавшихся нерѣдко забвеніемъ не только личныхъ, но и государственныхъ интересовъ, при этомъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, доброта и великодушіе — вотъ отличительныя черты нравственной личности новаго государя. Петръ вполнѣ остался вѣренъ самому себѣ, своимъ прежнимъ привычкамъ и привязанностямъ.

Вечеромъ, въ день кончины императрицы, оберъ-церемоніймейстеръ баронъ Лефортъ оповѣстилъ всѣхъ иностранныхъ министровъ, что, на слѣдующій день, Императоръ и Императрица будутъ принимать поздравленія съ восшествіемъ на престолъ въ галереѣ дворца безъ церемоній. Англійскій посолъ Кейтъ доносилъ по этому поводу, что „Ихъ Величества, явившись вмѣстѣ, приняли насъ очень милостиво; а послѣ (принесенія поздравленія) мы имѣли честь обѣдать съ ними вмѣстѣ за столомъ на сто персонъ, за которымъ всѣ, не исключая Императора и Императрицы, размѣстились по жребію. Послѣ обѣда, Императоръ подошелъ ко мнѣ и сказалъ на ухо, что я останусь имъ доволенъ, такъ какъ ночью онъ отправилъ курьеровъ въ армію съ повелѣніемъ

остановить наступленіе войскъ и прекратить всякія непріязненныя дѣйствія“ *).

И дѣйствительно, едва сознавъ власть въ своихъ рукахъ, Петръ прежде всего вспомнилъ свой идеалъ „своего господина“, какъ онъ обыкновенно выражался, Фридриха II-го. Вмѣстѣ съ приказомъ о прекращеніи военныхъ дѣйствій, разосланы были особыя инструкціи, дававшія право русскимъ генераламъ заключить перемиріе, какъ только его предложатъ пруссаки. Въ тотъ же самый день, любимецъ новаго Императора, бригадиръ и камергеръ Андрей Гудовичъ отправленъ былъ къ принцу Ангальтъ-Цербстскому съ извѣщеніемъ о восшествіи на престолъ Петра и вмѣстѣ съ тѣмъ повезъ къ Фридриху II-му грамоту Императора. Гудовичъ нашелъ прусскій дворъ и министровъ въ Магдебургѣ; но самъ король былъ въ Бреславлѣ. Легко понять, какія мысли возбудило въ Фридрихѣ извѣстіе о смерти Елизаветы при такомъ отчаянномъ положеніи, въ какомъ онъ тогда находился. Разумѣется, онъ не могъ надѣяться на полноту счастія, какое готовилось для него въ Петербургѣ; онъ не думалъ, что оттуда сдѣланъ будетъ первый шагъ къ начатію непосредственныхъ сношеній, и потому поручилъ Кейту поздравить Императора и Императрицу отъ имени ихъ „стараго друга“ съ восшествіемъ на престолъ. 31-го января Фридрихъ получилъ изъ Магдебурга извѣстіе о пріѣздѣ Гудовича и о привезенномъ имъ письмѣ Петра. „Благодареніе небу“, — написалъ король брату своему Генриху, — нашъ тылъ свободенъ“. „Голубица, принесшая масличную вѣтвь въ ковчегъ“, — Гудовичъ, былъ приглашенъ въ Бреславль и принятъ съ распростертыми объятіями **).

Не вдаваясь въ изложеніе царствованія Петра III-го, нельзя, тѣмъ не менѣе, пройти молчаніемъ объ общемъ

*) «Cour», 179, 180.

**) Соловьевъ. XXV, 30. — Семевскій, 136.

его характерѣ, такъ какъ государственная дѣятельность новаго Императора имѣла главное вліяніе на ходъ послѣдующихъ событій, тѣсно вязавшихся около личности Екатерины Алексѣевны.

Впечатлѣніе первыхъ государственныхъ распоряженій Петра было для него благопріятное. Онъ въ манифестѣ высказывалъ намѣреніе управлять государствомъ въ духѣ Петра Великаго. Многія мѣры, въ первое время своего царствованія, какъ-то: возвращеніе множества сосланныхъ, уничтоженіе тайной канцеляріи и съ нею пытокъ, расширеніе правъ дворянства, возвращеніе и огражденіе правъ раскольниковъ и др. доставили ему нѣкоторую популярность. Въ военныхъ кружкахъ, — разсказываютъ — существовало нѣкоторое удовольствіе, что, послѣ столь долгаго правленія женщинъ, наконецъ на престолѣ мужчина, который можетъ самъ стать во главѣ войска. Петръ самъ былъ убѣжденъ въ томъ, что пользуется всеобщею любовію и популярностію. Штелинъ разсказываетъ, что Петръ, въ первое время своего царствованія, обнаруживалъ значительную дѣятельность и много занимался дѣлами, но что онъ скоро отдался мелочамъ, обращалъ вниманіе только на внѣшность и вернулся къ своей старой страсти — игрѣ въ солдаты.

Но радость видѣть на престолѣ Петра III-го, даже между его сторонниками, продолжалась недолго; вскорѣ вся несостоятельность его выступила наружу, и надежды на будущее лучшее сдѣлались уже рано очевидно несбыточными. Русскіе не скрывали своего неудовольствія, громко высказывали его, ропотъ увеличивался съ часу на часъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ стало возникать опасеніе, чтобы не сдѣлалось въ скоромъ времени возмущенія *): „Ропотъ на Государя — писалъ въ

*) Болотовъ.

то время Болотовъ — и негодованіе ко всѣмъ дѣяніямъ и поступкамъ его, которые, чѣмъ далѣе, тѣмъ становились хуже, не только во всѣхъ знатныхъ съ часу на часъ увеличивались, но начинали дѣлаться уже почти всенародными, и всѣ, будучи крайне недовольными заключеннымъ съ пруссаками перемиріемъ и, жалѣя объ ожидаемомъ потеряніи Пруссіи, также крайне негодуя на безпредѣльную приверженность Государя къ королю Прусскому, на ненависть и презрѣніе его къ закону, на крайнюю холодность, оказываемую къ Государынѣ — его супругѣ, на слѣпую его любовь къ Воронцовой и паче всего на оказываемое потому болѣе презрѣніе ко всѣмъ русскимъ и даваемое преимущество предъ ними всѣмъ иностранцамъ, а особливо голштинцамъ,—отваживались публично и безъ всякаго опасенія говорить и судить и рядить всѣ дѣла и поступки государевы. Всеобщее негодованіе увеличилось еще болѣе, когда стали разсѣиваться повсюду слухи и достигать до самаго подлаго народа, что Государь не успѣлъ вступить на престолъ, какъ предался публично всѣмъ своимъ невоздержностямъ и совсѣмъ неприличнымъ такому великому монарху дѣламъ, и что онъ не только съ графинею Воронцовою, какъ съ публичною своею любовницею, препровождалъ почти все свое время, но сверхъ того, въ самое еще то время, когда скончавшаяся Императрица лежала во дворцѣ еще во гробѣ, цѣлыя ночи провождалъ съ любимцами, льстецами и прежними друзьями своими, въ пиршествахъ и питьѣ, приглашая иногда къ тому такихъ людей, которые ни мало не достойны были сообщества и дружескаго собесѣдованія съ Императоромъ, какъ, напримѣръ, итальянскихъ театральныхъ пѣвицъ и актрисъ, вкупѣ съ ихъ толмачами; а что всего хуже, разговаривалъ на пиршествахъ таковыхъ вьявь обо всѣхъ и обо всемъ и даже

о самыхъ величайшихъ таинствахъ и дѣлахъ государственныхъ"...

Таковъ былъ Петръ Ѳедоровичъ какъ Императоръ. Вернемся теперь къ Императрицѣ. Положеніе ея въ царствованіе Петра III, какъ слѣдовало ожидать, было тяжело, и ей угрожали постоянныя опасности. Екатерина сама свидѣтельствуетъ, что „въ обстоятельномъ манифестѣ о вступленіи своемъ на престолъ Государь не восхотѣлъ объявить Павла Петровича наслѣдникомъ, и что въ его царствованіе она видѣла себя съ сыномъ въ гоненіи и почти крайнемъ отдѣленіи отъ императорскаго дома"*). Вообще надо замѣтить, Петръ былъ бы весьма доволенъ, если бы могъ вовсе не признавать свою супругу Императрицею **). Но за то, на сколько мало цѣнилъ ее мужъ, на столько иностранные государи отличали ее.

Фридрихъ Великій давалъ совѣтъ англійскому послу увѣрить Екатерину, въ самыхъ преданныхъ выраженіяхъ, о дружескомъ настроеніи короля Прусскаго и прибавить къ этому, что Фридрихъ убѣжденъ въ томъ, что Екатерина сдѣлаетъ все, отъ нея зависящее, чтобы положить конецъ войнѣ. Сохранилось письмо Екатерины къ Фридриху, въ которомъ она выражаетъ благодарность за пожеланія всякаго благоденствія ея супругу по случаю восшествія его на престолъ ***).

Тотъ же Фридрихъ писалъ Петру: „Совѣтуйтесь съ Императрицею; она способна быть только хорошею для васъ совѣтницею; и я убѣдительно прошу васъ слѣдовать ея совѣтамъ" †).

Утверждаютъ, что впослѣдствіи, когда Императрица

---

*) Манифестъ 6 іюня 1762 г.—Кобеко 10.

**) «Русская Старина». XI, 480. — Brückner, 73.

***) «С. Р. И. О.» XX, 50.

†) «Cour», 187.

Екатерина сдѣлалась самодержавною, она нашла въ бумагахъ Петра III письмо короля Прусскаго, въ которомъ онъ, въ видѣ замѣтокъ, даетъ ему слѣдующіе совѣты: „Не слѣдуетъ слишкомъ быстро проводить реформы, болѣе дорожить вѣрованіями и обычаями народа, только въ крайнихъ случаяхъ рѣшаться на нововведенія, во всѣхъ трудныхъ вопросахъ болѣе слѣдовать взглядамъ и совѣтамъ своей супруги, чѣмъ внушеніямъ его собственной гордой и иногда обманчивой самоувѣренности“ *).

Въ дипломатическихъ кружкахъ наблюдали за Екатериною съ самымъ напряженнымъ вниманіемъ. Бретейль писалъ 11-го января н. с. 1762 г.: „Императрица, въ день принесенія нами поздравленій, имѣла видъ совершенно убитый. До сегодняшняго дня очевидно, что она не будетъ имѣть никакого значенія, и, я полагаю она старается вооружиться философіею. Но ея характеръ не сотворенъ къ тому, хотя она часто дѣлала мнѣ честь увѣрять въ противномъ. Императоръ удвоилъ вниманіе къ дѣвицѣ Воронцовой. Онъ ее возвелъ въ званіе оберъ-гофмейстерины надъ фрейлинами. Она имѣетъ помѣщеніе при дворѣ и пользуется отличіями безъ конца. Надо сознаться, что это странный вкусъ“ **). Черезъ недѣлю онъ снова писалъ: „Положеніе Императрицы самое ужасное, и съ нею обращаются съ явнымъ презрѣніемъ. Она съ большимъ нетерпѣніемъ переноситъ поведеніе Императора относительно ея и надменность дѣвицы Воронцовой. Не могу вообразить, чтобы Императрица, смѣлость и вспыльчивость которой я знаю, не прибѣгла рано или поздно къ какимъ-либо крайнимъ мѣрамъ. У нея есть друзья, которые стараются ее успокоить, но которые готовы рѣшиться на все, чего она отъ нихъ ни потребо-

*) Brückner, 78.
**) «Cour», 187.

вала бы“ *). Другой разъ (15-го февраля): „Императрица выигрываетъ во мнѣніи всѣхъ. Никто такъ ревностно не старается отдавать послѣдній долгъ покойной Государынѣ. Съ замѣчательною строгостію соблюдаетъ она праздники, посты, постный столъ и проч. все то, на что Императоръ смотритъ легко, хотя въ Россіи оно признается далеко не безразличнымъ. Однимъ словомъ, она не упускаетъ ничего, чтобы нравиться, и обращаетъ на это вниманіе даже слишкомъ, но всетаки на столько, чтобы ея самолюбіе отъ этого не страдало. Она не такая женщина, чтобы забыть или простить угрозу, которую ей сдѣлалъ Императоръ, еще будучи великимъ княземъ — постричь и заключить ее, подобно тому, какъ Петръ сдѣлалъ съ своею первою женою. Все это, вмѣстѣ съ ежедневными оскорбленіями, въ такой головѣ, какъ ея, должно бродить, и достаточно только удобнаго случая, чтобы разразиться“. Не по днямъ, а по часамъ возрастала въ Бретейлѣ вѣра въ Екатерину и удивленіе передъ ея мощнымъ характеромъ и умомъ, еще рѣзче выдававшими противоположныя качества Петра III. 18-го іюня онъ писалъ: „Императрица бодра духомъ; она пользуется всеобщею любовью и уваженіемъ на столько, на сколько царь ненавидимъ и презираемъ“ **).

Какъ ни старался Бретейль проникнуть въ душу Екатерины, но нѣкоторое оставалось для него необъяснимымъ, вслѣдствіе чего онъ самъ дѣлалъ ошибки въ своихъ донесеніяхъ о русской Императрицѣ. Такъ, въ одной изъ депешъ (14-го апрѣля), онъ писалъ: „Императрица такъ предалась горю и размышленіямъ, что немногія лица, которыя ее видятъ, говорятъ, что она неузнаваема и что здоровье ея на столько слабѣетъ, что

*) «Cour», 189.

**) «Cour», 188—190. Brückner, 75.

доведетъ ее скоро до могилы. У нея уже три недѣли какъ изнуряющая лихорадка". Но тутъ Бретейль сильно ошибался; Екатерина Алексѣевна была дѣйствительно очень больна, но эта болѣзнь была слѣдствіемъ, вовсе не нравственныхъ причинъ, а совершенно иныхъ. Это не было ни безпокойство, ни горе, которыя заставляли ее затворяться и не допускать къ себѣ любопытныхъ и безучастныхъ къ ея участи наблюдателей, а просто то, что 18-го (29-го) апрѣля Екатерина Алексѣевна разрѣшилась отъ бремени сыномъ, извѣстнымъ впослѣдствіи подъ именемъ графа Бобринскаго *).

Англійскій посолъ Кейтъ, который вообще былъ гораздо болѣе другихъ современниковъ склоненъ благопріятно относиться къ Петру, сообщаетъ о положеніи Екатерины въ это время слѣдующее: „Какъ кажется, у Императрицы до сихъ поръ рѣдко спрашиваютъ мнѣнія, и вообще нельзя сказать, чтобы она пользовалась большимъ значеніемъ". Часто упоминаетъ онъ, что Императрица не показывается при придворныхъ празднествахъ. 19-го марта онъ пишетъ: „Императрица имѣетъ мало вліянія. Каждый знаетъ теперь, что не только ея мнѣніе въ оффиціальныхъ вопросахъ ничего не значитъ, но что она не имѣетъ даже вѣса въ мелкихъ дѣлахъ". Однако, въ то время, когда Петръ не дозволялъ своей супругѣ принимать никакого участія въ дѣлахъ, Фридрихъ II писалъ Кейту: „Совѣтуйтесь съ Государынею она вамъ дастъ только самые лучшіе совѣты, и я васъ убѣдительно прошу слѣдовать таковымъ" **).

Точно также казалось и австрійскому посланнику графу Мерси д'Аржанто, что Екатерина не имѣла никакого вліянія; 1-го февраля онъ доносилъ, что она живетъ совершенно уединенно, но предполагаетъ при этомъ, что

*) «Cour», 189.
**) «Cour», 186, 187.

ея „тихая внѣшность“ только кажущаяся; онъ допускалъ, что она предпринимала въ это время „тайныя мѣры“. Нѣсколько позже онъ думалъ, что Императрица могла бы „только посредствомъ какого-либо необычайнаго происшествія пріобрѣсти вліяніе“. Въ мартѣ онъ жалуется уже, что Екатерина не пользуется у мужа „ни малѣйшимъ кредитомъ“, такъ какъ она, конфиденціально, ему, графу Мерси, заявила, „что еслибы у нея было хотя небольшое состояніе, то она употребила бы его на то, чтобы поддержать старую систему“, другими словами, — поддержать союзъ съ Австріею. Посланникъ высказалъ однажды Императрицѣ, во время аудіенціи, сожалѣніе, что, при „существующихъ стѣсненіяхъ“, онъ не можетъ ей ничего высказать, кромѣ оффиціальныхъ фразъ. Отъ нея — надѣялся Мерси — произойдетъ перемѣна системы, но между тѣмъ онъ долженъ былъ узнать, что Екатерина, „для того, чтобы не быть свидѣтельницею происходившаго при дворѣ безграничнаго безпорядка и неприличнаго образа жизни, заперлась въ своихъ комнатахъ и проводила дни въ горькихъ слезахъ“ *).

Таковы были отзывы объ Екатеринѣ Алексѣевнѣ иностранцевъ. Что же касается личныхъ отношеній между Петромъ III и Екатериною во время его царствованія, то на этотъ счетъ, существуетъ весьма мало указаній, заслуживающихъ довѣрія. Вполнѣ безпристрастный очевидецъ, Штелинъ, говоритъ, что Императоръ, переѣхавъ въ Зимній дворецъ, помѣстился въ совершенно противоположномъ помѣщеніямъ Екатерины концѣ дворца, и что рядомъ съ его комнатами были отведены комнаты для Воронцовой **).

Нѣкоторый свѣтъ на печальныя отношенія между

*) «С. Р. И. О.» XVIII. 33. 83. 120. 235. 323. 350. Brückner, 75. 76.
**) «Чтенія» IV. 96. 104.

Петромъ Ѳедоровичемъ и Екатериною Алексѣевною проливаютъ записки ювелира Пауція, которыя стали извѣстны весьма недавно. Онъ разсказываетъ, что когда ему приходилось являться къ Государю за полученіемъ денегъ за отпущенные товары, то ему необходимо было устроиться такъ, чтобы находиться въ комнатахъ Елизаветы Воронцовой, которую Петръ посѣщалъ очень часто. Однажды, когда Петръ встрѣтилъ на лѣстницѣ ювелира и узналъ, что тотъ возвращается отъ Екатерины Алексѣевны, онъ разгнѣвался и строжайше запретилъ ему когда либо являться къ Императрицѣ *). Разсказывали, что нелюбовь Петра къ своей супругѣ доходила до такихъ размѣровъ и вмѣстѣ съ тѣмъ до такихъ мелочей, что онъ даже запретилъ петергофскому садовнику сажать тѣ цвѣты, которымъ Императрица давала предпочтеніе **). Въ особенности, между дамами, составлявшими постоянное общество Петра, можно было слышать частыя насмѣшки и колкости, направленныя противъ Императрицы ***).

Графъ Гордъ, долго жившій частнымъ лицомъ въ Петербургѣ и допущенный Петромъ III-мъ являться ко двору, разсказываетъ, какъ однажды, въ то время, когда онъ находился у Ея Величества и принималъ участіе въ ея оживленномъ и умномъ разговорѣ, Императоръ послалъ за нимъ, чтобы онъ немедленно явился къ Воронцовой, у которой обѣдали. Графъ нашелъ для себя совершенно невозможнымъ объявить Государынѣ, по какой причинѣ онъ оставляетъ ея общество; онъ рѣшился остаться и извиниться передъ Петромъ Ѳедоровичемъ и его фавориткой; но Петръ пришелъ тогда самъ и увелъ его почти силою. Гордъ былъ восхищенъ так-

*) «Русская Старина». I. 201.
**) Brückner, 76.
***) «Русская Старина», I. 226.

тичнымъ поведеніемъ въ этомъ случаѣ Екатерины, но онъ замѣчаетъ только, что она съ трудомъ могла скрыть свою печаль, которая вообще снѣдала ее все время при столь невыносимомъ ея положеніи*).

Достаточно этихъ немногихъ приведенныхъ образцовъ, чтобы составить себѣ понятіе, каковы были отношенія между Екатериною Алексѣевною и ея супругомъ во время царствованія послѣдняго. Но этимъ горькая чаша Екатерины еще не исчерпывалась; ей предстояла еще перспектива — быть изгнанною изъ Россіи и, можетъ быть, подвергнуться заточенію. Ходили въ то время слухи, будто Петръ III имѣлъ намѣреніе освободить изъ шлюссельбургской крѣпости сверженнаго императора-ребенка Ивана Антоновича, перевести его въ Зимній дворецъ, объявить его наслѣдникомъ престола, а Екатерину съ сыномъ удалить**), и что по этому поводу происходило свиданіе Императора съ узникомъ.

Екатерина Алексѣевна была слишкомъ прозорлива, чтобы не понимать, на сколько ея положеніе было опасно, и слишкомъ честолюбива, и вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшительна, чтобы не отважиться на какую либо крайнюю мѣру и тѣмъ предупредить удары, которые ей угрожали. Общественное настроеніе было во всѣхъ отношеніяхъ благопріятно для нея. „Уже, говоритъ современникъ, всѣ разговоры были жалобами, ропотомъ и намеками людей, желавшихъ развѣдать одинъ у другаго мнѣнія. Въ народѣ слышались предосудительные слухи, искусно распространяемые, съ цѣлью подготовить его къ возстанію. Это было глухое волненіе, предшествующее бурѣ; и общество съ безпокойствомъ ожидало событія, которое измѣнило бы весь существующій

*) «Mémoires d'un gentilhomme suédois». Berlin 1788. Стр. 263. Brückner, 76.

**) Записки Саблукова. «Русск. Архивъ». 1869, стр. 1891.

порядокъ. Со всѣхъ сторонъ думали, что погибель Императрицы неизбѣжна, но чувствовали въ то же время, что подготовляется возмущеніе". Это было ясно для всѣхъ, и въ государствѣ были можетъ быть только Императоръ и Кейтъ, которые не сознавали настоящаго положенія дѣлъ *).

Какъ бы то ни было, но сдѣлалось очевиднымъ, что, рано или поздно, борьба между Императоромъ и Императрицею должна была быть неизбѣжною. Петръ III, еще будучи великимъ княземъ, не сумѣлъ пріобрѣсти ни любви, ни уваженія; съ тѣхъ же поръ какъ онъ вошелъ на престолъ, онъ пріобрѣлъ ненависть и презрѣніе. Онъ явно обнаруживалъ отвращеніе къ національнымъ нравамъ и обычаямъ и тѣмъ оскорблялъ самолюбіе русскихъ; онъ оттолкнулъ отъ себя духовенство, которое въ то время еще было очень сильно; онъ вооружилъ противъ себя гвардію, тѣмъ, что заставлялъ ее подчиняться нѣмецкой дисциплинѣ; однимъ словомъ, онъ съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе обнаруживалъ ограниченный умъ, упрямство, неспособность и склонность къ самымъ вреднымъ льстецамъ. Это и заставило Бретейля доносить своему двору 25-го апрѣля: „Всѣ болѣе чѣмъ недовольны Царемъ" **).

Вмѣстѣ съ тѣмъ эти „всѣ" невольно обращали взоры на забытую и загнанную Императрицу, которая въ уединеніи оплакивала смерть тетки, тогда какъ супругъ ея, съ перваго дня царствованія своего, принялся за пирушки, не обращая ни малѣйшаго вниманія на едва охладѣлое тѣло покойной Государыни. Въ высшихъ слояхъ общества сталъ слышаться ропотъ, быстро распространявшійся по столицѣ и по всей Россіи, когда узнали о мирѣ съ Пруссіею, когда увидѣли презрѣніе

*) «Cour», 193.
**) «Cour», 190.

Императора ко всему русскому и поклоненіе, доходившее до фетишизма, передъ вчерашнимъ нашимъ врагомъ.

Эти „всѣ“ желали перемѣны и перемѣны этой ждали отъ Екатерины. Преданностью своею къ православной вѣрѣ и русскимъ интересамъ, уваженіемъ къ народнымъ нравамъ и обычаямъ, которые такъ безрасудно попиралъ Петръ III, открытымъ предпочтеніемъ ко всему русскому, Императрица сумѣла вселить къ себѣ всеобщее сочувствіе. На нее смотрѣли какъ на надежду Россіи, отъ нея ожидали единственнаго спасенія. Неоднократно подвергавшаяся въ обществѣ грубымъ выходкамъ Императора, она жила въ Петергофѣ, но въ уединеніи своемъ зорко слѣдила за ходомъ дѣлъ и оборотомъ, который принимало общественное мнѣніе. Она съ необыкновенною ловкостью и искусствомъ, держала въ рукахъ своихъ нити общественнаго заговора, съ каждымъ днемъ усиливавшагося и во главѣ котораго стояли предпріимчивые и талантливые братья Орловы.

Долгое время заговорщики считали въ рядахъ своихъ одну только молодежь. Теперь имъ нужны были люди съ вѣсомъ и значеніемъ въ свѣтѣ, для чего, прежде всего, имъ надо было склонить на свою сторону наставника великаго князя Павла Петровича, Никиту Ивановича Панина, и гетмана графа Разумовскаго, пользовавшагося особенною любовью гвардіи. Главное искусство Екатерины состояло въ томъ, что она до послѣдней минуты не высказывалась; многіе изъ заговорщиковъ, а между ними Панины и, какъ думаютъ иные, гетманъ, увѣрены были, что дѣло идетъ о возведеніи на престолъ Павла Петровича и ошибку свою увидѣли только тогда, когда Екатерина была уже провозглашена самодержицею и когда дѣлать было уже нечего *).

---

*) «Осмнадцатый Вѣкъ». IV, 575—576.

Панинъ и графъ Разумовскій безъ особыхъ трудовъ были привлечены на сторону Императрицы, и съ этихъ поръ дѣло Екатерины Алексѣевны было выиграно.

Между тѣмъ странныя выходки Императора не прекращались. Уже давно лежалъ у него на душѣ вопросъ о Шлезвигѣ; давно хотѣлось ему, до сихъ поръ игравшему только въ солдатики, испробовать настоящей войны; и вотъ онъ вдругъ, совершенно неожиданно для всѣхъ, высказалъ датскому посланнику за обѣдомъ, въ присутствіи большаго общества, намѣреніе объявить войну Даніи. Это извѣстіе произвело переполохъ во всѣхъ. Тѣ, въ разсчеты которыхъ входило продленіе царствованія Петра III, старались всѣми средствами воспрепятствовать отъѣзду Императора изъ Россіи; противная же ему партія отложила исполненіе заговора до его отъѣзда. Но Петру III-му не суждено было осуществить свои мечты.

Въ числѣ заговорщиковъ въ это время находились уже лица весьма вліятельныя. Кромѣ гетмана и Н. И. Панина, были Лосунской, Рославлевы, князь Михаилъ Никитичъ Волконскій, Ив. Ив. Шуваловъ, графъ Александръ Сергѣевичъ Строгановъ, Тепловъ и др.; къ концу іюня мѣсяца, по словамъ Екатерины, между соумышленниками въ гвардіи считалось до сорока офицеровъ и около 10.000 рядовыхъ; соумышленники раздѣлялись на четыре группы, и вожди группъ собирались для рѣшеній; настоящимъ же секретомъ владѣли трое братьевъ Орловыхъ. Исполненіе замысла отлагалось до отъѣзда Петра къ заграничной арміи; но было рѣшено, въ случаѣ открытія умысла, собрать гвардію и провозгласить Екатерину Алексѣевну царствующею Императрицею.

Рѣшительность и энергія приверженцевъ Екатерины Алексѣевны были, при существовавшихъ тогда

условіяхъ, не лишни. Императрица съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе приближалась къ гибели. Это становилось очевиднымъ. Петръ III рѣшился такъ или иначе отъ нея отдѣлаться. Въ день празднованія мира съ Пруссіею, Императоръ даже повелѣлъ ее арестовать и заточить въ монастырь. Но она избѣгла ареста только благодаря заступничеству дяди Императора, герцога Георга Голштинскаго. Екатерина Алексѣевна писала послѣ того, что „только съ этой минуты она начала прислушиваться къ предложеніямъ, которыя ей дѣлали послѣ смерти Елизаветы". Но хотя всеобщее неудовольствіе росло съ каждымъ днемъ, тѣмъ не менѣе исполненіе заговора откладывалось на неопредѣленное время.

27-го іюля Императоръ и Императрица отправились, по приглашенію графа Алексѣя Разумовскаго, въ Гостилицы, на праздникъ, устраиваемый въ честь ихъ. Здѣсь Петру и Екатеринѣ суждено было видѣться въ послѣдній разъ. На слѣдующій день совершился государственный переворотъ, доставившій россійскій престолъ самодержавной власти Императрицы Екатерины II.

Таковы были условія, подготовлявшія будущую великую личность въ первыя три десятилѣтія ея жизни. Вся эта подготовительная эпоха находится въ неразрывной связи съ эпохою ея славы. Вмѣстѣ съ тѣмъ эта подготовительная эпоха жизни Екатерины Великой, представляющая изъ себя непрерывную нравственную борьбу, вызывала къ дѣятельности всѣ духовныя силы Екатерины и была тою школою, въ которой такъ блистательно развилась будущая повелительница Россіи. Съ другой стороны, весь образъ дѣйствій Петра III-го

былъ для нея чрезвычайно поучителенъ въ отрицательномъ смыслѣ, указывая на ошибки, которыхъ должно избѣгать, уясняя ей цѣли, къ которымъ слѣдовало стремиться. Екатерина сама сознается, что, по гордости души, она не допускала для себя возможности быть несчастною и хотѣла во что бы то ни стало возвыситься надъ обстоятельствами. Для разъясненія всего образа дѣйствій ея при дворѣ Елизаветы Петровны необходимо имѣть въ виду важное постановленіе, послѣдовавшее при ея бракосочетаніи, что, въ случаѣ кончины великаго князя бездѣтнымъ, право на наслѣдство переходитъ къ ней. Такимъ образомъ въ Екатеринѣ естественно пробудилась забота готовиться къ положенію, котораго предчувствіе уже и прежде, какъ мы знаемъ, жило въ душѣ ея. Мирясь со своимъ настоящимъ, со своею зависимостью, она приносила всѣ самыя тяжкія жертвы для будущаго и, терпѣливо выжидая обстоятельствъ, училась, наблюдала, размышляла, словомъ, сознательно, обдуманно, воспитывала себя для предстоящей высокой дѣятельности. При ея даровитой, богатой природѣ, неудивительно, что по осуществленіи ея плановъ и результаты этого самовоспитанія вышли необычайные.

Мос... библіотека
Мос... обл. библіотека

Оглавленіе.

стр.

Вступленіе. 3

I. Происхожденіе великой княгини Екатерины Алексѣевны. — Ея родители. — Князь Христіанъ-Августъ Ангальтъ-Цербстскій. — Принцесса Іоганна-Елизавета. — Братья и сестры. — Рожденіе Екатерины и жизнь въ Штетинѣ. — Первоначальное воспитаніе. — Учителя. 6

II. Вопросъ о престолонаслѣдіи въ случаѣ кончины Императрицы Елизаветы Петровны. — Выборъ невѣсты для великаго князя Петра Ѳедоровича. — Вмѣшательство короля Прусскаго въ вопросъ о выборѣ невѣсты. — Выборъ принцессы Ангальтъ-Цербстской. — Переписка Брюммера съ принцессою Іоганною-Елизаветою. — Письмо Фридриха II къ Іоганнѣ-Елизаветѣ. — Впечатлѣніе, произведенное въ Цербстѣ, при полученіи предложенія на бракъ принцессы Софіи. — Письмо Іоганны-Елизаветы къ королю Прусскому. — Отношенія между дворами русскимъ и голштинскимъ. — Нетерпѣніе Императрицы Елизаветы Петровны видѣть принцессъ. — Второе и третье письма Фридриха II къ Іоганнѣ-Елизаветѣ. — Приготовленія къ отъѣзду. — Рекомендательное письмо Фридриха II. — Промеморія кн. Христіана-Августа. 20

III. Великій князь Петръ Ѳедоровичъ. — Первое знакомство съ нимъ Екатерины въ Эйтинѣ. — Пріѣздъ его въ Россію. — Воспитаніе его. — Учителя: Штелинъ, Теодорскій, Веселовскій, Лоде. — Оберъ-Гофмаршалъ Брюммеръ. — Характеръ Петра Ѳедоровича. 40

IV. Отъѣздъ принцессы Іоганны-Елизаветы съ дочерью изъ Цербста въ Россію. — Составъ свиты. — Путешествіе по Германіи. — Письмо принцессы Софіи къ отцу изъ Кенигсберга. — Путешествіе по Россіи. — Рига. — Пріѣздъ въ С.-Петербургъ. — Политическія партіи въ С.-Петербургѣ. — Путешествіе изъ С.-Петербурга въ Москву. 48

V. Первое свиданіе съ Императрицею Елизаветою Петровною. — Пожалованіе орденомъ св. Великомученицы Екатерины. — Знакомство съ великимъ княземъ. — Первые дни въ Москвѣ. — Составъ двора и учителя принцессы Софіи-Августы. — Занятія русскимъ языкомъ. — Отношенія принцессы-матери къ придворнымъ партіямъ. — Болѣзнь принцессы Софіи. — Участіе къ ней Императрицы и великаго князя. — Характеръ и поведеніе принцессы при русскомъ дворѣ. 64

стр.

VI. Вопросъ о перемѣнѣ вѣроисповѣданія. — Переписка съ княземъ Ангальтъ-Цербстскимъ по поводу вопросовъ о вѣрѣ. — Бракосочетаніе великаго князя откладывается на неопредѣленное время. — Принятіе православія. — Безтактность Іоганны-Елизаветы. — Вмѣшательство ея въ политическія интриги. — Отставка маркиза де-ля-Шетарди. — Назначеніе великой княжнѣ придворнаго штата. 78

VII. Поѣздка на богомолье въ Кіевъ. — Письмо Екатерины къ Императрицѣ изъ Глухова. — Образъ жизни въ Москвѣ. — Болѣзнь Петра Ѳедоровича. — Возвращеніе въ С.-Петербургъ. — Вліяніе Гюлленборга на Екатерину. — Отношенія къ Императрицѣ великой княжны и ея матери. — Приготовленіе къ бракосочетанію. 94

VIII. Настроеніе Екатерины передъ свадьбою. — Бракосочетаніе. — Перемѣны въ дворцовомъ штатѣ. — Отъѣздъ Іоганна-Елизаветы въ Цербстъ. 106

IX. Взглядъ Екатерины на отношенія ея къ Петру Ѳедоровичу. — Занятія Петра Ѳедоровича. — Отзывы о немъ иностранныхъ министровъ. — Удаленіе Брюммера и Берхгольца и назначеніе оберъ-гофмаршаломъ князя В. Н. Репнина. — Чернышевы. — Чоглоковы. — Инструкція для лицъ, состоящихъ при ихъ высочествахъ. 115

X. Занятія Екатерины въ первое время замужества. — Ея способности. — Отзывъ о ней Уильямса. — Чтенія. — Прасковья Никитична Владиславлева. — Собственноручныя замѣтки Екатерины. — Стремленіе пріобрѣсти популярность. — Живость характера. 129

XI. Сношенія Екатерины съ родителями. — Отказъ ея отъ правъ на Цербстское наслѣдіе. — Переписка Іоганны-Елизаветы съ графомъ Воронцовымъ.—Сакромозо. — Смерть князя Хрисіана-Августа. — Судьба княжества Цербстскаго. — Переѣздъ Іоганны-Елизаветы въ Парижъ. 141

XII. Первыя пять лѣтъ замужества. — Замѣна кн. Репнина — Чоглоковымъ.— Разнузданность Петра Ѳедоровича. — Интрига Екатерины съ гр. Захаромъ Чернышевымъ. — Паденіе дома въ Гостилицахъ. — Зубная боль. — Дворцовая обстановка Екатерины. — Балы и маскарады. — Верховая ѣзда. 151

XIII. Отношенія Екатерины къ мужу. — Нравственная испорченность двора. — Сближеніе съ Чоглоковыми. — Неудовольствіе Императрицы. — Беременность Екатерины. — Зима 1753 года въ Москвѣ. — Болѣзнь Екатерины. — Смерть Чоглокова. — Графъ А. И. Шуваловъ. — Предположеніе замѣнить М. С. Чоглокову графинею Румянцовою. 166

XIV. Переѣздъ двора въ С.-Петербургъ. — Рожденіе Павла Петровича. — Празднества по этому случаю. — Сношенія Екатерины съ сыномъ. — Болѣзненное состояніе Елизаветы Петровны. — гр. Шуваловы. — Отношенія къ нимъ Екатерины. — Сближеніе ея съ графами Разумовскими. — Брокдорфъ. 175

XV. Голштинцы въ Ораніенбаумѣ. — Разведеніе сада. — Предсказанія Ламберти. — Вмѣшательство Екатерины въ дѣла Голштиніи. — Отношенія ея къ Брокдорфу. — Пристрастіе Петра Ѳедоровича къ Пруссіи. 188

XVI. Канцлеръ Бестужевъ. — Сближеніе съ нимъ Екатерины. — Графъ Понятовскій. — Проекты гр. Бестужева о престолонаслѣдіи. — Сочувствіе

стр.

гр. А. Г. Разумовскаго. — Заговоръ Батурина. — Политическое значеніе Петра и Екатерины. 200

XVII. Участіе Екатерины въ дѣлахъ Европейской политики. — Сиръ Ганбюри-Уильямсъ. — Екатерина рѣшаетъ дѣла Голштиніи. — Мнѣніе ея объ отношеніяхъ Россіи къ Пруссіи и Англіи. — Сближеніе русскаго двора съ Франціею. — Попытки гр. Шуваловыхъ сблизиться съ великою княгинею. — Удаленіе Уильямса. — Письмо къ нему Екатерины. 212

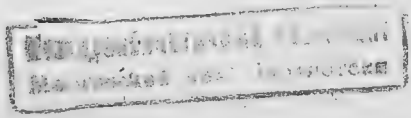
XVIII. Болѣзнь Императрицы Елизаветы Петровны. — Рожденіе Анны Петровны и ея кончина. — Соображенія Екатерины на счетъ ея будущности. 223

XIX. Положеніе и политика гр. Бестужева передъ Семилѣтнею войною. — Военныя дѣйствія гр. Апраксина. — Отступленіе его арміи. — Замыслы гр. Бестужева. — Сношенія Екатерины съ гр. Апраксинымъ. — Смѣна гр. Апраксина Ферморомъ. — Опасное положеніе Екатерины. — Паденіе Бестужева и допросы его въ слѣдственной коммиссіи. — Великая княгиня замѣшана въ дѣлѣ гр. Бестужева. — Переписка Екатерины съ Елагинымъ. 230

XX. Опасное положеніе великой княгини и слухи объ ея изгнаніи. — Объясненіе Екатерины съ гр. А. И. Шуваловымъ. — Письмо ея къ Императрицѣ. — Свиданіе съ Елизаветою Петровною. — Ожиданіе втораго свиданія. — Второе письмо къ Императрицѣ. 247

XXI. Кончина Іоганны-Елизаветы. — Донесенія кн. Голицына. — Просьба Екатерины о выкупѣ вещей, заложенныхъ ея матерью. — Съ паденіемъ гр. Бестужева значеніе Екатерины пропадаетъ. — Намѣреніе Елизаветы Петровны отстранить Петра Ѳедоровича отъ престола. — Проектъ гр. Шуваловыхъ о возведеніи на престолъ, по смерти Императрицы, Павла Петровича. — Кончина Елизаветы Петровны. — Княгиня Е. Р. Дашкова. — Первый день царствованіи Петра III-го. 260

XXII. Царствованіе Петра III. — Прекращеніе войны съ Пруссіею. — Характеръ царствованія. — Начало неудовольствій. — Положеніе Екатерины. — Отзывы о ней иностранныхъ министровъ. — Отношенія ея къ Петру III-му. — Свиданіе Петра III съ Иваномъ Антоновичемъ. — Императрицѣ угрожаетъ опасность. — Всеобщее негодованіе противъ Петра III. — Начало заговора. — Императоръ приказываетъ арестовать Екатерину. — Послѣднее свиданіе между Екатериною и ея супругомъ. — Заключеніе. 274



цена 7руб